PG 3313
.K3 A16

1836

THE LIBRARY OF CONGRESS

Князь Антіохъ Кантемиръ

КАНТЕМИРЪ.

СОЧИНЕНІЯ

КНЯЗЯ АНТІОХА ДМИТРІЕВИЧА

КАНТЕМИРА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ типографіи Х. Гинце.

1836.

PG3313
.K3A16
1836

Печатано съ изданія 1762 года.

Примѣчаніе. Всѣ заимствованныя нами примѣчанія изъ прежняго изданія отмѣчены знакомъ †

РУССКІЕ КЛАССИКИ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, Декабря 17 дня 1835 года.

Цензоръ В. Семеновъ.

САТИРЫ.

L'ardeur de se montrer, et non pas de medire
Arma la verité du vers de la Satire.
Boileau Art. Poet, Chant, II. p. 145.

Не злословить, но себя оказать межь нами
Жадность правду воружи Сатиры стихами.
Буало о искусстве Стих. Пьснь II. стр. 145.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сатирою назвать можно такое сочиненіе, которое забавнымъ слогомъ осмѣвая злонравіе, старается исправлять нравы человѣческіе. Потому она въ намѣреніи своемъ со всякимъ другимъ нравоучительнымъ сочиненіемъ сходна: но слогъ ея будучи простъ и веселый, чипается охотнѣе, а обличенія ея, тѣмъ удачливѣе, что мы посмѣянія больше всякаго другаго наказанія боимся.

Сатира начало свое приняла на позорищахъ (1), гдѣ между дѣйствами трагедіи вводилися, для увеселенія смотрителей (2), смѣшныя явленія, въ которыхъ дѣйствующія лица, въ образѣ Сатировъ, грубыми и почти деревенскими шутками пятнали гражданъ злые нравы и обычаи. Такое изображеніе Римляне, Грекамъ послѣдуя, на своихъ позорищахъ завели; а потомъ и кромѣ зрѣлища порядочными (3) стихами сатирическія творенія составлять стали. Луцилій нѣкто въ томъ дорогу показалъ Горацію, Персію и Ювеналу; а сіи Италіанскимъ, Французскимъ и прочихъ народовъ Сатирикамъ.

Я въ сочиненіи своихъ наипаче Горацію и Буало Французу послѣдовалъ, отъ которыхъ много занялъ, къ нашимъ обычаямъ присвоивъ. Читателямъ моимъ оставляю судить, сколько я въ семъ опытѣ новаго на нашемъ языкѣ сочиненія преуспѣлъ. Новость предпріятія можетъ быть извинитъ погрѣшенія слога; а осторожное обличеніе злонравія подлинно неосудятъ любители добродѣтели. Отъ злонравныхъ ничего не ожидаю, хуленія и хвалу, гнѣвъ и любовь ихъ равно презирая.

(1) На зрѣлищахъ, театрахъ.
(2) Зрителей.
(3) Послѣдовательными, методическими.

О

ЖИЗНИ И ТРУДАХЪ

КНЯЗЯ АНТІОХА ДМИТРІЕВИЧА

КАНТЕМИРА. (*)

»Матеріалы для жизни художника — одни его произведенія: будь онъ музыкантъ, стихотворецъ, живописецъ; въ нихъ найдете его духъ, его характеръ, его физіогномію; въ нихъ найдете даже тѣ происшествія, которыя ускользнули отъ метрическаго пера историковъ.«

Себ. Бахъ.

Кн. Вл. Одоевскій.

Фамилія Кантемировъ ведетъ начало свое отъ Татаръ Крымскихъ (1). Предокъ ихъ переселился въ первой половинѣ XVI вѣка изъ Крыма въ Молдавію и принялъ тамъ святое крещеніе; а первый, называвшійся Кантемиромъ, былъ Константинъ, Князь Молдавскій. Сынъ его Князь Дмитрій былъ отецъ нашего писателя, а мать Антіоха изъ фамиліи Князей Кантакузеновъ.

Въ 1710 г. Ахметъ III предложилъ Князю Дмитрію Кантемиру Княжество Молдавское и титло Господаря. Тонкій политикъ, образованный и властолюбивый вельможа, Дмитрій Кантемиръ не вдругъ принялъ даръ Султана: онъ хотѣлъ обеспечить права свои

(*) Всѣ подробности о жизни Князя Кантемира заимствованы нами изъ прежняго изданія его сочиненій и у Аббата Венутти, друга Автора.

Поэзіи, и »занимался ими не для то»го, чтобы щеголять знаніями въ сует»номъ кругу ученыхъ женщинъ или »Академиковъ: онъ любилъ науки для »наукъ, поэзію для поэзіи—рѣдкое ка»чество, истинный признакъ великаго »ума и прекрасной, сильной души!« (*)

Онъ былъ знакомъ со всѣми Парижскими учеными и литераторами своего времени; но искреннимъ его пріятелями были Аббатъ Гуаско и знаменитый Президентъ Монтескьё. Съ ними дѣлилъ онъ свободное отъ всѣхъ занятій время, и бесѣды ихъ были всегда занимательны.

Съ 1740 г. почувствовалъ онъ желудочные припадки, которые часъ отъ часа усиливались. Въ 1741 году, по совѣту Доктора Жандрона, ѣздилъ онъ къ Ахенскимъ цѣлительнымъ водамъ, отъ коихъ получилъ облегченіе: равно какъ отъ лекарства знаменитой дѣвицы Стивенсъ, употребленнаго имъ по совѣту того же медика.

Лѣтомъ 1743 года поѣхалъ онъ къ Пломбіерскимъ водамъ, но будучи не въ состояніи ими пользоваться, возвратился въ Парижъ, гораздо въ худшемъ положеніи нежели прежде. Съ этого времени болѣзнь его начала усиливаться: открылась лихорадка и кашель. Друзья его совѣтовали ему перемѣнить климатъ и ѣхать въ Италію. По ихъ совѣту Кантемиръ просилъ позволенія провести зиму въ Неаполѣ, но прежде нежели получилъ на то разрѣшеніе отъ Двора своего, болѣзнь его усилилась до такой степени, что онъ не могъ уже предпринять этого путешествія.

Около полугода Кантемиръ страдалъ жестокою болью въ груди, но самъ не предвидѣлъ опасности. Однажды, одинъ изъ друзей, неоставлявшій его во всю болѣзнь, читая вмѣстѣ съ нимъ Цицероново разсужденіе о дружбѣ, и то мѣсто, гдѣ говорится о взаимныхъ должностяхъ друзей, рѣшился открыть ему опасность, въ которой онъ находился. Кантемиръ не смутился и искренно благодарилъ его за это доказательство истинной дружбы и просилъ сохранить ее къ нему до самой смерти. Прекрасный примѣръ твердости душевной и чистой совѣсти! Къ сожалѣнію намъ неизвѣстно имя этого друга, который такъ хорошо понялъ свою обязанность.

Послѣдніе дни своей жизни Кантемиръ посвятилъ обязанностямъ Христіянина. Исповѣдавшись, онъ слушалъ въ домовой своей церкви литургію въ день Св. Пасхи и пріобщился Св. Таинъ. На другой день также былъ у обѣдни, но на третій уже былъ не въ состояніи приказать нести себя въ церковь.

Въ Субботу на Святой недѣли, 11 Апрѣля 1744 г., около шести часовъ вечера онъ почувствовалъ приближеніе смерти, и съ крестнымъ знаменіемъ и именемъ Христа на устахъ, скончался 34 лѣтъ и 7 мѣсяцовъ отъ рожденія. Причиною смерти его была водяная въ груди.

Въ оставленномъ имъ духовномъ завѣщаніи онъ приказалъ, чтобъ тѣло

(*) Батюшковъ.

его, по вскрытіи, было бальзамировано и отвезено въ Россію, для погребенія въ томъ же монастырѣ, гдѣ положенъ отецъ его (7).

Въ обращеніи своемъ съ перваго взгляда Кантемиръ казался непривѣтливъ, даже суровъ; но чѣмъ ближе знакомились съ нимъ, тѣмъ нечувствительнѣе казался этотъ недостатокъ. Причиною мрачнаго его нрава были долговременныя болѣзни; но съ друзьями онъ былъ не только веселъ, но любезенъ и остръ. Онъ часто говаривалъ, что нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ употреблять знатность и силу на добро ближнему, — и всегда самъ поступалъ такъ.

Кантемиръ свободно изъяснялся по-Молдавански, по-Латинѣ, по-Италіянски, по-Французски и по ново-Гречески, и сверхъ того зналъ древній Греческій, Испанскій и Англійскій языки.

Изъ сочиненій его извѣстны: *Симфонія* или Конкорданція на Псалмы Давыдовы, изд. въ 1727 г., заключающаяся въ сводѣ по азбучному порядку всѣхъ стиховъ Псалтыря, для удобнѣйшаго пріисканія текстовъ; *Сатиры*, *Оды*, *Басни*, *Посланія* и *Эпиграмы*, нынѣ нами издаваемыя. Сверхъ того онъ оставилъ неоконченную поэму *Петреиду*, которая, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстна; старанія наши достать ее остались тщетны. *Эротическія пѣсни*, въ молодости имъ сочиненныя, только потому извѣстны, что Кантемиръ самъ съ сожалѣніемъ упоминаетъ объ нихъ въ своихъ сатирахъ.

Изъ переводовъ въ стихахъ:

1. X *Посланій Горація*, 1-*й книги* (нынѣ издаваемыя).
2. *Оды Анакреона* (неизд.)

Въ прозѣ:

1. *Фонтенеловы разговоры о множествѣ міровъ* (напеч.)
2. *Юстинова Исторія.*
3. *Корнелій Непотъ.*
4. *Таблица Кевита.*
5. *Персидскія письма.*
6. *Нравоученіе Эпиктета.*

неизданы.

7. *Разговоры Альгаротти о Свѣтѣ.*

Теперь постараемся изслѣдовать достоинство Кантемира въ литературѣ, опредѣлить, сколько можемъ, заслуги, его въ нашей словесности, и по мѣрѣ силъ нашихъ, показать дипломатическія его дарованія.

Но прежде мы должны представить себѣ картину той эпохи нашего отечества, въ которую онъ дѣйствовалъ. Эпоха эта достойна вниманія Россіи, достойна пера искуснѣйшаго, нежели наше и предѣловъ обширнѣйшихъ нежели предисловіе.

Кантемиръ является писателемъ въ 1725 году. Это время было колыбелью нашего просвѣщенія, время великое по тѣмъ начинаніямъ Петра, которыя приходили уже въ исполненіе, обильное геніемъ Преобразователя, богатое великими умами почти по всѣмъ частямъ гражданской, политической образованности, но едва ли не бѣднѣйшее, едва ли не безплоднѣйшее для словесности. Съ принятіемъ Россіею Европейскаго костюма, Славянская литература (почти вся церковная), если не отчезла совершенно, то быстрыми шагами приближалась къ своему концу, а Русская еще не родилась,—скажемъ болѣе, Русскаго языка еще не существовало. Множество предметовъ, дотолѣ неизвѣстныхъ въ Россіи и заимствованныхъ у иностранцевъ, требо-

вали напменованій. Богатый Славянскій языкъ, какъ упрямый старикъ, упорно отказывалъ въ нихъ пришельцамъ. Отъ этого произошла та уродливая смѣсь иноземныхъ и Славянскихъ выраженій, которыми испещрены ново-русскія книги того времени, смѣсь, которая потомъ превратилась въ нѣкоторый родъ щегольства, вредный для хорошаго вкуса и пагубный для вкуса еще необразовавшагося. Въ чемъ заключалась тогда наша Словесность? — Въ стихотворномъ преложеніи псалтыри Симеона Полоцкаго!, въ двухъ, трехъ драматическихъ піэсахъ духовнаго содержанія, въ родѣ мистерій, и въ нѣсколькихъ церковно-полемическихъ сочиненіяхъ Θеофана Прокоповича и Стефана Яворскаго, да въ плодовитыхъ виршахъ Іоанна Максимовича, надъ которыми такъ остроумно смѣется Кантемиръ въ своей Сатирѣ. Вотъ все ея богатство; вотъ состояніе ново-Русской литературы первой части XVIII вѣка.

Просвѣщеніе общественное было неблистательнѣе Словесности. Общество, гдѣ все тогда кипѣло жизнію предъ геніяльною волею Петра, гдѣ всѣ элементы находились въ броженіи отъ безирерывныхъ столкновеній стараго съ новымъ, общество было дѣятельно, но образованность была безсильна, хотя и ободрялась могущественнымъ покровительствомъ Монарха. Возвратившіеся изъ чужихъ краевъ молодые Русскіе путешественники, не составляли и сотой долп публики. Притомъ съ возвратомъ ихъ, она хотя и оживилась, хотя просвѣщеніе и примѣтно возрасло по наружности, но въ домашней жизни оно скрывалось, таилось столь же упорно, какъ и прежде. Новая образованность боролась съ старыми предразсудками, но предразсудки эти были предразсудки отцевъ, и часто молодые люди, смѣясь внутренно надъ невѣжествомъ, изъ почтенія къ родителямъ, изъ сыновней любви наружно мирились съ нимъ. Гдѣ-жь общественная образованность, когда источникъ свѣтской любезности — семейная жизнь, погружена во мракѣ невѣжества?

На балахъ, на вечерахъ, дававшихся по Указу, видны были кое-гдѣ ревнители образованности: тамъ только было открытое поприще для ихъ любезности. Но тамъ же, и въ бо́льшемъ колпчествѣ, были и обритые старовѣры, приверженные ко всему старому и страшившіеся всякаго нововведенія. Любопытна была эта смѣсь. Занимательна встрѣча двухъ поколѣній: стараго, съ недовѣрчивостію взиравшаго на новое, и новаго, съ дерзостью глядѣвшаго на старое. Замѣтьте, что женщины не одушевляли этихъ собраній. Онѣ находились въ нихъ, но всегда составляли отдѣльный кругъ, особое общество,—status in statu— и сходились съ мужчинами только въ торжественныхъ круговращеніяхъ менуэта.

Между тѣмъ въ С. Петербургѣ учредилась Академія Наукъ. Великій Петръ — *сей Русскій полу-богъ*—неутомимо преслѣдуя великую цѣль преобразованія, выписалъ для нея достойныхъ Профессоровъ, и въ 1724 году Бернуллій, Бильфингеръ, Бейеръ, Гроссъ открыли курсъ своихъ лекцій.

Молодые люди, одни изъ угожденія Монарху, другіе изъ любви къ наукамъ, начали посѣщать ихъ. Въ числѣ

послѣднихъ былъ пятнадцатилѣтній Кантемиръ. Съ какимъ жаромъ, съ какимъ усердіемъ предался онъ наукамъ! Удаленный отъ шума свѣта, съ какою любовію дѣлилъ онъ время между мертвыми Греками и Латинами! Изслѣдованіе причинъ и дѣйствій природы, по собственному его признанію, составляло всѣ его желанія.

Черезъ годъ послѣ того, будучи 16 лѣтъ отъ рода, предпринялъ онъ сочиненіе *Симфоніи или Конкорданціи на псалмы Давыдовы*, которое и издалъ въ 1727 году. Трудъ этотъ заслуживаетъ особенное вниманіе, какъ доказательство постояннаго прилежанія, необыкновеннаго въ подобномъ возрастѣ. По совершеніи этого труда можно было бы впередъ опредѣлить систематическое и точное направленіе его генія; но это одно не составляетъ еще достоинства Кантемира.

Глубоко изучивъ нашего писателя, мы смѣло можемъ назвать Кантемира философомъ, поэтомъ и политикомъ; но прежде нежели мы разовьемъ это предложеніе, посмотримъ какія онъ имѣлъ средства, и кто служили ему образцами.

Изъ вышесказаннаго мы видѣли въ какомъ положеніи тогда находилась Словесность. Кантемиръ смѣлою ногою сталъ на рубежѣ двухъ ея эпохъ: принадлежа по формѣ силлабическихъ стиховъ своихъ къ вѣку Максимовичей и Яворскихъ, онъ по языку принадлежитъ уже новой школѣ, которой окончательную форму далъ геній Ломоносова и Карамзина. Онъ первый въ Россіи осмѣлился писать какъ говорили. Заботясь не только объ очищеніи искаженнаго тогда языка, но о самомъ благозвучіи стиховъ своихъ, онъ блистательно успѣлъ въ своемъ предпріятіи: его силлабическій стихъ часто звучитъ роскошными звуками Греческаго метра. Читая его Предисловіе къ Симфоніи, написанное на полу-Славянскомъ и полу-Русскомъ языкѣ, не вѣришь, чтобъ одинъ и тотъ же писатель и въ столь короткое время (1727 — 1729) могъ усовершенствовать, или лучше сказать, пересоздать языкъ свой до благозвучности этихъ стиховъ:

Трижды строплъ лиру я, и дрожащи персты
Трижды на струны навелъ, и уста отверсты
Готовили тебѣ пѣснь; трижды раздѣляя
Быстро воздухъ, прилетѣлъ изъ вышняго края
Небесъ бѣлокурый богъ!...

Справедливость требуетъ однакожь сказать, что слогъ Кантемира не вездѣ столь чистъ и благозвученъ, какъ въ приведенномъ отрывкѣ. Но могъ ли онъ сдѣлать болѣе? Долго ли былъ онъ въ Россіи? Съ 12-ти лѣтняго возраста въ походахъ въ Персіи, съ 14 лѣтняго въ полу-русскомъ тогда Петербургѣ, съ 22-хъ лѣтняго за границей. Всего на все восемь лѣтъ въ Россіи! Но онъ понялъ геній языка Русскаго; въ этомъ удостовѣряетъ письмо его о сочиненіи Русскихъ стиховъ. Онъ первый даже постигнулъ возможность стиховъ Русскихъ стопою безъ рифмъ,— вотъ примѣръ:

Христе, любви пламень, единъ еси
Вышняго сыне.

Но какихъ трудовъ стоило ему обработаніе языка, видно изъ примѣчаній

его къ посланіямъ Горація, имъ переведеннымъ. Переводя этотъ стихъ Тибурскаго пѣвца: me ipse regam solerque elementis, Кантемиръ elementis перевелъ *начальнѣйшіе законы*. «Элементы, говоритъ онъ, суть первыя «наставленія, *начала* какой-либо науки, «которую рѣчь мы въ нашемъ языкѣ »не имѣемъ, для того я употребилъ: «начальнѣйшіе законы.» — Прекрасное, и получившее въ наше время право гражданства въ языкѣ, слово: *начала*, было на устахъ Кантемира, но показалось ему недостаточнымъ. Онъ предугадалъ его, но употребить не осмѣлился и замѣнилъ его перифразисомъ. «Вѣдаю, продолжаетъ онъ, что то Ла«тинскому не соотвѣтствуетъ, *да не «знаю чѣмъ пособить.*»

Однакожъ если Кантемиръ вполнѣ постигнулъ геній Русскаго языка, для чего же избралъ силлабическій стихъ, столь намъ несвойственный? Для чего, подобно Ломоносову, не создалъ звучныхъ, метрическихъ строфъ? — Мы должны признаться, что предлагая эти вопросы, мы превзошли наши права, но въ отвѣтъ сказать можемъ, что Кантемиръ не имѣлъ довольно для того времени. Жизни человѣка, вполнѣ себя посвятившаго литературѣ, едва было бы достаточно для такого труда, а нашъ Сатирикъ, какъ самъ говоритъ, посвящалъ литературѣ только свободные часы, которыхъ у него было не много.

Но если въ языкѣ Кантемиръ имѣлъ весьма скудныя средства, за то въ образцахъ обладалъ рѣдкимъ богатствомъ. Имѣя основательныя познанія въ древнихъ и многихъ новѣйшихъ языкахъ, какой обильный источникъ образцовъ во всѣхъ родахъ представлялся глазамъ его! Классическая литература Грековъ и Римлянъ была ему вполнѣ знакома. Мы видѣли отрывки переводовъ его изъ Омира, онъ преложилъ и Анакреона. Въ другихъ родахъ Виргилій, Ювеналъ, Плавтъ, Сенека служили ему образцами; но любимый поэтъ его былъ Горацій. Въ сатирахъ, въ пѣсняхъ, въ посланіяхъ Кантемира, вы вездѣ найдете что нибудь Горацiанское, — или отдѣльную мысль, или слово, или уподобленіе. Но это происходитъ не отъ недостатка творчества, а отъ сходства положеній. Оба при Дворахъ просвѣщеннѣйшихъ народовъ, каждый своего времени, одинъ при своемъ, другой при чужестранномъ, оба философы, оба сатирики, оба равно любящіе науку: разница въ частностяхъ жизни — и она отразилась относительно въ твореніяхъ каждаго. Притомъ Горацій учитель, Кантемиръ ученикъ: мудрено ли что онъ часто глядѣлъ глазами учителя?

Въ числѣ образцовъ Кантемира находимъ обильные источники Англійской, Италіянской, Французской словесности. Ренье, Буало, Аріосто и Попе ему равно были знакомы. И если у древнихъ заимствовалъ онъ любовь къ философіи, то новѣйшимъ обязанъ онъ своею колкою и язвительною насмѣшкою надъ лицемѣріемъ нѣкоторыхъ духовныхъ особъ своего времени.

Философія Кантемира очень проста: люби уединеніе для наукъ, люби науки для добродѣтели и люби добродѣтель для человѣчества. Вотъ главныя основанія его философіи, взятой от-

дѣльно. Но живя всегда въ обществѣ, живя при Дворѣ, онъ зналъ, что эти правила неудобоисполнимы для каждаго, и для того даетъ другіе совѣты для жизни. Живя при Дворѣ, небудь опрометчивъ, говоритъ онъ, умѣй наружность твою согласовать съ обстоятельствами: это не вредитъ никому. Небудь гордъ и напыщенъ. Тотъ, кто смѣло говоритъ правду, избралъ прекрасный путь; но тотъ, кто не имѣетъ столько мужества, хорошо дѣлаетъ если молчитъ, ибо покрывать истину ложью — преступно. Щастливъ тотъ, кто умѣетъ держаться средины. Притомъ нуженъ умъ просвѣщенный и та вѣжливость, та деликатность обращенія, которая исключительно принадлежитъ высшему кругу. Я наравнѣ презираю спѣсь и подлость.

Политика въ Кантемирѣ имѣла нѣкоторое вліяніе на его сочиненія, но философія имѣла еще бо́льшее дѣйствіе на его политику. Имя Государя, по мнѣнію его, заключаетъ въ себѣ значеніе отца народа и потому недолжно раздѣлять выгодъ правительства и народа: отсюда — цѣль ихъ одна и нераздѣльна. Когда Государи, говаривалъ онъ (*), доставляютъ себѣ личный покой и безопасность кровью подданныхъ, то они нарушаютъ законы природы и правленія, принимая человѣчество за средство къ удовлетворенію своего честолюбія. Во всѣхъ отношеніяхъ своихъ съ Дворомъ, онъ не измѣнялъ началамъ своей философіи, и если въ крутые перевороты тогдашняго Правительства Россіи, если въ правленіе Анны Императрицы, Бирона, Анны Правительницы и Елисаветы Кантемиръ, постоянно оставался Посланникомъ, то этимъ обязанъ онъ своимъ талантамъ и той пользѣ, которую ясно видѣлъ Дворъ отъ его миссіи, а не интригамъ и связямъ. — Философія сдѣлала его чистосердечнымъ до такой степени, что онъ не могъ хвалить достойнаго порицанія. Возьмемъ въ примѣръ всѣ его сочиненія. Найдемъ ли въ нихъ лесть, которую другіе поэты, и особливо того времени, такъ обильно разсыпаютъ Сильнымъ на землѣ? Кого хвалилъ онъ? Петра Великаго, Геніяблаготворителя Россіи,—исполина, стоявшаго выше всякихъ похвалъ. Нѣсколько словъ о Петрѣ II, о миломъ ребенкѣ, такъ рано похищенномъ смертію, что онъ остался загадкою для исторіи. Кроткой Елисаветѣ, покровительницѣ наукъ и художествъ, посвятилъ онъ свои Сатиры. Объ Аннѣ онъ говоритъ, что она любитъ народъ свой, сколь сама любима Богомъ. Вотъ все, что принесено имъ въ жертву Владыкамъ міра.

До сихъ поръ мы видѣли въ Кантемирѣ философа,—теперь посмотримъ на него какъ на поэта. Безъ сомнѣнія главнѣйшее достоинство Кантемира есть острота. Никто изъ нашихъ писателей не обладалъ ею въ такой степени. Посмотрите какъ ядовитъ онъ въ своихъ намекахъ, какъ ловокъ въ своихъ переходахъ, какъ тонокъ въ своемъ притворномъ простодушіи. —

(*) Аб. Вепуттіи.

Нельзя отказать Кантемиру въ воображеніи, но родъ его сочиненій мало представлялъ случаевъ, гдѣ бы онъ могъ вполнѣ развить эту способность. Однакожь тамъ, гдѣ онъ предается мечтамъ своимъ, гдѣ груститъ сердцемъ, тамъ воображеніе его пылко и стихи прелестны. Въ доказательство укажемъ на нѣкоторыя мѣста въ IV Сатирѣ. Тамъ онъ чувствителенъ неподдѣльно, и если поэзія есть сочетаніе воображенія, чувствительности и мечтательности, то нельзя не признать его поэтомъ. Ни къ кому такъ не относится изрѣченіе: Talis hominibus fuit oratio, qualis vita — какъ къ Кантемиру. Онъ жилъ, какъ писалъ, и писалъ, какъ чувствовалъ. Оттого въ стихахъ его вы всегда находите вѣрное зеркало современнаго общества, вѣрную картину его ощущеній, его сердца, и если, вооруженный Сатирою, онъ грозно осмѣиваетъ пороки, то въ тоже время не можетъ не сознаться, что сострадаетъ къ людямъ и ихъ заблужденіямъ.

Смѣюсь въ стихахъ, а въ сердцѣ о злонравныхъ плачу.

Вся его IV Сатира отзывается глубокою чувствительностію и какою-то теплотою сердца. Поэтъ вспоминаетъ молодость, то золотое время, когда плѣненный красотою, онъ пѣлъ любовь, и пѣсни его юноши и дѣвы знали напзусть.

Довольно моихъ поютъ пѣсней и дѣвицы
Чистыя, и отроки . . . -

говоритъ Кантемиръ. Но до насъ не дошли онѣ; онъ самъ негодуя на жертвы, недостойныя его музы, истребилъ ихъ.

Мы сказали, что въ стихахъ Кантемира находимъ всегда вѣрное зеркало современнаго общества. И дѣйствительно въ Сатирахъ его подробности того времени довсдены даже до костюма. Во II Сатирѣ Филаретъ описываетъ нарядъ Евгенія съ такою точностію, что можно нарисовать его.

Между другими достоинствами замѣчательны у Кантемира блистательность эпитетовъ, красота уподобленій и часто щастливыя, отдѣльныя мысли. *Свѣтлый* умъ, *жаркая* женщина, *чистая* дѣвица, *жаркіе* взоры: эти прилагательныя впервыс употреблены Кантемиромъ. Разсуждая о младенцѣ поэтъ говоритъ: *Чуткое* ухо, *зоркій* глазъ напрягаетъ *новый житель свѣта* на окружающіе его предметы. Какое щастливое названіе младенца! — Въ другомъ мѣстѣ говоря о томъ, что безъ достоинствъ недолжно искать возвышенія, онъ восклицаетъ:

Пороковъ, коп теперь заграждены тѣнью
Стѣнъ твоихъ, не прикроешь высшею степенью:
Чистъ быть долженъ, кто туда непоблѣднѣвъ всходитъ,
Куда зоркіе глаза весь народъ наводитъ!

Мысль блистательная, которая не смотря на то, что произнесена была слишкомъ сто лѣтъ назадъ, навсегда останется новою, ибо истина не старѣетъ.

Кромѣ Сатиръ онъ писалъ оды, посланія, басни и другія стихотворенія; но главное призваніе его была Сатира. Это и не могло быть иначе. »Петръ Великій, преобразуя Россію, старался преобразовать и нравы: но-

вое поприще открылось наблюдателю человѣчества и страстей его. Мы увидѣли въ древней Москвѣ чудесное смѣшеніе старины и новизны: двѣ стихіи въ безпрестанной борьбѣ одна съ другою. Новые обычаи, новыя платья, новый родъ жизни, новый языкъ, не могли еще измѣнить древнихъ людей, изгладить древній характеръ. Иные бояре, надѣвая парикъ и новое платье, оставались съ прежними предразсудками, съ древнимъ упрямствомъ, и тѣмъ казались еще страннѣе: другіе, отложа бороду и длинный кафтанъ праотеческій, съ платьемъ Европейскимъ надѣвали всѣ пороки, всѣ слабости иностранцевъ, но ихъ любезности и людскости занять не умѣли. Частыя перемѣны при Дворѣ возводили на высокія степени Государственныя людей низкихъ и недостойныхъ: они являлись — и исчезали. Временщикъ смѣнялъ временщика, толпа льстецовъ другую толпу. Гордость и низость, суевѣріе и кощунство, лицемѣріе и явный развратъ, скупость и расточительность неимовѣрная: однимъ словомъ, страсти повсему противуположныя сливались чудеснымъ образомъ и представляли новое зрѣлище наблюдателю и Философу, который, съ Гораціемъ въ рукахъ, могъ отыскать щастливую средину вещей.« (*) Такое состояніе общества требовало Сатирика: въ другомъ поэтѣ оно не нуждалось; другаго поэта оно бы не поняло. И это столь справедливо, что долго еще Россія не имѣла поэтовъ кромѣ сатирическихъ. По крайней мѣрѣ на одного лирика, мы можемъ счесть троихъ сатириковъ: Кантемиръ, Хемницеръ, Фонъ Визинъ.

Обращаясь къ дипломатическому поприщу Кантемира, мы должны заранѣе сказать, что не намѣрены подробно слѣдовать за нимъ во всѣхъ его миссіяхъ, опредѣлять съ точностію важность или трудность каждой его негоціаціи: это было бы свыше нашихъ способностей, и притомъ вышло бы изъ предѣловъ литературнаго предисловія. Ограничимся только указаніемъ на сущность его политики и на свидѣтельство знаменитаго современника—Монтескьё, котораго въ этомъ случаѣ мы принимаемъ за авкторитетъ неоспоримый.

Политика Кантемира основывалась на здравомъ разсужденіи. Какъ Философъ и моралистъ, онъ презиралъ ту хитрость и лукавство, которыя извѣстны подъ именемъ махіавелизма, и всегда дѣйствовалъ прямо, руководствуясь только благоразуміемъ. Другія средства почиталъ онъ недостойными себя и политики. Успѣхъ всѣхъ его негоціацій блистательно доказалъ свѣту, основательно ли было его мнѣніе. Теперь, когда Философія, какъ послѣдовательное развитіе мышленія, озаряетъ болѣе и болѣе человѣчество, когда благодатный свѣтильникъ ея проникъ въ Кабинеты Европы, теперь мы вправѣ сказать, что политика Кантемира была не только добросовѣстна, но вмѣстѣ и вѣрна и соотвѣтственна своей цѣли. Это тѣмъ для

(*) Батюшковъ.

насъ сладостнѣе, тѣмъ утѣшительнѣе, что каждый Русскій съ гордостію можетъ сказать: такова отъ временъ Петра постоянно была политика Санктпетербургскаго Кабинета! Въ этомъ отношеніи и завистливые иностранцы отдаютъ намъ справедливость. (*)

Монтескьё, въ письмѣ своемъ къ Гуаско о смерти Кантемира, пишетъ: L'abbé Venuti m'a fait part de l'affliction que Vous a causée la mort de Votre ami, le prince Cantemir, et du projet que Vous avez formé de faire un voyage dans nos provinces méridionales: Vous trouverez partout des amis pour remplacer celui que Vous avez perdu, mais la Russie ne remplacera pas si aisement un ambassadeur du mérite du Prince Cantemir.

Въ 34 года жизни столько пользы, столько трудовъ! И теперь, когда столѣтіе протекло со времени смерти Кантемира, когда науки и искуства получили уже право гражданства въ Россіи и она по достоинству занимаетъ высокую степень въ системѣ Государствъ Европейскихъ,—и теперь мы не можемъ не сожалѣть о рановременной кончинѣ любимца музъ и философіи, этого первенца ихъ въ Россіи! Г. Д. Т.

С. Петербургъ, 11 Октября 1835.

*) Revue de deux mondes, 1829.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Ханъ, или Кан-Тимуръ.

2) 22 Февраля 1711 г., *см. Журн. Петра В., ч. II. стр.* 267.

3) Договоръ этотъ заключался въ 8 пунктахъ: 1) Молдавіи быть подъ покровительствомъ Россіи и въ прежнихъ своихъ границахъ. 2) По вступленіи въ Молдавію Русскихъ войскъ, Кн. Дмитрій и весь народъ, должны принять присягу на вѣчное подданство Россіи. 3) Съ того же времени совокупно дѣйствовать противъ Турціи. 4) Княжество Молдавское вѣчно должно принадлежать роду Кантемировъ, по мужескому колѣну, исключая только случая отступленія его отъ Православія или отъ вѣрности Россіи. 5) До совершеннаго пресѣченія рода Кантемировъ, никакой другой домъ ко владѣнію Молдавіею допущенъ быть неможетъ. 6) Древнія права и законы остаются въ своей силѣ. 7) При заключеніи мира съ Турціею, Молдавія навсегда остается подъ защитою Россіи. 8) Въ противномъ случаѣ Князю имѣть прибѣжище свое въ Россіи. — *De vita et rebus gestis Const. Cantemiri, Princ. Moldaviæ.*

4) Анастасій Кондоиди, Греческій Протопопъ, выѣхавшій въ Россію съ Кн. Кантемиромъ въ 1711 г. — При учрежденіи Св. Синода въ 1721 г. на-

значенъ Ассессоромъ онаго. Въ томъ же году постригся въ монашество подъ именемъ Аоанасія, и въ 1736 г. назначенъ Епископомъ Вологодскимъ, а въ 1736 году переведенъ въ Суздаль, гдѣ и скончался 10 Окт. 1737 г. *Словарь Историч. о бывш. въ Россіи писат. духовн. чина.*

5) Тѣло его перевезено въ Москву и погребено въ Греческомъ Никольскомъ монастырѣ.—Кн. Дмитрій былъ женатъ на Княжнѣ Кассандрѣ Кантакузенъ, сконч. въ Москвѣ въ 1713 г. и погребенной въ той же обители. Отъ этого брака имѣлъ онъ двухъ дочерей, Марію и Смарагду, умершихъ дѣвицами, и четверыхъ сыновей Матвѣя, Константина, Сербана (Сергія) и Антіоха.—Потомъ онъ женился на Княжнѣ Настасьѣ Ивановнѣ Трубецкой, бывшей потомъ въ замужествѣ за Ландграфомъ Гессенъ-Гомбургскимъ, Лудовикомъ Вильгельмомъ и скончавшейся въ 1755 г. Отъ нея Кн. Дмитрій имѣлъ двоихъ сыновей, умершихъ младенцами, и дочь Смарагду (Екатерину), бывшую въ супружествѣ за Княземъ Голицынымъ.

Изъ сочиненій Дмитрія Кантемира извѣстны: 1) *Исторія Оттоманской Имперіи*, на Лат., перев. на Англ. Типдалемъ, на Итал. Антіохомъ Кантемиромъ (нашимъ Сатирикомъ) и на Француз. Жонкьеромъ. 2) *Система Мухамеданской религіи*, съ Лат. перевед. Ильинскимъ и напеч. въ СПб. въ 1722 г. 3) *Свѣтъ и душа*, на Греч. и Молд., изд. въ Молдавіи. 4) *Хроникъ Романо-Молдо-Влахійскій*, на Молд. съ Латинскимъ предисловіемъ, пис. въ С. П. Б. (рукопись). 5) *Нынѣшнее состояніе Молдавіи*, на Лат., изд. въ Голландіи. 6) *Theologo-Physica* (ркп.). 7) *Исторія домовъ Бранкована и Кантакузена, на Молд.* (ркп.). 8) *Monarchiarum Phisica examinatio* (ркп.). 9) *Compendiolum universæ logices institutionis* (ркп.). 10) *Музыка Турецкихъ пѣсень* (ркп.). 11) *Введеніе къ Турецкой музыкѣ*, на Молд., изд. въ Молдавіи. — Кн. Дмитрій былъ Членомъ Берлинской Академіи. — *Бейеръ, De vita et rebus gestis Const. Cantemiri.*

6) Кн. Дмитрій духовнымъ завѣщаніемъ отстранилъ отъ наслѣдства старшаго сына своего Матвѣя. Причина этого намъ неизвѣстна. Въ статьѣ о выборѣ наслѣдника изъ осталыныхъ его сыновей между прочимъ сказано: »Въ умѣ и въ наукахъ понеже меньшой мой сынъ отъ всѣхъ лучшій, »ежели впредь не въ хуже перемѣнится, намѣренъ въ наслѣдство его оставить . . . . А пока не опробованы »будутъ въ наукахъ и въ другихъ »инструкціяхъ, которыя суть надобны Императору и Государству, въ »наслѣдники не опредѣлять.«

7) Въ духовной душеприказчиками назначены Министръ Гвастальскаго Двора Боріо, Секретарь Русскаго Посольства Генрихъ Гросъ и Парижскій Банкиръ Исаакъ Вернетъ, а въ § 30 сказано: »Тѣло мое будетъ переслано »къ наслѣдникамъ моимъ моремъ, и »будетъ похоронено въ Греческомъ »монастырѣ въ Москвѣ, безъ всякой »церемоніи ночью.«

ПИСЬМО СТИХОТВОРЦА КЪ ПРІЯТЕЛЮ.

Государь мой!

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ вы требовали отъ меня вѣдать, упражняюсь ли я еще въ сочиненіи стиховъ? и буде какіе вновь сочинилъ, желали, чтобъ я оные къ вамъ переслалъ. Истинно въ то время я вамъ отвѣтствовалъ, что вступая въ новую должность, времени не имѣлъ къ такому дѣлу, къ которому только въ лишніе часы прилежать позволено. Потомъ удалось мнѣ три новыя сатиры, нѣсколько пѣсень, басень, и другихъ малыхъ твореній составить; но усматривая слогъ ихъ весьма различный отъ прежнихъ моихъ сочиненій, которыя до отъѣзда моего изъ отечества и безъ моей воли, въ люди вышли, пришлося сіи исправить. Немало въ томъ труда я положилъ, находя въ нихъ многія несовершенства и недостатки, много въ нихъ отмѣнилъ, много прибавилъ, больше убавилъ, и могу сказать, что почти всѣ снова передѣлалъ. Понеже вамъ, Государю моему, прежде сего мои сочиненьицы явились отчасти угодны, отваживаюся исправленныя и новыя, всѣ въ одну книжку собранныя, при семъ къ вамъ отправить, больше для исправленія, нежели для прочитанія, и чтобъ лишнихъ моихъ часовъ употребленіе вамъ было извѣстно. Впрочемъ неотмѣнно пребываю

Вашъ, Государя моего!

Изъ Парижа 1745 покорный слуга

Марта дня . . . . .

ЕЛИСАВЕТѢ ПЕРВОЙ,

АВГУСТѢЙШЕЙ ИМПЕРАТРИЦѢ

И САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ,

Государынѣ Всемилостивѣйшей.

Отрасль Петра Перваго, егоже сердцами
Великимъ и Отцемъ звалъ больше, нежь устами
Народъ Твой! Отрасль рукой взращенна самáго
Всевышняго, полкруга въ надежду земнаго!
Еспьли видя общу я при Твоемъ восходѣ
На престолъ Родишелевъ не только въ народѣ
Твоемъ радость, но почти во всѣхъ краяхъ міра,
Въ пѣсняхъ Твоихъ не брячишъ одна моя лира;
Не возмни, что съ лѣности мысль моя несклонна
Тебѣ пѣть: была бы та лѣность беззаконна.
Трижды строилъ Лиру я, и дрожащи персты
Трижды на струны навелъ, и уста отверсты
Готовили Тебѣ пѣснь; трижды раздѣляя
Быстро воздухъ, прилетѣлъ изъ выпиняго края
Небесъ бѣлокурый богъ, обличилъ отвагу
Мою съ гнѣвомъ: изодравъ струны, лиру нагу
Вырвалъ изъ рукъ, изломалъ, и стиснулъ мнѣ губы.
Видѣлъ я въ свѣтломъ его лбу морщины грубы,
Молніи ярость въ очахъ, и на лицѣ пламень
Безгласенъ, недвиженъ я сталъ съ страху, какъ камень.
Грознымъ тогда голосомъ »Кое тя обняло
»Безуміе, сказалъ мнѣ, тебѣ ли присіпало

Эти стихи присланы изъ Парижа въ началѣ 1742 года.

Ст. 1. *Егоже* = коего.

Ст. 15. *Бѣлокурый Богъ.* Съ Итал. Il biondo Nume. *Также: обличилъ отвагу* = объяснилъ, показалъ дерзость.

»Боговъ вышнихъ прославлять въ смертномъ тѣлѣ племя?
»Не твоихъ силъ на плеча кладешь себе бремя,
»Ты поскользнешься подъ нимъ, причину дашь смѣху,
»Кои съ чужаго стыда чувствуютъ утѣху.
»Елисавету сердца на престолъ возводятъ,
»И пустъ оставя Олимпъ, Ей ужъ служить сходятъ
»Веселіе, и любовь, и три благодати.
»Видя Ее съ зависти плачешъ любве мати;
»Бѣжатъ неправость Ея, и злыя обиды,
»И гордость, и лакомство, и всѣ злочинствъ виды.
»Добродѣтели дѣлятъ съ Нею царства бремя,
»Возвращая сладкое вамъ Петрово время;
»И какъ Перунъ имя той съ Сѣверъ исхождая
»Свѣтло и страшно земли до другаго края:
»Столь славну пѣснямъ своимъ имѣяй причину
»Не подлаго долженъ быть въ Геликонѣ чину;
»Тебѣ внизу той горы еще ползать кстати.
»Естьлиже знакъ хвальнаго благодарства дати
»Твоего, какой либо, Августѣ желаешь,
»Поднеси Ей книжицу, въ которой пятнаешь
»Злые, веселымъ лицемъ, обычаи и нравы.
»Августѣ смѣлость твоя придастъ много славы:
»Явно бо что, книжку рабъ дая Ей такую,
»Другомъ добродѣтели весь свѣтъ призналъ Тую.»
Сказавъ то, поднялся онъ въ Парнасски палаты;
Быстра воза колеса возшумѣли златы.
Тяжекъ мнѣ былъ тотъ заказъ изъ устъ Властелин
Девяти сестръ, и тяжка закону причина,
Которa невѣжество мое обличала;
Да покорность мнѣ всего болѣе пристала.

Ст. 25. *Причину дашь смѣху.* У Горація: ne peccet ad extremum ridendo.

Ст. 29. *Три благодати* = три Граціи.

Ст. 30. *Любве мати* = Венера.

Убо, Самодержица, прими, что дашь знаю;
Вотъ книжка, обычай чѣмъ и злой нравъ пятнаю.
Многихъ лѣтъ въ ней приношу бдѣнія и по́пы;
Не пощадилъ, боязливъ, я своей работы;
Листъ написавъ, два иль три изодралъ, изхерилъ,
Да и такъ доспойну глазъ Твоихъ быть не вѣрилъ.
Аполлу послушенъ я; Ты изъ край до края
Тихимъ сердцемъ шу прочтешь, зракъ не премѣняя.

ѲЕОФАНЪ,
АРХІЕПИСКОПЪ НОВГОРОДСКІЙ,
КЪ СОЧИНИТЕЛЮ САТИРЪ.

I.

Не знаю, кто ты пророче рогатый;
Знаю, коликой достоинъ ты славы:
Да почтожь было имя укрываши?
Знашь тебѣ страшны сильныхъ глупцевъ нравы.
Плюнь на ихъ гро́зы, ты блаженъ три краты.
Благо, что далъ Богъ умъ тебѣ толь здравый;
Пусть весь міръ будетъ на тебя гнѣвливый,
Ты и безъ щастья довольно щастливый.

II.

Объемлетъ тебя Аполлонъ великій,

Ст. 53. *Убо*=и такъ.

Ст. 57. *Изхе́рилъ* = измаралъ, перечертилъ, изкрестилъ.

Ст. 1. *Пророче рогатый.*

Кажется подъ словомъ *рогатый* Ѳеофанъ разумѣетъ *смѣлый, отважный.* Такъ у Овидія находимъ: *Cornu pauper sumit*, и у Горація *Cornu addere paupері.* На Славянскомъ также часто встрѣчаемъ: возносяй *рогъ* вѣрныхъ, *роги* смерти сотрошася и т. п. См сверхъ того Примѣч. ко 2-му Посланію Кантемира подъ стих. 23.

Любитъ всякъ, кто есть таинствъ его зритель:
О тебѣ поютъ Парнасскіе лики,
Всѣмъ честнымъ сладка твоя добродѣтель,
И будетъ сладка въ будущіе вѣки;
А я и нынѣ сущій твой любитель:
Но сіе за верьхъ славы твоей буди,
Что тебя злые ненавидятъ люди.

III.

А ты какъ началъ, теки путь преславный,
Коимъ книжные текли исполины,
И перомъ смѣлымъ мещи порокъ явный
На нелюбящихъ ученой дружины,
И разрушай всякъ обычай злонравный,
Желая доброй въ людяхъ перемѣны,
Кой плодъ ученій не единъ искуситъ,
А дураковъ злость языкъ свой прикуситъ.

ѲЕОФИЛЪ КРОЛИКЪ,

АРХИМАНДРИТЪ НОВОСПАССКІЙ,

КЪ СОЧИНИТЕЛЮ САТИРЪ.

Ars est celebris stultitiæ genus
Pernosse, nævos carmine pungere
Cornuto, ut expungas, nocens si
Fors animis dominetur error.

* * *

Ст. 12. По Малороссійскому произношенію *п* какъ *и*. Между церковными писателями того времени эта вольность въ большомъ употребленіи.

Ст. 19. *Мещи*. Повелит. накл. глагола *метать*.

Ст. 20. *Ученой дружины*. Съ Лат. Studiosa cohors. Горац.

Non parva virtus stigmata turpium
Est nosse morum, versibus utile
Et miscere dulci sic, voluntas
Ut faciat meliora sponte.

* * *

Utrumque præstas indole principis
Dignus latenti nomine quis quis es;
Vitabis at si, quæ reprehendis,
Omne feres, Venerande, punctum.

* * *

Quas tibi condignas referet Sapientia laudes,
Indole quam pulchra, scriptor acute, colis!
Si, quam dentato reprehendis carmine salsus,
Laudat et ingenium stultitia ipsa tuum.

* * *

Quæ contra doctos jactat convitia stultus
Numinis ignarus, vel Curium simulans;
Scommata vel mollis quæ picta veste superbus
In studia assiduo parta labore jacit;
Dives et obtrectat congesto pauper in auro,
Ebrius in doctos, quæ mala probra vomit;
Hæc tu cornuto ventilas carmine Scriptor,
Et quæ sint studiis commoda digna, doces.
Castalides, quid ni, te docta fronte revinctum
Dicant præsidium dulce decusque Deæ.

* * *

Si te pungo, tace; quia te non nomino, clamas:
Proditor es vitii (non ego culpa) tui.

Важно искусство распознавать людскія глупости, колоть пороки острымъ стихомъ, и истреблять вредные, господствующіе въ умахъ предразсудки.

Не маловажна заслуга открывать слѣды дурныхъ нравовъ, и смѣшивать въ стихахъ полезное съ пріятнымъ такъ, чтобы воля сама собою стремилась къ лучшему.

То и другое совершаешь ты, какъ мощный властелинъ, чтобы ты ни былъ подъ скрытымъ именемъ; но если ты самъ избѣгаешь того, въ чемъ укоряешь другихъ, то совершенно успѣешь въ своемъ намѣреніи.

Какія достойныя почести воздастъ тебѣ мудрость, почтенная тобою столь лестнымъ образомъ, остроумный Писатель, когда и самая глупость, уязвленная колкимъ стихомъ, восхваляетъ твой геній!

Пусть невѣжда, чуждый всего священнаго и коснѣющій въ своемъ невѣдѣніи, порицаетъ мудраго; пусть празднолюбецъ, гордящійся своею блестящею одеждою, издѣвается надъ познаніями, пріобрѣтенными неусыпнымъ трудомъ; пусть сластолюбивый богачъ, бѣдный среди кучей золота, изрыгаетъ хулы на просвѣщеніе: все это развѣваешь ты, какъ вѣтромъ, своимъ стихотвореніемъ, и научаешь цѣнить достоинство наукъ.

Какъ же Музамъ (Касталидамъ) тебя, увѣнчаннаго мудростію, не назвать оплотомъ и украшеніемъ, пріятнымъ Богу!

Если я тебя колю, молчи; ибо не называю тебя по имени; если же кричишь, то (я не виноватъ) ты самъ выказываешь свою слабость.

САТИРЫ.

САТИРА I.

КЪ УМУ СВОЕМУ.

1. Уме недозрѣлый плодъ недолгой науки!
Покойся, не понуждай къ перу мои руки:
Не писавъ летящи дни вѣка проводити
Можно, и славу достать, хоть творцемъ не слыти.
5. Ведутъ къ ней непрудные въ нашъ вѣкъ пути многи,
На которыхъ смѣлыя не запнутся ноги:
Всѣхъ непріятнѣе тотъ, что босы проклали
Девять сестръ. Многи на немъ силу потеряли
Недошедъ; нужно на немъ потѣть и томиться,

Примѣчанія.

Эта Сатира написана на 20-мъ году возраста Кантемира (въ 1729 г.) и есть первый его піитическій опытъ. Онъ не намѣренъ былъ ее издавать; но одинъ изъ друзей его, выпросивъ прочесть, сообщилъ ее знаменитому пастырю того времени, Ѳеофану Прокоповичу, который распространилъ ее повсюду, и возвращая сочинителю, приложилъ стихи, помѣщенные вначалѣ сего собранія, вмѣстѣ съ посланіемъ Архимандрита Кролика. †

10. И въ тѣхъ трудахъ всякъ тебя, какъ мору, чужится,
Смѣется, гнушается. Кто надъ столомъ гнется
Пяля на книгу глаза, большихъ не добьется
Палатъ, ни разцвѣченна марморами саду;
Овцы не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду.
15. Правда въ нашемъ молодомъ Монархѣ надежда
Всходитъ Музамъ немала; со стыдомъ невѣжда
Бѣжитъ его. Аполлинъ славы въ немъ защиту
Своей неслабу почулъ, чтяща свою свиту
Видѣлъ его самого, и во всемъ обильно
20. Тщится множить жителей Парнасскихъ онъ сильно:
Но та бѣда, многіе въ Царѣ похваляютъ
За страхъ то, что въ подданномъ дерзко осуждаютъ.
Расколы и ереси, науки суть дѣти,
Больше врётъ, кому далось больше разумѣти,
25. Приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ.
Критонъ съ чётками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ,
И проситъ свята душа, съ горькими слезами,
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами:
Дѣти наши, что предъ тѣмъ, тихи и покорны,
30. Праотеческимъ шли слѣдомъ, къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая, что сами не знали,
Теперь къ церькви соблазну Библію честь стали,
Толкуютъ; всему хотятъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры подая священному чину;
35. Потеряли добрый нравъ, забыли пить квасу,
Не прибьешь ихъ палкою къ соленому мясу;
Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней не знаютъ,
Мірскую въ церьковныхъ власть рукахъ лишну чаютъ,
Шепча, что тѣмъ, кто мірской жизни ужь отстали,

Ст. 15. *Въ нашемъ молодомъ Монархѣ.* Петръ II, родился 12 Октября 1715 г. тогда 14 лѣтъ. †

Помѣстья и вотчины весьма непристали.
Силванъ другую вину наукамъ находитъ:
Ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ;
Живали мы прежь сего незная Латынѣ
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ.
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали,
Перенявъ чужой языкъ свой хлѣбъ потеряли.
Буде рѣчь моя слаба: буде нѣтъ въ ней чину,
Ни связи, должноль о томъ тужить дворянину?
Доводъ, порядокъ въ словахъ, подлыхъ то есть дѣло;
Знатнымъ полно подтверждать, иль отрицать смѣло.
Съ ума сошелъ, кто души силу и предѣлы
Испытаетъ, кто въ поту томится дни цѣлы,
Чтобъ строй міра и вещей вывѣдать премѣну
Иль причину; глупо онъ лепитъ горохъ въ стѣну.
Приростетъ ли мнѣ съ того день къ жизни, иль въ ящикъ
Хотя грошъ? Могу-ль чрезъ то узнать, что прикащикъ,
Что дворецкій крадетъ въ годъ? Какъ прибавить воду
Въ мой прудъ? Какъ бочекъ число съ виннаго заводу?
Не умнѣе, кто глаза, полонъ безпокойства,
Коптитъ печась при огнѣ, чтобъ вызнать рудъ свойства;
Вѣдь не теперь мы твердимъ, что буки, что вѣди;
Можно знать различіе злата, сребра, мѣди.
Травъ, болѣзней знаніе, все то голы враки;
Глава-ль болитъ, — тому врачь ищетъ въ рукѣ знаки.
Всему въ насъ виновна кровь, буде ему вѣру
Нять хощешь. Слабѣемъ ли, кровь тихо чрезмѣру
Течетъ; естьли спѣшно, жаръ въ тѣлѣ, отвѣтъ смѣло
Даетъ, хотя внутрь никто видѣлъ живо тѣло.
А пока въ басняхъ такихъ время онъ проводитъ,

Ст. 50 *Полно*, = довольно, достаточно.

Ст. 52. *Испытаетъ* = испытываетъ.

Ст. 66. *Нять* = взять, принять.

Лучшій сокъ изъ нашего мѣшка въ его входитъ.
Къ чему звѣздъ теченіе числить, и ни къ дѣлу,
Ни кстати за однимъ ночь пятномъ не спать цѣлу?
За любопытствомъ однимъ лишиться покою
Ища, солнцель движется, или мы съ землею.
Въ часовникѣ можно честь на всякой день года
Число мѣсяца, и часъ солнечнаго всхода.
Землю въ четверти дѣлить безъ Евклида смыслимъ;
Сколько копѣекъ въ рублѣ безъ Алгебры счислимъ.
Силванъ одно знаніе слично людямъ хвалитъ,
Что учитъ множить доходъ, и расходы малитъ;
Трудиться въ томъ, съ чего вдругъ карманъ не толстѣетъ,
Гражданству вреднымъ весьма безумствомъ звать смѣетъ.
Румяный, прижды рыгнувъ, Лука подпѣваетъ:
Наука содружество людей разрушаетъ;
Люди мы къ сообществу Божія шварь стали,
Не въ нашу пользу одну смысла даръ пріяли.
Что же пользы иному, когда я запруся
Въ чуланъ, для мертвыхъ друзей живущихъ лишуся?
Когда все содружество, вся моя ватага
Будетъ чернило, перо, песокъ да бумага?
Въ весельи, въ пирахъ мы жизнь должны провождати;
И такъ она недолга, начто коротати,
Крушиться надъ книгою и повреждать очи?
Не лучше ли съ кубкомъ дни прогулять и ночи?
Вино даръ божественный, много въ немъ провору;

Ст. 95. *Вино, даръ божественный* и пр. Кажется подражаніе слѣдующимъ стихамъ Горація:

Quid non ebrietas designat? Operta recludit:
Spes jubet esse ratas: in prælia trudit inermem;
Sollicitis animis onus eximit: addocet artes
Fecundi calices quem non fecere disertum?
Contracta quem non in paupertate solutum? (†)
Ep. V, libr. I.

См. перев. Горац. посланій Кантемира.

Дружитъ людей, подаетъ поводъ къ разговору,
Веселитъ, всѣ тяжкія мысли отымаетъ,
Скудость знаетъ облегчать, слабыхъ ободряетъ,
Жестокихъ мягчитъ сердца, угрюмость отводитъ,
Любовникъ легче виномъ въ цѣль свою доходитъ.
Когда по небу сохой бразды водить станутъ,
А съ поверхности земли звѣзды ужь проглянутъ
Когда будутъ течь къ ключамъ своимъ быстры рѣки,
И возвратятся назадъ минувшіе вѣки;
Когда въ постъ чернецъ одну ѣсть станетъ вязигу, —
Тогда оставя стаканъ примуся за книгу.
Медоръ тужитъ, что чрезчуръ бумаги исходитъ
На письмо, на печать книгъ, а ему приходитъ,
Что не во что завертѣть завитыя кудри;
Не смѣнитъ на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры.
Предъ Егоромъ двухъ денегъ Виргилій не стоитъ,
Рексу, не Цицерону, похвала достóитъ.
Вотъ часть рѣчей, что на всякъ день звѣнятъ мнѣ въ уши;
Вотъ для чего я, уме, нѣмѣе быть клуши
Совѣтую. Когда нѣтъ пользы, ободряетъ
Къ трудамъ хвала; безъ того сердце унываетъ.
Сколькожь больше вмѣсто хвалъ да хулы терпѣти!
Труднѣй по, нежь пьяницѣ вина не имѣти,

Ст. 101. *Когда по небу* и пр. У Овидія читаемъ:

In caput alta suum labentur ab æquore retro
Flumina, conversis solque recurret equis:
Terra feret stellas, cœlum findetur aratro:
Unda dabit flammas, et dabit ignis aquas.
Eleg. VII. †

Къ высокимъ источникамъ своимъ потекутъ обратно рѣки, колесница солнца вспять обратится, земля издастъ звѣзды, а небо покроется пашней, воды произведутъ пламень, а огонь дастъ воду.

Ст. 111. *Предъ Егоромъ* и пр. Егоръ былъ славный сапожникъ въ Москвѣ, ум. 1729. †

Ст. 112. *Рексу, не Цицерону похвала.* Рексъ знаменитый портной въ Москвѣ того же времени †

Ст. 114. *Клуши*=галки, вороны.

Нежьли не славить попу святую недѣлю,
Нежьли купцу пиво пить не въ три пуда хмелю.
Знаю, что можешь, уме, смѣло мнѣ представить,
Что трудно злонравному добродѣтель славить,
Что щеголь, скупецъ, ханжа, и такимъ подобны
Науку должны хулить, да рѣчи ихъ злобны
Умнымъ людямъ не уставъ, плюнуть на нихъ можно. —
Изряденъ, хваленъ твой судь; такъ бы то быть должно
Да въ нашъ вѣкъ злобныхъ слова умными владѣютъ,
А кто мужь не только тѣхъ науки имѣютъ
Недрузей, которыхъ я краткости радѣя
Исчелъ, иль правду сказать, могъ исчесть смѣлѣе.
Полноль того? Райскихъ вратъ ключари святые,
И имже Ѳемисъ вѣски ввѣрила златые,
Мало любятъ, чуть не всѣ, истины прикрасу.
Епископомъ хощешь быть? Уберися въ рясу,
Сверхъ той тѣло съ гордостью риза полосата
Пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ злата,
Клобукомъ покрой главу, брюхо бородою,
Клюку пышно повели нести предъ тобою,
Въ каретѣ раздувшися, когда сердце съ гнѣву
Трещитъ, всѣхъ благословлять нудь праву и лѣву;
Долженъ Архипастыремъ всякъ тя въ сихъ познати
Знакахъ, благоговѣйно отцемъ называти.
Что въ наукѣ? Что съ нея пользы церкви будетъ?
Иной пипа проповѣдь выпись позабудетъ,
Отъ чего доходамъ вредъ; а въ нихъ церкви права
Лучшія основаны, и вся ея слава.
Хочешьли судьею стать? Вздѣнь парикъ съ узлами,
Брани того, кто проситъ съ пустыми руками,
Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ,

Ст. 131. *Полноль* = довольноль. Ст. 140. *Нудь* = принуждай.
Ст. 132. *И имже* = и которымъ.

Спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ.
Еслижь кто вспомнитъ тебѣ граждански уставы,
Иль естественный законъ, иль народны правы:
Плюнь ему въ рожу, скажи, что врётъ околёсну,
Налагая на судей ту тягость несносну,
Что подьячимъ должно лезть на бумажны горы,
А судьѣ довольно знать крѣпить приговоры.
Къ намъ не дошло время то, въ коемъ предсѣдала
Надъ всѣмъ мудрость, и вѣнцы одна раздѣляла,
Будучи способъ одна къ вышнему восходу,
Златой вѣкъ до нашего не достигнулъ роду;
Гордость, лѣность, богатство мудрость одолѣло;
Науку невѣжество мѣстомъ ужь посѣло.
Подъ митрой гордится то, въ шитомъ платьѣ ходитъ,
Судитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ.
Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ въ морѣ спрадавшіе корабельной службы.
Всѣ кричатъ: Никакой плодъ не виденъ съ науки;
Ученыхъ хоть голова полна, пусты руки.
Коли кто карты мѣшать, разныхъ винъ вкусъ знаетъ,
Танцуетъ, на дудочкѣ пѣсни три играетъ,
Смыслитъ искусно прибрать въ своемъ платье цвѣты;
Тому ужь и въ самые молодые лѣты
Всякая высша степень, мзда ужь невелика,
Седми мудрецовъ себя достойнымъ мнитъ лика.
Нѣтъ правды въ людяхъ, кричитъ безмозглый церковникъ;
Еще не Епископъ я, а знаю часовникъ,

Ст. 163. *Подъ митрой гордится то* = оно, т. е. невѣжество.

Ст. 172. *На дудочкѣ пѣсни три играетъ.* Игра на флейтѣ во время Кантемира была однимъ изъ условій блистательнаго воспитанія высшаго круга. †

Псалтырь и посланія бѣгло честь умѣю,
Въ Златоустѣ не запнусь, хоть не разумѣю.
Воинъ ропщетъ, что своимъ полкомъ не владѣетъ,
Когда ужь имя свое подписать умѣетъ.
Писецъ тужитъ, за сукномъ что не сидитъ краснымъ,
Смысля дѣло на бѣло списать письмомъ яснымъ.
Обидно себѣ быть мнитъ въ незнатни спарѣти,
Кому въ родѣ семь Бояръ случилось имѣти,
И двѣ тысячи дворовъ за собой считаетъ,
Хотя впрочемъ ни читать, ни писать не знаетъ.
Таковы слыша слова, и примѣры видя,
Молчи, уме, не скучай въ незнатности сидя.
Безстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таится.
Коли что дала ти знать Мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, въ себѣ разсуждая
Пользу наукъ; не ищи, изьясняя тую,
Вмѣсто похвалъ, что ты ждешь, достать хулу злую.

САТИРА II.

ФИЛАРЕТЪ и ЕВГЕНІЙ.

Филаретъ.

Что такъ смущенъ, дружокъ мой? Щёки внутрь опали,
Блѣденъ и глаза красны, какъ бы ночь неспали?
Задумчивъ, какъ тотъ, что чинъ Патріаршь достати
Ища, конный свой заводъ раздарилъ некстати?
Цугомъ ли запрещено ѣздить, иль богато
Платье носить, иль твоихъ слугъ пеленать въ злато?
Картъ ли не стало въ рядахъ, виналь дорогова?
Матерь, знаю, и родня твоя вся здорова;

Примѣчанія.

Цѣль этой Сатиры — осмѣять тѣхъ аристократовъ, которые не имѣя собственныхъ достоинствъ, всю славу свою основываютъ на знаменитости своего рода. Она писана мѣсяца два послѣ первой. — Для незнающихъ Греческаго языка прибавимъ, что Филаретъ (*Φιλαρέτης*) значитъ любящій добродѣтель, а Евгеній (*Ἐυγενὴς*) — благородный.

Ст. 3. *Задумчивъ какъ тотъ, что чинъ Патріаршь достати.* Кантемиръ намѣкаетъ здѣсь на извѣстнаго своимъ краснорѣчіемъ и ученостію Архіепископа, Р...который былъ при Петрѣ Великомъ мѣстоблюстителемъ Патріаршаго Престола, но который чрезвычайно желалъ достигнуть самой степени Патріарха, и для того много раздарилъ лошадей, которыхъ имѣлъ прекрасный заводъ.

Обильство сыплетъ тебѣ дары полнымъ рогомъ;
Ничто тебѣ не претитъ жить въ покоѣ многомъ.
Чтожь молчишь? Ужли твои уста косны стали?
Не знаешьли, сколь намъ другъ полезенъ въ печали?
Сколь много здравый совѣтъ полезенъ бываетъ,
Когда тому слѣдовать страсть не запрещаетъ?
А а! дознаюсь я самъ, что тому причина:
Дамонъ на сихъ дняхъ досталъ перемѣну чина,
Трифону лента дана, Туллій деревнями
Награжденъ; ты съ пышными презрѣнъ именами.
Забыта крови твоей и слава и древность,
Предковъ, къ общества добру многотрудна ревность,
И преимуществъ твоихъ толпа неоспорныхъ;
А зависти въ тебѣ нѣтъ, какъ въ попахъ соборныхъ.

Евгеній.

Часть ты прямо отгадалъ. Хоть мнѣ незавидно,
Чувствую сколь знатнымъ всѣмъ и стыдъ и обидно,
Что кто невсѣ еще сперъ съ грубыхъ рукъ мозоли,
Кто недавно продавалъ въ рядахъ мѣшокъ соли,
Кто глушилъ насъ, сальные, крича, ясно свѣчи
Горятъ, кто горшкомъ съ подовыми истеръ плечи,
Тотъ на высоку степень вспрыгнувши блистаетъ;
А благородство мое во мнѣ унываетъ,
И несильно принести мнѣ никакой польги.
Знатны ужь предки мои были въ царство Ольги,
И съ тѣхъ временъ по сихъ поръ въ углу не сидѣли,
Государства лучшими чинами владѣли.
Разсмотри гербовники, грамотъ виды разны,
Книгу родословную, записки приказны;

Ст. 31. *Никакой польги* = пользы. —Для рифмы постановлено простонародное слово. †

Съ прадѣдова прадѣда, чтобъ начать поближе,
Думнаго, Намѣстника никто не былъ ниже;
Искусны въ мирѣ, въ войнѣ разсудно и смѣло
Вершили ружьемъ, умомъ не одно тѣ дѣло.
Взгляни на пространныя спѣны нашей залы,
Увидишь, какъ рвали строй, какъ ломали валы.
Въ судѣ чисты руки ихъ, помнитъ челобитчикъ
Милость ихъ, и помнитъ злу остуду обидчикъ.
А башюшка ужь всѣмъ верхъ; какъ его нестало
Государства правое плечо съ нимъ опшало.
Какъ башюшка выѣдетъ, всякъ долой съ дороги,
И шапочку снявъ ему головою въ ноги.
Всегда за нимъ выборна шаскалася свита,
Что на день рано съ утра крестова набита
Тѣми, которыхъ шеперь народъ почитаетъ,
И отъ которыхъ нашъ брашъ милость ожидаетъ.
Сколько разъ, не смѣя тѣ приступать къ намъ сами,
Дворецкому кланялись съ полными руками?
И когда башюшка къ нимъ промолвитъ хоть слово,
Заторопѣвъ, онѣмѣвъ, слёзы у инаго
Текли изъ глазъ съ радости, иной неспокоинъ
Всѣмъ наскучилъ хвастая, что былъ онъ достоинъ
Съ временщикомъ говорить, и весь веселился
Домъ его, какъ бы имъ кладъ богатый явился. —
Самъ ужь суди, какъ легко мнѣ должно казаться,
Столь славны предки имѣвъ, забышымъ остаться!
Послѣднимъ видѣть себя, куда глазъ ни вскину?

Ст. 40. Не одно *тѣ* дѣло. Тѣ=они.

Ст. 50. *Крестова.* Такъ называлась прихожая, ибо встарину въ ней обыкновенно отправлялись утреннія и вечернія молитвы, и восточная стѣна этой комнаты вся убиралась иконами и крестами. Оттого священники, состоящіе при домовыхъ церквахъ, также назывались *крестовыми попами.* Это наименованіе еще существуетъ при Архіерейскихъ домахъ.

Филаретъ.

Слышалъ я важну твоей печали причину.
Позволь ужь мнѣ мою мысль открыть и совѣты,
А вѣдай притомъ, что я лукавыхъ примѣты,
Лесть, похлѣбство нелюблю: но сердце согласно
Съ языкомъ, что мыслитъ то, сей вымолвитъ ясно.
Благородство, будучи заслугъ мзда, я знаю
Сколь важно, и много въ немъ пользы признаваю.
Почесть та къ добрымъ дѣламъ многихъ ободряетъ,
Коль въ награду кто себѣ бо́льшей ожидаетъ.
(Сыщешь въ людяхъ таковыхъ, которымъ недивны
Куча золота, ни домъ огромный, ни льстивный
На пуху покой, ни жизнь сколь бы ни прохладна:
Къ шипламъ, къ славѣ до одной всяка душа жадна.)
Но тщетно имя одно, ничего собою
Не значитъ въ томъ, кто себѣ своею рукою
Не присвоитъ почесть ту, добыту трудами
Предковъ своихъ. Граматa плѣснью и червями
Изгрызена — знатныхъ насъ дѣтьми есть свидѣтель;
Благородными явитъ одна добродѣтель.
Презрѣвъ покой, снесъ ли ты самъ труды военны?

Ст. 68. *Что мыслитъ то* = оно, т. е. сердце.

Ст. 82. *Благородными явитъ одна добродѣтель.* Nobilitas sola est atque unica virtus. Juv. Sat. VIII. v. 20. †

Ст. 85. *Презрѣвъ покой, снесъ ли ты самъ труды* и пр.

Montrez nous cette ardeur qu'on vit briller en eux,
Ce zèle pour l'honneur, cette horreur pour le vice.
Respectez-vous les loix? Fuyez-vous l'injustice?
Savez-vous pour la gloire oublier le repos
Et dormir en plein champ le harnais sur le dos?
Je vous connais pour noble à ces illustres marques.
Boileau, Sat. V, v. 44—49. †

Покажи намъ туже ревность, тоже усердіе къ чести, и отвращеніе отъ порока. Уважаешь ли ты законы? Убѣгаешь ли неправосудія? Умѣешь ли для славы забывать собственное спокойствіе и въ доспѣхахъ спать на открытомъ полѣ? По этимъ знаменитымъ признакамъ узнаю въ тебѣ благороднаго.

Разогналъ ли предъ собой враги устрашенны?
85. Къ безопасству общества разширилъ ли власти
Нашей рубежь? Судъ судя забылъ ли ты страсти?
Облегчилъ ли тяжкія подати народу?
Приложилъ ли къ Царскому что ни-есть доходу?
Примѣромъ, словомъ твоимъ ободрены люди
90. Хоть мало очистить злыхъ нравовъ темны груди?
Иль буде случай, младость въ то не допустила,
Есть ли показаться въ томъ впредь воля и сила?
Знаешь ли чисты хранить и совѣсть и руки?
Бѣдныхъ жалки ли тебѣ слёзы и докуки?
95. Не зависпливъ, ласковъ, правъ, не гнѣвливъ, беззлобенъ,
Вѣришь ли, что всякъ тебѣ человѣкъ подобенъ?
Изрядно можешь сказать, что ты благороденъ,
Можешь счестться Гектору иль Ахиллу сроденъ;
Юлій и Александръ, и всѣ мужи славны
100. Могутъ быть предки твои, лишь бы тебѣ нравны.
Маложь пользуетъ тебя звать хоть сыномъ Царскимъ,
Буде въ нравахъ съ гнуснымъ ты не разнишься псарскимъ.
Спросись хоть у Нейбуша, таковы ли дрожди
Любы, какъ пиво ему: отречется трожди;
105. Знаетъ онъ, что пива тѣ славные остатки,
Да плюетъ на то, когда не какъ пиво сладки.
Разнится: потомкомъ быть предковъ благородныхъ,
Или благороднымъ быть. Таже и въ свободныхъ
И въ холопахъ течетъ кровь, таже плоть, тѣжь кости;
110. Буквы, къ нашимъ именамъ приданныя, злости
Нашей не могутъ прикрыть; а худые нравы

Ст. 103. *Спросись хоть у Нейбуша* и пр.
Генералъ-Маіоръ Нейбушъ, пріятель Кантемира, страстный охотникъ до пива, впрочемъ честный и храбрый воинъ, глубоко имъ уважаемый. †

Ст. 105. *Что пива тѣ* = они.

Истребятъ вдругъ древнія въ умныхъ память славы,
И чужихъ обнажена красныхъ перьевъ галка
Будетъ имъ, съ стыдомъ своимъ, и смѣшна и жалка.
Знаю, что неправедно забыта бываетъ
Дѣдовъ служба, когда внукъ въ нравахъ успѣваетъ;
Но бѣдно блудитъ нашъ умъ, буде опирается
Станемъ мы на нихъ однихъ. Столбы сокрушатся
Подъ излишнимъ бременемъ, естьли сами въ силу
Нужную не приведемъ шу подпору хвилу.
Свѣтлой воды ихъ труды ключь тебѣ открыли
И черпать вольно тебѣ: но нужно, чтобъ были
И чаши чисты твои, и нужно сгорбиться
Къ ключу; сама вода въ ротъ твой не станетъ литься.
Ты самъ, праотцевъ твоихъ исчисляя славу,
Призналъ, что та надлежитъ ихъ дѣламъ и нраву:
Иной въ войнахъ претерпѣлъ нужду, страхъ и раны,
Инымъ въ морѣ недруги и валы попраны,
Иной правду вѣсилъ тихъ, бѣгая обиды;
Всѣхъ были различные достоинства виды.
Естьлибъ ты имъ подражалъ, правобъ могъ роптати,
Что за другими тебя и въ пару не знати.
Потрись на осёлку, другъ, покажи въ чемъ славу
Крови собой, и твою жалобу быть праву.
Пѣлъ пѣтухъ, встала заря, лучи освѣтили
Солнца верхи горъ, — тогда войско выводили
На поле предки твои; а ты подъ парчею
Углубленъ мягко въ пуху тѣломъ и душею,
Грозно сопешь. Когда дня пробѣгутъ двѣ доли,
Зѣвнешь, растворишь глаза, выспишься до воли.
Тянешься ужь часъ другой, нѣжишься сжидая
Пойла, что шлетъ Индія, иль везутъ съ Китая,

Ст. 126. *Призналъ что та* = она. Ст. 140. *До воли*=довольно. Dowoli, съ Пол.

Изъ постели къ зеркалу однимъ спрыгнешь скокомъ,
Тамъ ужь въ попеченіи и трудѣ глубокомъ,
Женскихъ достойную плечь завѣску на спину
Вскинувъ, волосъ съ волосомъ прибираешь къ чину.
Часть надъ лоскимъ лбомъ торчать будутъ сановиты,
По румянымъ часть щекамъ въ колечки завиты
Свободно станетъ играть, часть уйдетъ за темя
Въ мѣшокъ. Дивится тому строенію племя
Тебѣ подобныхъ. Ты самъ, новый Нарциссъ, жадно
Глотаешь очьми себя. Нога жмется складно
Въ тѣсномъ башмакѣ твоя, потъ со слугъ катится:
Въ двѣ мозоли и тебѣ краса становится;
Избитъ полъ, и подъ башмакъ стёрто много мѣлу.
Деревню вздѣнешь потомъ на себя ты цѣлу.
Не столько строитъ народъ Римляновъ пристойно
Основать, какъ выбрать цвѣтъ и парчу, и спройно
Сшить кафтанъ по правиламъ щегольства и моды;
Пора, мѣсто, и твои разсмотрѣны годы;
Чтобъ лѣтамъ сходенъ былъ цвѣтъ, чтобъ тебѣ въ образу
Нѣжну, зеленъ въ городѣ не досажалъ, глазу;
Чтобъ бархатъ не отягчалъ въ лѣтню пору тѣло;
Чтобъ тафта не хвастала среди зимы смѣло;
Но зналъ бы всякъ свой предѣлъ, право и законы,
Какъ искусные попы всякаго дни звоны.

Долголѣтняго пути въ краяхъ чужестранныхъ,
Иждивеній и трудовъ тяжкихъ и пространныхъ
Дивный плодъ ты произнесъ. Ущербя пожитки
Понялъ, что фалды должны тверды быть, не жидки,
Въ полъ аршина глубоки и сипомъ подшиты,
Согнувъ кафтанъ не былибъ станомъ всѣ покрыты,

Ст. 161. *Чтобъ тебѣ въ образу*=въ досаду, въ оскорбленіе. Obraza. съ Пол.
Ст. 162. *Нѣжну зеленъ въ городѣ не досажалъ глазу* = чтобы зеленый цвѣтъ въ городѣ не досаждалъ нѣжному глазу.

Каковъ рукавъ долженъ быть, гдѣ клинья уставить,
Гдѣ карманъ, и сколько грудь окружа прибавить;
Въ лѣто или осенью, въ зиму иль весною,
Какую парчу подбить пристойно какою,
Что приличнѣе нашить сребро или злато,
И Рексу лучше тебя знать ужь трудновато.
Въ обѣдъ и на ужинѣ частенько двоится
Свѣча въ глазахъ, часто полъ подъ тобой вертится,
И обжорство тебѣ въ ротъ куски управляетъ.
Гнусныхъ тогда полкъ друзей тебя окружаетъ,
И глодая до костей самыхъ, нравъ веселый,
Тщиву душу, и въ тебѣ хвалитъ разумъ зрѣлый.
Сладко щекотятъ тебѣ ухо красны рѣчи,
Вздутымъ поднятъ пузыремъ, чаешь, что подъ плечи
Не дойдетъ тебѣ людей все прочее племя.
Оглянись, Намѣстниковъ Царскихъ чисто сѣмя,
Тотъ же полкъ лишь съ глазъ твоихъ—тебѣ ужь смѣется;
Скоро станетъ и въ глаза; притворство минется,
Когда истощишь твоихъ пожитковъ остатки:
Боюсь я устъ, что въ лицо точатъ слова сладки.
Ты самъ неотступно то время ускоряешь,
Изъ рукъ ты пестрыхъ пучки бумагъ не спускаешь,
И мечешь горстью, твоихъ мозольми и по́томъ
Предковъ, скоплено добро. Деревня со ско́томъ
Не первая ужь пошла въ бережную руку
Того, кто мало предъ симъ кормился отъ стуку
Молота по жаркому въ кузницѣ желѣзу.
Приложился сильный жаръ къ поносному рѣзу.
Часто любишь опирать щеки на грудь бѣлу;
Въ томъ проводишь прочій день и ночь почти цѣлу.
Но тѣ, кои на стѣнахъ большой твоей залы
Видишь надписи, — прочесть трудъ тебѣ немалый;

Ст. 194. *Пестрыхъ пучки бумагъ* = Карты. †

Чужой глазъ нуженъ тебѣ и помощь чужая
Нужнѣе, чтобъ знать назвать черту, что копая
Воинъ предъ собой ведетъ, укрываясь, къ валу;
Чтобъ различить, гдѣ стѣны часть одна помалу
Частымъ быстро-пагубныхъ пуль ударомъ пала;
Гдѣ грозно разсѣдшися земля вдругъ пожрала;
Къ чему шутъ войска одна часть въ четверобочникъ
Строится, гдѣ болѣе нуженъ ужь спомочникъ
Рѣдкимъ полкамъ, и гдѣ ужь превосходны силы
Оплошнаго недруга надежду прельстили.
Много вышнихъ требуетъ свойствъ чинъ воеводы
И много разныхъ искуствъ; и входъ и исходы
И мѣсто годно къ бою видитъ однимъ взглядомъ.
Лишней бозопасности не упоенъ ядомъ,
Остръ, проницаетъ враговъ тайные совѣты,
Временно предупреждать удобенъ навѣты,
О обильности въ своемъ таборѣ печется
Неусыпно, и любовь ему предпочтется
Войска, и не будетъ имъ за страхъ ненавидимъ;
Отцемъ невинный народъ зоветъ необидимъ
Его жадностью, — врагамъ однимъ лишь ужасенъ,
Тихимъ нравомъ и умомъ и храбростью красенъ.
Не спѣшитъ дѣло начать, начавъ производитъ
Смѣло и скоро; не столь бѣгло Перунъ сходитъ
Страшно гремя. Въ щастіи умѣренъ быть знаетъ,
Терпѣливъ въ нуждѣ, въ бѣдствѣ твердъ не унываетъ.—
Ты тѣхъ добродѣтелей, тѣхъ чуть имя знаній
Слыхалъ ли? Самыхъ числу дивишься ты званій,
И въ одинъ всѣхъ мозгъ вмѣстить смертныхъ столь
(мнишь трудно,

Ст. 211. *Четверобочникъ* = карѣ.
Ст. 216. *Разныхъ искуствъ*=опытныхъ знаній.
Ст. 220. *Временно*, вмѣсто благовременно, своевременно.
Ст. 221. *Таборъ* = лагерь, станъ.

Сколь дворецкому не красть, иль судьѣ жить скудно.
Какъ тебѣ ввѣрить корабль, коль лодкой не правилъ?
И хотя въ пруду твоемъ, лишь берегъ оставилъ,
Тотчасъ къ берегу спѣшишь; гладкихъ испугался
Ты водъ. Кто пространному морю первый вдался,
Мѣдное сердце имѣлъ; смерть тамъ обступаетъ
Снизу, сверху и боковъ; одна отдѣляетъ
Отъ нея доска толста пальца лишь въ четыре:
Твоя душа требуетъ разстоянья шире,
И писана смерть тебя дрожать заставляетъ;
Одинъ холопъ лишь твою храбрость искушаетъ,
Что одинъ онъ отвѣчать тебѣ не посмѣетъ.
Нужножь много и тому, кто рулемъ владѣетъ
Искуствъ и свойствъ съ самаго укрѣпленныхъ дѣтства;
И столь нужнѣй тѣ ему, сколь вящи суть бѣдства
На морѣ, нежь на землѣ. Твари Господь чудну
Мудрость свою оказалъ, во всѣхъ неоскудну
Мѣру поставя частяхъ міра, и межь ними
Взаимно согласіе. Лучами своими
Свѣтила небесныя, желѣзце немногу

Ст. 238. *Кто пространному морю первый вдался, мѣдное сердце имѣлъ.*
У Горація:

Illi robur et æs triplex
Circa pectus erat, qui fragilem truci
Commisit pelago ratem
Primus....

Ode III. Ad Virgilii navem, V. 9—12.

Тотъ, кто первый на утлой доскѣ бурному морю предался, трикраты твердое и мѣдное имѣлъ сердце.

Ст. 240. *Одна отдѣляетъ отъ нея доска толста пальца лишь въ четыре.*
У Ювенала.

I nunc, et ventis animam committe, dolato
Confisus ligno, digitis a morte remotus
Quatuor, aut septem, si sit latissima tæda.
Sat. XII. †

Теперь ступай и предай жизнь волѣ вѣтровъ, ввѣрясь выдолбленной доскѣ, отдѣляющей тебя отъ смерти на четыре пальца, или на семь, есть-ли доска толще.

Ст. 248. *И столь нужный тѣ=онѣ.*

Отъ дивнаго камня взявъ силу, намъ дорогу
Надежную въ безднѣ водъ показашь удобны.
Небесъ положеніе на землѣ способный
Бываетъ намъ проводникъ, и когда страхъ мучитъ
Грубыхъ пловцовъ, кормчаго искуснаго учитъ
Скрытый камень миновать, иль берегъ опасный,
И въ пристань достичь, гдѣ часъ кончится ужасный.
Недруга догнать, надъ нимъ занять вѣтръ способный,
И побѣду одержать, вступя въ бой удобный, —
Трудъ немалый. На морѣ, какъ на землѣ, тѣже
Начальниковъ должности: тебѣ еще рѣже
Снилась трубка и компасъ, нежь строй и осада.
За краснымъ судить сукномъ Адамлевы чада,
Иль править достоинъ тотъ, чья есть совѣсть чиста,
Сердце къ сожалѣнію склонно, и рѣчиста
Кого деньга одолѣть, ни страхъ, ни надежда
Не сильны; предъ кѣмъ всегда мудрецъ и невѣжда
Богачь и нищій съ сумой, гнусна бабья рожа
И краснаго цвѣтъ лица, пахарь и вельможа
Равны въ судѣ, и одна правда превосходна;
Кого не могутъ прельстить въ хитростяхъ всеплодна
Ябеда и ея другъ — дьякъ или подьячій.
Чтобъ чрезъ руки ихъ прошедъ слѣпымъ не сталъ зрячій,
Блюстись долженъ, и самъ знать и листъ и страницу,
Что отъ нападенія сильнаго вдовицу
Соперника можетъ спасть, и сиротъ спокойну
Уставить жизнь, предписавъ плутамъ казнь достойну.
Наизусть онъ знаетъ всѣ естественны права,
Изъ нашего высосалъ весь онъ сокъ устава,
Мудры не спускаетъ съ рукъ указы Петровы,
Коими стали мы вдругъ народъ уже новый,

Ст. 266. *Адамлевы чада*, вмѣсто Адамлевыхъ чадъ. Слав.

Ст. 272. *И краснаго цвѣтъ лица*= Цвѣтъ прекраснаго лица.

285. Неменьше стройный другихъ, неменьше обильный,
Завидимъ врагу, и въ немъ злобу унять сильный.
Можешь ли что обѣщать народу подобно?
Бѣдныхъ слезы предъ тобой льются, пока злобно
Ты смѣешься нищетѣ; каменной душою
290. Бьешь холопа до крови, что махнулъ рукою
Вмѣсто правой лѣвою (звѣрямъ лишь прилична
Жадность крови; плоть въ слугѣ твоей однолична).
Мало, правда, ты копишь денегъ, но къ нимъ жаденъ:
Мотъ почти всегда живетъ сребролюбьемъ смраденъ,
295. И все законно онъ мнитъ, что ужь истощенной
Можетъ дополнить мѣшокъ; нужды совершенной
Стала ему золота куча, безъ которой
Прохладамъ долженъ своимъ видѣть конецъ скорой.
Арабскаго языка, Права и Законы
300. Мнятся тебѣ, дикіе Русску уху звоны.
Естьли въ тѣ чины негожь, скажешь мнѣ, я чаю
Нехуже Клита носить ключь золотой знаю;
Какія свойства его, какая заслуга
Лучшимъ могли показать изъ нашего круга?
305. Клита въ постелѣ застать не можетъ день новой,
Неотступенъ сохнетъ онъ зѣвая въ крестовой,
Спины своей не жалѣлъ кланяясь и мухамъ,
Коимъ доступъ дозволенъ къ временщичьимъ ухамъ.
Клитъ остроуменъ свои слова точно мѣритъ,
310. Льститъ всякому, никому почти онъ не вѣритъ,
Съ холопомъ новыхъ людей дружбу весть не рдится;

Ст. 286. *Завидимъ*=завидуемый.

Ст. 292. *Твоей однолична* = твоей равнокачественна.

Ст. 299. *Арабскаго языка* и пр. Примѣненіе Французской пословицы: C'est de l'arabe pour vous. Эти два стиха кажутся непонятными съ перваго взгляда отъ трудности словосочиненія. Перемѣнивъ предложеніе, получимъ: Дикими для Русскаго уха звуками Арабскаго языка кажутся тебѣ права и законы.

Ст. 311. *Не рдится*=некраснѣетъ.

Истинная мысль его прилежно таится
Въ дѣлахъ его. О трудахъ своихъ онъ не тужитъ
Идучи упрямо въ цѣль. Клиту щастье служитъ;
Иныхъ свойствъ не требуетъ, кому оно дружно.
А у Клита безъ того нѣчто занять нужно
Тому, кто въ Царскомъ прожить домѣ жизнь уставилъ,
Чтобъ крылья, къ солнцу подшедъ, мягки не расплавилъ.
Коротκій языкъ, лице и радость удобно
И печаль изображать, какъ больше способно
Къ пользѣ себѣ, по другихъ лицу примѣняясь.
Честнѣе будетъ онъ другъ всѣмъ друженъ являясь;
И много смиреніе, и разсудность многу
Совѣтую при Дворѣ. Лучшую дорогу
Избралъ, кто правду всегда говорить принялся,
Но и кто правду молчитъ, виновенъ нестался,
Буде ложью утаить правду не посмѣетъ.
Щастливъ, кто средины той держаться умѣетъ.
Умъ свѣтлый нуженъ къ тому, разговоръ пріятный,
Учтивость приличная, что даетъ родъ знатный.
Ползать не совѣтую, хоть спѣси гнушаюсь;
Всегда того я въ тебѣ искать опасаюсь.
Словомъ, много о вещахъ тщетныхъ безпокойства,
Но въ тебѣ ни одного нѣтъ хвальнаго свойства.
Исправь себя, и тогда жди, дружокъ, награды;
По тѣхъ поръ, что ты забытъ, не чувствуй досады:
Пороковъ, кои теперь заграждены тѣнью
Спѣнъ твоихъ, не прикроешь высшею степе́нью.
Чистъ быть долженъ, кто туда не поблѣднѣвъ всходитъ,
Куда зоркіе глаза весь народъ наводитъ.
Но положимъ, что твои заслуги и нравы
Достойнымъ являютъ тя лучшей мзды и славы:
Тѣ, кои оной тебя неправо лишаютъ,
Жалки, что пользу свою въ тебѣ презираютъ;

345. А ты не долженъ судишь, судятъ ли тѣ здраво,
Или самъ многимъ себя предпочтешь неправо?
Надъ всѣмъ же тому, кто родъ съ древняго начала
Ведетъ, зависть, какъ свиньѣ узда, непристала.
Ещебъ можно извинишь, естьли знатный тужитъ
350. Видя, что щастье во всемъ слѣпо тому служитъ,
Коего сколь тменъ родъ, столь нравы развратны,
Ни отечеству добры, ни людямъ пріятны:
Но когда пропивное видитъ въ человѣкѣ,
Веселишься долженъ онъ, что есть въ его вѣкѣ
355. Мужъ таковъ, кой добрыми родъ свой возвышаетъ
Дѣлами, и полезенъ всѣмъ быть начинаетъ.
Чтожь въ Дамонѣ, въ Трифонѣ и въ Туллiѣ гнусно,
Что, какъ награждаютъ ихъ, тебѣ на смерть грустно?
Благонравны тѣ, умны, вѣрность ихъ немала;
360. Слава наша съ трудовъ ихъ нѣчто воспріяла.
Правда, въ царство Ольгино предковъ ихъ не знали,
Думнымъ и Намѣстникомъ дѣды не бывали,
И дворянства древностью считаться съ тобою
Имъ нельзя; да что съ того? Они вѣдь собою
365. Начинаютъ знатный родъ, какъ въ древнiе вѣки
Твои предки, когда Русь стали крестить Греки.
И твой родъ не всё таковъ былъ, какъ потомъ спался,
Но первый съ предковъ твоихъ, кой дворянинъ звался,
Имѣлъ отца славою гораздо поуже,
370. Каковъ Трифонъ, Туллiй былъ, или и похуже.
Адамъ дворянъ не родилъ, но одному сыну
Жребiй былъ копать садъ, пасть другому скотину;
Ной въ ковчегѣ съ собою спасъ все ссбѣ равныхъ
Простыхъ земледѣлелей, нравами лишь славныхъ:
375. Отъ нихъ произошли, одинъ поранѣе
Оставя дудку, соху; другой попозднѣе.

Ст. 359. *Благонравны тѣ* = они.

САТИРА III.

КЪ

ѲЕОФАНУ,

АРХІЕПИСКОПУ НОВОГОРОДСКОМУ.

1. Дивный Первосвященникъ, которому сила
Высшей Мудрости свои тайны всѣ открыла,
И всѣ твари, что міръ сей отъ вѣкъ наполняютъ,
Показала, изъяснивъ, отчего бываютъ;
5. Ѳеофанъ, которому всё то далось знати,
Здравый человѣка умъ что можетъ поняти!
Скажи мнѣ, можешь бо ты, всѣмъ всякаго рода
Людямъ, давши тѣло тожь и въ немъ духъ, природа,

Примѣчанія.

Въ примѣчаніи къ 1-й Сатирѣ сказали мы съ какой похвалою принята она была Архіепископомъ Ѳеофаномъ. Это подало поводъ Кантемиру написать III-ю Сатиру въ видѣ посланія къ Преосвященному, предлагая въ ней къ разрѣшенію вопросъ: отчего въ людяхъ, одинаковыхъ тѣломъ и душею, находятся различныя страсти? Сатира эта написана въ Москвѣ въ Августѣ 1730 г. и при ней приложены были слѣдующіе стихи:

Устами ты обязалъ меня и рукою,
Далъ хвалу мнѣ свыше мѣръ, заступилъ немало:
Сатирику то забыть никакъ непристало,
Иже неблагодарства страсть хулитъ трубою.
Нѣтъ; по силы — воздавать дары равномѣрны
Въ знакъ благодаренія — увы! запрещаютъ.
Пріими убо сія: хоть и не блистаютъ
Дары изяществомъ, однакъ знаки воли вѣрны.

Она ли имъ разныя надѣлила страсти,
Которыя одолѣть уже не въ ихъ власти,
Или другой ключь тому ручью искать нужно?
На Хрисиппа первый взглядъ вскинь, буде досужно:
Хрисиппъ, хоть грязь по уши, хоть небо блистаетъ
Огнями, и рѣки льютъ, Москву обѣгаетъ
Днемъ прижды изъ края въ край; съ торгу всѣхъ позднѣе;
Вчерашній часто обѣдъ кончаетъ скорѣе,
Чѣмъ въ приходскій праздникъ попъ отпоетъ молебенъ.
Сонъ, отрада твари всей, ему непотребенъ,
По вся утра торопливъ, не только съ постели,
Но выходитъ со двора, пѣшухи не пѣли.
Когда въ чемъ барышь достать надежда какая,
И саму жизнь не щадитъ. Не давно съ Китая
Прибывъ, тотчасъ онъ спѣшитъ, и въ другой край свѣта
Сбирается, не смотря ни на свои лѣта,
Ни на злобу воздуха въ осеннюю пору;
Презираетъ водъ морскихъ то бездну, то гору;
Сѣдъ, беззубъ и весь ужь дряхлъ на корабль садится,
Не себя какъ уберечь, но товаръ, крушится.
Торгуетъ ли что Хрисиппъ? Больше проливаетъ
Слёзъ и поклоновъ кладетъ, нежь денегъ считаетъ.
Когда продаетъ, божбы дешевле товару;
Хоть всю Москву исходи, другаго подъ пару
Нѣтъ, чтобъ въ четверти дѣлилъ искуснѣй осьмушку,
У аршина умѣрилъ вершокъ, въ ведрѣ кружку.
Весь вечеръ Хрисиппъ безъ свѣчь, зиму всю колѣетъ,
Жалѣя дровъ, безъ слуги обойтись умѣетъ
Часто въ домѣ; носитъ двѣ рубашку недѣли,
А простыни и со всѣмъ гніютъ на постели.
Одинъ кафтанъ, на коемъ ужь ворса вся избита
Нитьголу оставила, и та ужь пробита;
А кушанье подано коли на двухъ блюдахъ,

Кричитъ: « Куда мотовство завелося въ людяхъ. »
За излишество Хрисиппъ пищи суетится,
Собирая, чѣмъ бы жить, что за нимъ тащится
Дряхла жена и дѣтей куча малолѣтныхъ,
Что тѣ супь его прудовъ причина примѣтныхъ.
Да не то; ужь сундуки мѣшковъ не вмѣщаютъ,
И въ нихъ уже ржавыя почти истлѣваютъ
Деньги; а всей у него родни за душою
Одинъ лишь внукъ, да и тотъ гораздо собою
Неубогъ, дѣда хотя убожѣе вдвое.
Скупость, скупость Хрисиппа мучитъ, не иное;
И прячетъ онъ и копитъ денежныя тучи,
Думая, что изъ большой пріятно брать кучи.
Но естьли изъ малой я своей получаю,
Сколько нужно, для чего большую, не знаю,
Предпочитаетъ? Тому подобенъ мнѣ мнится
Хрисиппъ, кто за чашею одною тащится
Воды на пространную рѣку, хотя можетъ

Ст. 42. *Куда мотовство завелося въ людяхъ.* Подражаніе Сатирѣ Ѳеофана Прокоповича:

Dote tuum nummum gallam nupsisse celatum est
Fongilio juveni: post quam damnabilis, inquit,
Invaluit luxus. †

Ст. 46. *Что тѣ* = они.

Ст. 54. *Изъ большой пріятно брать кучи.*

У Горація, Сат. I, кн. 1.

At suave est ex magno tollere acervo,
Dum ex parvo nobis tantumdem haurire relinquas:
Curtua plus laudes cumeris granaria nostris?
Ut, tibi si sit opus liquidi non amplius urna,
Vel cyatho: et dicas, magno de flumine mallem,
Quam ex hoc fonticulo tantumdem sumere: eo fit,
Plenior ut si quos delectat copia justo,
Cum ripa simul avulsos ferat Aufidus acer. †

Но пріятно брать изъ большой кучи, хотя изъ малой также взять можно. Что лучше: небольшой закромъ бѣдняка или житницы? Когда тебѣ нужно воды неболѣе кружки или стакана, изъ большой ли рѣки возьмешь или изъ этого ручейка, для того, чтобы насладясь изобиліемъ погибнуть, вмѣстѣ съ подорваннымъ берегомъ, въ волнахъ жестокой рѣки.

Въ ручейкѣ чисту достать. Что ему поможетъ
Излишность, когда рѣка берегъ подъ ногами
Подмывъ, съ пескомъ и его покроетъ струями.
Клеархъ сребролюбія и тѣни боится,
Весь отъ головы до пятъ въ золотѣ онъ снится.
Домъ огромный въ городѣ, домъ и за Москвою,
Оба преукрашены щедрою рукою;
Столъ пространный, весь приборъ Царскому подобенъ,
Чрезъ толпу слугъ золотомъ облитыхъ удобенъ
Къ нему доступъ и льстецамъ и игрокамъ гнуснымъ,
Дающимъ поводъ страстей, къ затѣямъ искуснымъ.
Негодницъ онъ полною горстью осыпаетъ,
И новы къ сластямъ тропы себѣ прочищаетъ
Всечасно; о томъ одномъ ночь, день суетится.
Кому быть богатѣе Крезуса возмнится,
Тому деньги достаютъ дни лишь на четыре,
Хотя доходы его моихъ не поширѣ,
Прочеежь въ долгъ набрано обманомъ, слезами,
Клятвами, и всякими подлыми дѣлами.
Ростетъ долгъ, и къ росту ростъ на всякъ день копится,
Пока Клеархъ нашъ весь голъ въ тюрмѣ очутится,
Заимодавцамъ своимъ оставя въ награду
Скучну надежду, суму, слёзы и досаду.
Два три плутца разоривъ многихъ, разжирѣли,
Что и бѣлокъ и желткокъ высосать умѣли.
Съ зарею вставши Менандръ вездѣ побываетъ,
Развѣситъ уши вездѣ, вездѣ примѣчаетъ,
Что въ домахъ, что въ улицѣ, въ дворѣ и въ приказѣ
Говорятъ и дѣлаютъ. О всякомъ указѣ
Вновь выданномъ, о всякой перемѣнѣ чина
Онъ извѣстенъ прежде всѣхъ; такъ всему причина,
Какъ Отче нашъ наизусть. Три дни брюху дани

Ст. 87. *Въ приказѣ* = въ присутственномъ мѣстѣ.

Лучше не дастъ, нежь незнать, что привезъ съ Гиляни
Вчера прибывшій гонецъ, гдѣ кто съ кѣмъ подрался;
Сватается кто на комъ, гдѣ кто проигрался,
Кто за кѣмъ волочится, кто выѣхалъ, въѣхалъ,
У кого родился сынъ, кто на тотъ свѣтъ съѣхалъ.
О, когдабъ дворяне такъ наши свои знали
Дѣла, какъ чужіе онъ! не столькобъ ихъ крали
Дворецкій съ приказчикомъ, и жирнѣебъ жили,
И должниковъ за собой толпы бъ не водили.
Когда же Менандръ новизнъ наберетъ нескудно,
Недавно то влитое ново вино въ судно
Кипитъ, бродитъ, обручь рветъ, доски разширяетъ,
И выбивъ втулку, быстро устьемъ вытекаетъ.
Встрѣтитъ ли тебя, тотчасъ въ уши вѣстей съ двѣсти
Нажужжитъ, и поймалъ тѣ изъ вѣрныхъ рукъ вѣсти,
И тебѣ, съ любви своей, оны сообщаетъ,
Прося, держать про себя. Составить онъ знаетъ
Мнѣнію окружности своему прилично;
Рѣдко двумъ тужь вѣдомость скажетъ однолично,
И самъ своей наконецъ повѣритъ онъ бредни,
Ежели прейдетъ къ нему изъ знатной передни.
Сказавъ, тебя какъ судья бѣжитъ осторожный
Просителя, у кого карманъ ужь порожный,
Имѣя многимъ еще въ городѣ наскучить.
Искусенъ и безъ вѣстей голову распучить
Тебѣ Лонгинъ; стерегись, стерегись сосѣдомъ
Лонгина не завтракавъ имѣть за обѣдомъ.

Ст. 101. *Когда же Менандръ новизнъ наберетъ.*

У Горація Кн. I., послан. 18.

Percuntatorem fugito: nam garulus idem est;
Nec retinent patulæ commissa fideliter aures;
Et semel emmissum volat irrevocabile verbum.

Любопытнаго бѣги: говорливъ онъ не умѣютъ сохранить ввѣреннаго уши всегда отверстыя, а слово однажды изъ устъ выпущенное летитъ невозвратно.

Отъ жены, дѣтей своихъ долгое посольство
Отправитъ тебѣ, потомъ свое недовольство
Явитъ, что ты у него давно не бываешь,
Хоть больну быть новыми зубами дочь знаешь.
Четвертый уже зубокъ въ деснахъ показался;
Ночь всю и день плачется; жаръ вчера унялся.
Другую за мужъ даетъ, женихъ знатенъ родомъ,
Богатъ, красивъ и жены старѣе лишь годомъ.
Приданое дочерне опишетъ подробно,
Прочтетъ рядную всю сплошь, и всяку особно
Истолкуетъ въ ней статью. Сынъ меньшой недавно
Начавъ азбуку, теперь чтетъ склады исправно.
Въ деревнѣ своей копать началъ онъ прудъ новый,
Тому изъ кармана планъ вынаща готовый
Тотъ же часъ подъ носъ тебѣ разсмотрѣть положитъ,
Иль на ту стать ножики и вилки разложитъ.
Сочтетъ сколько въ ней земли, что беретъ оброку,
Къ какому всякъ у него спѣетъ овощь сроку,
И владѣльцевъ всѣхъ ея другъ за другомъ точно
Отъ потопа самаго, и какъ она прочно
Изъ руки въ руку къ нему дошла съ приговору
Судей, положа конецъ долгу съ дядей спору.
Милуетъ же тебя Богъ, буде онъ осаду
Азовску еще къ тому не прилѣпитъ сряду;
Рѣдко минуетъ ея, и день нуженъ цѣлый
Выслушать всю повѣсть ту. Полководецъ зрѣлый
Много онъ тамъ почудилъ, всегда готовъ къ дѣлу,
Всегда пагубенъ врагу. Тутъ то ужь безъ мѣлу,
Безъ верви кроить обыкъ, безъ аршина враки,
Правды гдѣ-гдѣ крошечны увидишь ты знаки.
Да гдѣ все то описать, что онъ въ столъ наскажетъ?

Ст. 132. *Тому*, т. е. деревни и пруду.

Ст. 140. *Долгу* = долгому.

Не столько зернъ, что въ снопахъ мужикъ въ день навяжетъ,
Не столько купецъ божбы учинитъ въ продажѣ
Товаровъ чрезъ цѣлый годъ, и не сшолько въ кражѣ
Разъ пойманъ, давши судьѣ цѣловальникъ плашу,
Коей очистишъ себя и казенну шрашу.
Весь въ пѣнѣ, въ поту, унять устъ своихъ не знаетъ,
Не смѣетъ плюнуть, сморкнуть, и тогда онъ чаетъ,
Что весь ухо, языка во рту не имѣешь,
Говорить тебѣ не дастъ; хоть дастъ — не успѣешь.
Варламъ смиренъ, молчаливъ, какъ въ палашу войдетъ,
Всѣмъ низко поклонится, къ всякому подойдетъ,
Въ уголъ спрашавшись потомъ глаза въ землю втупитъ;
Чуть слышно, что говоритъ; чуть какъ ходитъ ступитъ,
Чётки завсегда въ рукахъ, на всякое слово
Страшное имя Христа во устахъ готово.
Молебны пѣть, и свѣчи класть склоненъ безъ мѣры,
И превосходство сто разъ выхваляетъ вѣры
Тѣхъ, кои церковную славу разширили,
И великолѣпенъ храмъ Богу соружили;
Души де ихъ подлинно будутъ наслаждаться
Вѣчныхъ благъ. Слово къ чему, можешь догадаться;
О доходахъ говоритъ церковныхъ склоняетъ:
Кто далъ, чѣмъ жирѣетъ онъ, того похваляетъ,
Другое всяко не столь дѣло годно Богу;
Тѣмъ однимъ легку сыскать можемъ въ рай дорогу.
Когда въ гостяхъ за столомъ и мясо прошивно,
И вина не хочетъ пить; да то и не дивно,
Дома съѣлъ ужь каплуна, и на жиръ и сало
Бутылки Венгерскаго съ нуждой запить спало.
Калки ему въ похотяхъ погибшіе люди,
80. Но изъ подлобья пялитъ глазъ на круглы груди,
И женѣ бы я своей заказалъ съ нимъ знаться.
Завсегда совѣтуетъ гнѣва удаляшься,

И досады забываешь; но ищешь въ прахъ стерши
Тайно недруга; не дашь покою по смерши;
Всевидца Творца бѣднякъ мнишь привесть въ обманство,
Коей зришь людей правоту и зло окаянство.
Фока ушро все шорчишь у знатныхъ въ передней,
И гнешь шею, и даришь, и какъ бы послѣдній
Слуга низится за шѣмъ, чтобъ чрезъ свою службу
Неусупную достать себѣ знатныхъ дружбу,
И народъ бы говорилъ: вотъ какъ почитаютъ
Господа Фоку, шепчутъ съ нимъ, съ собой сажаютъ.
Застроилъ огромный домъ, который оставишь
Дѣтей его по міру; даромъ тотъ доставишь
Ему имя тщиваго при позднемъ потомствѣ.
Съ родословными писцы, съ творцами въ знакомствѣ,
Сыплешь онъ ихъ деньгами, чтобъ тѣ лишь писали
Въ славу его. Кто сочтетъ, во что ему стали
Тетради, что подъ его именемъ не давно
Изданы? Услышавъ онъ, что гораздо славно
Ранами военными имѣть полно тѣло,
Носъ разбить и грудь себѣ разчертить снесъ смѣло.
Такъ шалѣетъ, чтобъ во вѣкъ не лишиться славы,
Когда къ ней одни ведутъ лишь добрые нравы.
Гликонъ честности въ другихъ отнюдь не находитъ
Пріятенъ ли кто ко всѣмъ, святуль жизнь кто водитъ,
Ученъ ли кто своему въ красу цвѣтетъ роду,
Далъ ли кто власть надъ огнемъ, иль укрощать воду,
Побѣждены ль кѣмъ враги сильны и отважны,
Къ пользѣ ли кто общества ввелъ законы важны;
Все то ничто. О себѣ Гликонъ ужь противно
Разсуждаетъ, всякое слово его дивно,
Всѣ поступки образцы; что въ умъ ему вспало,
Не оспоришь во вѣки; дивится не мало,

Ст. 196. *Съ родословными писцы* = съ писателями родословныхъ.
Ст. 203. *Шалѣетъ* = безумствуетъ.

Что главно правленіе всего государства
Царь давно не далъ ему во знакъ благодарства.
Въ умъ свой не можетъ вмѣстить, что не всѣ вздыхаютъ
Дѣвицы по немъ, кои любви сладость знаютъ.
Собою наполненъ весь, себя лишь чтитъ смыслитъ,
По своимъ годамъ починъ щастья людей числитъ,
Чая, что смысленна тварь глазъ, ухо имѣетъ
Для того, чтобъ дивиться тому, что онъ дѣетъ,
И слушать, что говоритъ; а то бы и дѣла
Не осталось нашего тѣмъ двумъ частямъ тѣла.
Клитесъ отважнѣй чернцовъ суетъ мірскихъ бремя
Презирая, все живетъ безпечаленъ время.
Глаза красны, весь распухъ, изъ устъ смердитъ стервой,
Въ полгода достатокъ весь онъ лишь тратитъ первой
Когда примется за что, дрожатъ руки, ноги,
Какъ подъ брюхатымъ дьякомъ однокольны дроги.
Нищъ, дряхлъ, презрѣнъ лучшему щастью не завидитъ.
Когда полну стклянницу въ рукахъ своихъ видитъ,
И сколь подобенъ скоту больше становится
Безсмысленну, столько онъ больше веселится.
Въ палапу вшедши Ирканъ, гдѣ много народу,
Раздвинетъ всѣхъ, какъ корабль плывущь сѣчетъ воду,
И хотъ бы зналъ что много злата съ плечь убудетъ,
Нужно продраться впередъ: позади не будетъ.
Садится ли гдѣ за столъ, то тѣ, то другое
Блюдо предъ себя подать велитъ, снять иное;
Приходятъ изъ его рукъ съ здоровьями кубки.
Зависѣтъ отъ его словъ всѣхъ должны поступки.
Распяливъ грудь, бровь поднявъ, когда знакъ ти окомъ
Подастъ за ниской поклонъ, въ почтеньи глубокомъ
Имѣетъ тя; ибо съ кѣмъ проговорить слово
Удается не всегда, не всегда готово.
Мнитъ онъ, что вещество то, что плоть ему дало,

Было не такое же, но нѣчто сіяло
Предъ прочими; и была та фарфорна глина
Съ чего онъ, а съ чего мы, навозная шина.
Созимъ смотря на него злобно скалитъ зубы,
И шепчутъ мнѣ на ухо ядовиты губы:
« Гораздобъ приличнѣе Ирканъ пропомою
« Помнилъ бабушку свою, и дѣда съ сумою,
« Умѣряя по семьѣ строй свой и походку.
« Гораздобъ приличнѣе зашилъ себѣ глотку,
« Чтобъ хотя одинъ глупецъ обманутьсѧ станомъ
« Его могъ, а не весь свѣтъ окрестилъ болваномъ. »
Созимъ дѣло говоритъ; но Ирканубъ мочно
Дружескій податъ совѣтъ, чѣмъ ему заочно
Насмѣхатьсѧ безъ плода, но о всѣхъ такъ судитъ
Строго Созимъ. « Чистую удачливо удитъ
« Золотомъ мягкой Силванъ супругу сосѣда;
« У Прокофья голоденъ вышедъ изъ обѣда;
« Настя румяна, бѣла своими трудами,
« Красота ея въ ларцѣ лежитъ за ключами;
« Клементій, судья, собой взятьсѧ не умѣетъ
« Ни зачто, и безъ очковъ дьяка честь не смѣетъ. »
Ни возрастъ, ни чинъ, ни другъ, ни самъ ближній кровный
Языкъ Созимовъ унятъ не можетъ злословный.
Я нещастливымъ тотъ день себѣ быть считаю,
Когда мнѣ случитсѧ съ нимъ сойтись, ибо знаю,
Что какъ скоро съ глазъ его сойду, ужь готово
Столь злобноежъ обо мнѣ будетъ ему слово.
Сообществу язва онъ. Но больше ужасенъ
Трофимъ съ сладкимъ языкомъ, и больше опасенъ.
Можетъ въ умныхъ клевета пороки заставить
Нечувствительны предъ тѣмъ полезно исправить;
Трофимъ надсажаясь все хвалитъ безъ разбору,

И множитъ число глупцовъ. Вѣру даемъ скору
Похваламъ мы о себѣ, и въ сердце вскользая
Истребятъ до корени, буде въ немъ какая
Крылась къ добродѣтели ревностъ многотрудна:
Самолюбіемъ душа ни одна не скудна;
И однимъ свидѣтелемъ совершенно чаемъ
Хвальными себя, за тѣмъ въ пути унываемъ.
Не успѣлъ Титъ растворить устъ, Трофимъ дивится
Искусной рѣчи его; прилежно трудится
И самъ слушать, и другихъ къ тому принуждаетъ,
Боясь чихнуть иль дохнуть, пока рѣчь скончаетъ,
Котору мнѣ выслушать нельзя не зѣвая.
У Тита на ужинѣ пальцы полизая,
Небеснымъ всякой зоветъ кусокъ, хоть противенъ
Ему гадитъ. Нигдѣ онъ не видалъ столь дивенъ
Чинъ и стольку чистошу; все у Тита чудно
Въ домѣ, и самъ домъ почесть раемъ ужь не трудно.
Естьлибъ Титова жену Парису знакома
Была, Менелаева прялабъ пряжу дома.
Всѣ до облакъ Титовы дѣла возвышаетъ,
Титъ высморкать носъ кривой весьма умно знаетъ,
И не отличенъ ему Титъ одинъ: но ра́вно
Всякому льститъ, все ему чудно и преславно,
И мнитъ, что тѣмъ способомъ любимъ всѣмъ бываетъ.
Въ уринникѣ, въ столчакѣ твоемъ онъ признаетъ
Духъ добрый, и безъ стыда подтверждать то станетъ.
Невій босъ и безъ портокъ изъ постели встанетъ
Пятью и десятью въ ночь, осмотритъ прилежно,
Заперты ли окна всѣ и двери надежно,
На мѣстѣ ли кабинетъ, и сундукъ и ящикъ.
Сотью шлетъ въ деревню онъ извѣдать, приказчикъ

Не крадетъ ли за очьми; за дворецкимъ ходитъ
Самъ тайно въ рядъ; за собой слугъ своихъ не водитъ,
Чтобъ гдѣ беретъ, гдѣ кладетъ онъ деньги, незнали.
Котелъ сосѣду ссудилъ; тотчасъ думы вспали,
Что слуга уйдетъ съ котломъ, тотчасъ шлетъ другого
По пятамъ за нимъ смотрѣть, и спустя не много
Пришло въ умъ, что самъ сосѣдъ въ котлѣ отпереться
Можетъ; воротитъ слугу третій уже шлется.
Вскинетъ ли глазъ на кого жена ненарочно,
Невій чаетъ, что тому ужь ожидать мочно
Все отъ жены, и за тѣмъ душу свою мучитъ;
Дѣтей мать долги копить потаенно учитъ;
Другъ шепчетъ о чѣмъ съ другимъ, Невію навѣты
Строятъ, иль смѣются тѣ. Мѣряетъ отвѣты
Долго на всякій вопросъ, боясь обмана
Во всемъ: подозрителенъ весь свѣтъ, и изьяна
Вездѣ опасается. Въ такомъ непрестанно
Безпокойствѣ жизнь свою нуритъ окаянно.
Я бъ на такомъ не хотѣлъ принять договорѣ
Ни самый Царскій престолъ; скучило бъ мнѣ вскорѣ
И Царско тягло. Суму предпочту въ покоѣ,
И бѣдство я временно, сколь бы то ни злое,
Тревогѣ, волненію ума непрестанну,
Хоть бы въ богатіство вели, въ славу несказанну:
Часто быть обманутымъ предпочту конечно,
Нежель недовѣріемъ мучить себя вѣчно.
Не меньше мучитъ себя Зоилъ нашъ угрюмый:
Что ни видитъ у кого, то новыя думы,
Нова печаль, и не спитъ бѣдный цѣлы ночи.
Недавно закинувъ онъ завистныя очи
Въ сосѣдній дворъ, и видя, что домишко строитъ,
Которой хоть дорого цѣнитъ, ста не стоитъ

Ст. 328. *Нуритъ* = изнуряетъ.

Рублей, побѣднѣлъ весь вдругъ, и въ себѣ неволенъ
Горячкою заболѣвъ по сю пору боленъ.
У бѣднаго воина, что съ двадцать лѣтъ служитъ,
Ощупавъ въ карманѣ рубль, еще теперь тужитъ.
Удалось ли кому въ чинъ неважный добиться,
Хвалятъ ли кого, ворчитъ и злобно дивится
Слѣпому суду людей, что свойства столь плохи
Высоко цѣнитъ. Въ чужихъ рукахъ хлѣба крохи
Большимъ ломтемъ кажутся. Суму у убогихъ,
Бороду у чернеца завидитъ, и въ многихъ
Случаяхъ . . . . Да не пораль, Муза моя, губы
Прижавъ кончитъ нашу рѣчь? Сколь наши ни любы
Намъ рѣчи, мѣру въ нихъ знать здравый смыслъ насъ учитъ.
Всякому лишно долга рѣчь уху наскучитъ,
И должно помнить тебѣ, съ кѣмъ мнѣ идетъ слово;
Ѳеофана часть ли не имѣть инаго
Дѣла, развѣ выспаться, досыта покушать,
И поджавъ руки весь день стихи мои слушать?
Пастырь о стадѣ своемъ прилѣжный радѣетъ
Недремно, спасенія сѣмя часто сѣетъ
И раститъ примѣромъ онъ такъ, какъ словомъ, тщится.
Главный надъ церковію правитель садится
Не напрасно близь Царя. Церковныя славы
Пристойно защитникъ онъ, изнуренны нравы
Исправляетъ пастырей, и хвальный чинъ вводитъ.
Воля намъ Всевышняго ясна ужъ исходитъ
Изъ его устъ, и ведетъ въ истинну дорогу.
Неусыпно черпаетъ въ источникахъ многу
Чистыхъ мудрость; потекутъ оттуда приличны
Намъ струи; пруды его безъ конца различны.
Знаетъ же лучше тебя, сколь мысльми и дѣлы
Разнитъ міръ; жизни къ тому тѣсны суть предѣлы,

Списать то, что всякому любить на умъ вспало:
Людей много, и страстей ей въ людяхъ не мало.
Кастеръ любитъ лошадей, а братъ его рапи,
Подьячій же силится и съ голаго драти.
Сколько главъ, столько охотъ и мыслей различныхъ;
Моя есть стихи писать пропивъ неприличныхъ
Дѣйствъ и словъ: кто же мои (и я не безъ пятенъ)
Исправитъ, тотъ честенъ мнѣ будетъ и пріятенъ.

Ст. 377. *Кастеръ любитъ лошадей* и проч.

У Горація, кн. 2, Сат. I.

Castor gaudet equis, ovo prognatus eodem
Pugnis. Quot capitum vivunt, totidem studiorum
Millia; me pedibus delectat claudere verba.

Кастеръ любитъ лошадей, другой въ борьбѣ торжествуетъ. Сколько на свѣтѣ головъ, столько и вкусовъ: мое утѣшенье — писать стихи.

САТИРА IV.

КЪ МУЗѢ СВОЕЙ.

1. Муза! не пора ли слогъ отмѣнить твой грубый,
И сатиръ ужь не писать? Многимъ тѣ не любы,
И ворчитъ ужь не одинъ, что гдѣ нѣтъ мнѣ дѣла,
Тамъ мѣшаюсь, и кажу себя чрезчуръ смѣла.
5. Много видѣлъ я такихъ, которы противно
Не писали никому, угождая льстивно,
Да мало счастья и тѣ возмогли достати,
А мнѣ чего по твоей милости ужь ждати?
Всякое злонравіе тебѣ непріятно,
10. Смѣло хулишь, да ктомужь и говоришь внятно;
Десаждать злымъ вся жадна, то твое веселье;
А я вижу, что въ чужомъ пиру мнѣ похмѣлье,
Вонъ Кондратъ съ товарищи, сказываютъ, дышетъ

Примѣчанія.

Писана въ началѣ 1731 года.

Ст. 1. *Муза, не пора ли слогъ отмѣнить твой грубый.*

У Буало:

Muse, changeons de style et quittons la satire:

C'est un méchant métier, que celui de médire.

Перемѣнимъ, Муза, слогъ и броснмъ сатиру: дурное ремесло осуждать другихъ.

Гнѣвомъ, и сшряпчихъ собравъ челобитну пишетъ,
Имѣя скоро меня ужь на судъ позвати,
Что хуля Клитесовъ нравъ, тщуся умалити
Пьяницъ добрыхъ, и съ ними кружальны доходы.
А Никонъ тверды одни любящій доводы
Библію, говорятъ, всю Острожской печати
Съ доски до доски прошелъ, и не три телеги
Наполнивъ, мудрые въ нихъ доводы готовитъ,
Что несчистый въ тебѣ духъ бороду злословитъ,
Что законоломное и невѣрныхъ дѣло
Полосатой мантію ризою звать смѣло.
Иной не хочетъ писать указъ объ отказѣ,
Что о взяткахъ говоришь обычныхъ въ приказѣ:
Однимъ словомъ, Сатира что чистосердечно
Писана, колетъ глаза многимъ всеконечно;
Ибо всякъ въ семъ зеркалѣ какъ станетъ смотрѣти,
Мнитъ, зная себя, лице свое ясно зрѣти.
Муза, свѣтъ мой! слогъ твой мнѣ творцу ядовитый;
Кто всѣхъ бить нахалится, часто живетъ битый,
И стихи, что чтецамъ смѣхъ на губы сажаютъ,
Часто слёзъ издателю причиной бываютъ.
Знаю, что правду пишу, и именъ не значу,

Ст. 17. *Кружальны доходы. Кружало* = кабакъ.

Ст. 24. *Полосатой мантію ризою звать.*

Этотъ стихъ требуетъ объясненія. Сатиры Кантемира произвели много непріятности тогдашнему обществу и породили многихъ хулителей его дарованія, какъ все это видно изъ предшествовавшихъ стиховъ. Между врагами сатирика нашлись люди, которые упрекали его въ безбожіи, приводя въ примѣръ богохуленія то, что онъ осмѣлился Архіерейскую полосатую *мантію* назвать *ризою* въ 1-й своей сатирѣ. См. Сат. I, ст. 155.

Ст. 35. *И стихи, что чтецамъ смѣхъ на губы сажаютъ.*

Сат. VII, ст. 7 Буало:

Et le mot pour avoir réjoui le lecteur
A couté bien souvet de larmes à l'auteur

И рѣчь утѣшающая читателя, часто стоила слезъ сочинителю.

Ст. 35. *Незначу* = неозначаю.

Смѣюсь въ стихахъ, а въ сердцѣ о злонравныхъ плачу;
Да правда рѣдко люба, и часто не кстати.
Кто же отъ тебя когда хотѣлъ правду знати?
Вдругорь скажу, не нравна; угодить неможно
Всегда правду говоря, а хвалить хоть ложно,
Хоть излишно, повѣрь мнѣ, болѣе пристойно
Тому, кто живя съ людьми ищетъ жить покойно.
Чегожь плакать, что народъ хромаетъ душою?
Естьли правдой всё идти, таскаться съ сумою.
Таковъ обычай уйми, чтобъ шляпъ не носили
Маленькихъ, или живутъ пусть люди, какъ жили.
Лучше насъ пастыри душь, которыхъ и правы
И должность есть исправлять народные нравы:
Да молчатъ; на что вступать со всѣмъ свѣтомъ въ ссору?
Зимой дровъ ни кто не дастъ, ни льду въ лѣтню пору.
Буде смѣешь указать ты на Ювенала,
Персія, Горація, мысля, что какъ встала
Имъ отъ Саширъ не бѣда, но многая слава;
Что какъ тогожь Буало причастникъ былъ права,
Такъ ужь и мнѣ, что слѣды ихъ топчу, довлѣетъ
Тожь щастье. Позволь сказать, что умъ твой шалѣетъ.
Истая Зевсова дочь перо ихъ водила;
Тебя чуть ли не съ другимъ кѣмъ Память родила.
Въ нихъ шутки вмѣстѣ съ умомъ цвѣтутъ превосходнымъ,
И слова гладко текутъ, какъ рѣка природнымъ
Токомъ, и что въ рѣчахъ кто зритъ себѣ досадно,
Не въ досаду себѣ мнитъ, что сказано складно.
А въ тебѣ что таково? Безъ всякой украсы
Болтнешь, что не дѣлаютъ черница однѣ рясы.

Ст. 45. *Чтобъ шляпъ неносили маленькихъ.* — Мода того времени.

Ст. 55. *Довлѣетъ*, въ смыслѣ *подобаетъ, слѣдуетъ.*

Ст. 64. *Не дѣлаютъ черница однѣ рясы.*

Примѣненіе Французской пословицы: le froc ne fait pas le moine.

Такъ ли теперь говорятъ, такъ ли живутъ въ людяхъ?
Медъ держи на языкѣ, а желчь всю прячь въ грудяхъ,
И врагъ смертный будучи, тщись другомъ казаться,
Естьли хощешь нѣчто быть, и умнымъ назваться.
Зачнемъ, Муза, въ похвалахъ перья притуплять,
Нупко станемъ Туллію привѣтство писать.
Туллій, знаешь ты, лукавъ, что естьли разсудно
Истолковать, то въ немъ умъ выхвалить не трудно.
Оставя убо, что есть, сдѣлаемъ такова,
Каковъ бы онъ долженъ быть; тропа та не нова;
Всякъ такъ пишетъ, кто хвалитъ у насъ кого хочетъ,
Тому, кого въявь поетъ, самъ въ сердцѣ хохочетъ.
Туллій не нравенъ тебѣ? Выбери другаго:
Вотъ хорошъ Сильванъ; онъ тихъ, не добьешься слова
У него чрезъ цѣлый день, и хотя ты знаешь,
Что онъ съ глупости молчитъ; естьли пожелаешь,
Можешь сильно доказать, что мужъ онъ непростый,
Но съ разсудка обуздалъ языкъ свой преострый.
И Квинтій право хорошъ; въ десть книгу составить
Можешь, коль дѣла его захочешь прославить.
Видишь, какъ пріятенъ онъ, честно всѣхъ примаетъ,
Учтиво вѣкъ говоритъ, всякаго ласкаетъ,
И всякому силится быть онъ благодѣтель;
Не однажды, какъ сулитъ, словъ тѣхъ Богъ свидѣтель.
Полно того. А съ чего таковъ онъ бываетъ?
Писать не за чѣмъ; добро, что мало кто знаетъ.
Не пиши того, что онъ за тѣмъ столь умиленъ
И добръ ко всѣмъ, что вредитъ никому не силенъ.
Да много такихъ, о комъ списать стопу цѣлу
Можно; легко ихъ узнать, хоть нѣтъ въ спинѣ мѣлу.
Будежь не сроденъ тебѣ родъ тѣхъ спиховъ гадкихъ,

Ст. 84. *Полно* = довольно.

Запой въ Амариллиныхъ объятіяхъ сладкихъ
Щастливаго Титира, иль Филена скучну
Любовь къ Ирисѣ. Титиръ жизнь благополучну
Не смѣнитъ на Царскую славу и обильность;
Филенъ носитъ на лицѣ жалкую умильность:
Ведетъ ли стадо поить, иль пасти на полѣ,
Смущенъ станетъ, и текутъ съ глазъ слёзы дополѣ,
Пока Ирисъ идучи мимо ускоряетъ
Смѣясь и гордясь его рану расправляетъ.
Вскинь глаза на прошлу жизнь мою, и подробно
Изслѣдуй: щастье ко мнѣ ласково и злобно
Бывало; больше въ своей злобѣ постоянно.
Почерпнувъ довольну шутъ печаль, нечаянно
Новымъ ужь родомъ стиховъ наполнимъ шестради
Прилично чтецамъ своимъ, и что больше кстати
Намъ здѣсь смертнымъ, какъ печаль? Тужить не напрасно
Можемъ, приближаясь къ смерти повсечасно.
  Есть о чѣмъ писать, былабъ лишь къ тому охота,
Былобъ кому работать, безъ конца работа,
А лучше вѣкъ не писать, нежь писать Сатиру,
Что приводитъ въ ненависть меня всему міру.
Но вижу, Муза, ворчишь, жмешься и краснѣешь,
Являя, что ты хвалить достойныхъ не смѣешь,
А въ ложныхъ хвалахъ терять ты не хочешь время.
Достойныхъ право хвалить не нашихъ плечь бремя,
Къ тому жь человѣчья жизнь рѣдко однолична;
Пока пишется кому похвала прилична,
Добродѣтель его вся вдругъ ужь улѣтаетъ,
И смраденъ въ пятнахъ глазамъ нашимъ представляетъ
Себя, кто мало предъ тѣмъ бѣлъ, какъ снѣгъ казался,
Куда тогда прудъ стиховъ моихъ ужь дѣвался?
Пойдуль уже чучело искать я другое,
Комубъ стихи прилѣпить? Иль хотя иное

Въ немъ вижу сердце, емужь оставя, образу
Себѣ въ людяхъ навлеку, кои больше глазу
Вѣрить станутъ своему, нежель моей бредни,
Не мѣряя доброту по толпѣ въ передни.
Изодравъ тѣ, скажетъ кто, сочини другіе,
Третіе, десятые, какъ бы намъ такіе
Плыли съ пера безъ труда стихи и безъ поту.
Пусть онъ самъ отвѣдаетъ ту легку работу;
А я знаю, что когда хвалы принимаюсь
Писать; когда Муза, твой нравъ сломить стараюсь,
Сколько ногти ни грызу, и тру лобъ вспотѣлый,
Съ трудомъ стишка два сплету, да и тѣ не спѣлы,
Жестки, досадны ушамъ, и на тѣ походятъ,
Что по цѣлой азбукѣ святыхъ житья водятъ.
Духъ твой лѣнивъ, и въ зубахъ вязнетъ твое слово
Не забавно, не красно, не сильно, не ново;
А какъ въ нравахъ вредно что усмотрю, умнѣе
Сама ставши, подъ перомъ стихъ печетъ скорѣе.
Тогда я стихотворцемъ самъ себя поздравлю,
И чтецовъ моихъ зѣвать тщетно не заставлю;
Проворенъ, веселъ спѣшу, какъ вождь на побѣду,
Или какъ попъ съ похоронъ къ жирному обѣду.

Ст. 129. *Образу* = обиду, оскорбленіе. Obraza. съ Польск.

Ст. 141. *Жестки, досадны ушамъ, и на тѣ походятъ, что по цѣлой азбукѣ святыхъ житья водятъ.* Іоаннъ Максимовичъ, Архіепископъ Черниговскій, неутомимый и бездарный стихотворецъ. Онъ написалъ огромные фоліанты виршей, съ необыкновенною плодовитостью. Напримѣръ: онъ преложилъ Ангельское поздравленіе: Богородице, Дѣво, радуйся! стихами, коими наполнилъ цѣлый томъ in folio. — Здѣсь идетъ рѣчь о его *Алфавитѣ церковномъ*, въ которомъ заключаются житія всѣхъ святыхъ Печерскихъ, написанныя стихами же. — Любопытенъ отзывъ о немъ знаменитаго современника, Св. Димитрія Туптады, Митрополита Ростовскаго. „*Богъ далъ тѣмъ виршописцамъ и охоту и деньги и свободное житіе*,“ говоритъ онъ о Максимовичѣ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Стефану Яворскому, Митрополиту Рязанскому.

Любовны пѣсни писать, я чаю, тѣхъ дѣло,
Коихъ столько умъ неспѣлъ, сколько слабо тѣло.
Зря красны губки, душа встрѣтится съ душою,
Которую на краяхъ тѣ носятъ съ собою;
Молочны груди ладонь мою привлекаютъ,
И жарки взгляды моихъ взглядовъ поджидаютъ.
Довольно моихъ поютъ пѣсней и дѣвицы
Чистыя, и отроки, коихъ отъ денницы
До другой невидимо колетъ любви жало.
Шутокъ тѣхъ минулося время, и пристало
Ужь мнѣ горько каяться, что дни золотые
Такъ непрочно протелки, пиша пѣсни тыя.
Кои въ веснѣ возраста жаркой любви служатъ,
Какъ невольники въ цѣпяхъ, пусть о себѣ тужатъ,
Вина сущи своему безпокойству сами:
Я отвыкъ себя ковать своими руками.
Мнѣ ужь слѣпое дитя должно безпрестанно
Поводы веселія подавать, и странно
Ему, чаю, все то, что къ печали склоняетъ.
Естьли веселить меня собою не знаетъ,
Тотчасъ съ нимъ разстануся. Съ нимъ ужь водить дружбу
Въ лишни я часы готовъ, но не даюсь въ службу.
Къ чемужь и индѣ искать печали причину?
Недовольно ли она валится на спину,
Хоть бы ея не искать? Естьли въ мои лѣта
Минувши скрыться не могъ отъ вражья навѣта;
Естьли щастье было мнѣ мало постоянно:
Я ль одинъ тому примѣръ? Весь свѣтъ непрестранно

Ст. 154. *Которую на краяхъ тѣ* = онѣ, т. е. губы.

Ст. 164. . . . *пусть о себѣ тужатъ*
Вина сущи своему безпокойству сами.

Подражаніе слѣдующему Италіянскому стиху:
Caggion del suo mal pianga se stesso.
Причина собственнаго зла — пусть сами на себя жалуются.

Терпитъ отмѣны, и то чудно лишь бы было,
Естьлибъ мое въ тѣхъ валахъ судно равно плыло.
Теперь щастливо плыву; — того съ меня полно.
Забываю прошлое, и какъ мнѣ невольно
Будущее учредить время, такъ и мало
О томъ суечусь, готовъ принять, что ни пало
Изъ руки Всевышняго Царя въ мою долю.
О числѣ моихъ дней жду, тихъ, его же волю;
Чеспна жизнь, не трепетна и весела идетъ
Къ неизбѣжному концу, вѣдая, что внидетъ
Тѣми дверьми въ новые вѣки непрестанны,
Гдѣ тишина и покой царствуетъ желанный.
Однимъ словомъ, Сатиру лишь писать намъ сродно.
Въ другомъ неудачливы: съ нравомъ же несходно
Моимъ, не писавъ прожить въ лѣности съ тобою.
Каковъ бы мой ни былъ рокъ, смѣлою рукою
Злой нравъ станемъ мы пятнать вездѣ неостудно.
И правда, ужь отъ того и уняться трудно,
Когда тотъ, кто латынью чуть помазалъ губы,
Хвастаетъ наукою, и оскаливъ зубы
Смѣется, и скучитъ всѣмъ долгими рѣчами,
Мня, что Мудрость говоритъ къ намъ его устами.
Когда хлѣбникъ въ золотѣ и цугомъ кичится;

Ст. 181. *Того съ меня полно* = довольно.

Ст. 194. *Каковъ бы мой ни былъ рокъ.*

Тоже встрѣчаемъ у Горація, Кн. II, Сат. I, ст. 45.

Seu me tranquilla senectus. . . .
Expectat, seu mors atris circumvolat alis;
Dives, inops, Romæ, seu sors ita jusserit, exul,
Quisquis erit vitæ, scribam, color.

Спокойная ли старость меня ожидаетъ, или черная смерть паритъ надъ моимъ жилищемъ, въ богатствѣ ли, въ убожествѣ ли, въ Римѣ, или (буде рокъ того захочетъ) въ изгнаніи, въ какомъ бы то ни было условіи жизни, я все писать буду.

Ст. 196. *И правда ужь отъ того и уняться трудно.*

У Ювенала въ 1-й Сатирѣ.

Difficile est satyram non scribere.

Трудно не писать сатиры.

Раздутой ужь матери подьячій стыдится,
И бояръ однихъ въ родню принять ему нравно.
Когда мельникъ, кой съ волосъ стрясъ муку не давно,
Кручинится и ворчитъ, и жмуритъ глазами,
Что въ палатѣ подняли мухи пыль крылами.
Такимъ однимъ Сатира наша быть противна
Можетъ; да ихъ нечего щадить, и недивна
Мнѣ любовь ихъ, какъ и гнѣвъ ихъ мнѣ страшенъ мало.
Просить у нихъ не хочу, съ ними не пристало
Вестись, чтобъ не почернѣть, касаяся сажи;
Вредить не могутъ тѣ мнѣ, пока въ сильной стражи
Нахожуся Матери отечества правой.
А коимъ Богъ чистый духъ далъ, и разумъ здравой,
Беззлобны беззлобные наши стихи взлюбятъ,
И охотно станутъ честь, надѣясь, что сгубятъ,
Можетъ быть, иль уменьшатъ злые людей нравы.
Сколько тѣмъ придастся имъ и пользы и славы!

Ст. 211. . . . *чтобъ не почернѣть, касаяся сажи.* У Спраха: Касаяйся смолѣ — очернится.

Ст. 212. *Тѣ* = они.

САТИРА V.

САТИРЪ И ПЕРІЕРГЪ.

Сатиръ.

Сильна Пана воля будь, хотьмнѣ смерть случится,
Не возможно ужь съ людьми въ городѣ ужиться.
Нравы наши межь собой чрезъ мѣру различны,
Кпомужь уборы ихъ мнѣ со всѣмъ неприличны:
Безпокоятъ чрезъ мѣру. Красотѣ радѣя,
Какъ осла златомъ себя тягчатъ; руки, шея,
Ноги, чресла спутаны: недруги покоя
Зимой отъ стужи, лѣтомъ не кроютъ отъ зноя.
Провалитесь отъ меня тягости златыя
Глупцамъ чтимпельны, и вы, кудри накладные;
Довольно уже страдалъ я въ вашемъ обманѣ.

Примѣчанія.

Кантемиръ предъ отъѣздомъ своимъ за границу написалъ Сатиру, въ которой подражалъ VIII-й Сатирѣ Буало: *на человѣка;* но увидѣвъ, что она вся почти состояла изъ перевода уничтожилъ ее и сочинилъ другую въ Лондонѣ въ 1737 году, помѣстивъ въ ней нѣсколько стиховъ изъ прежней.

Она состоитъ изъ разговора между Сатиромъ и Періергомъ (*περίεργος* — любопытный). Причина для чего здѣсь введенъ Сатиръ объясняется въ ней отъ ст. 50 — 69.

ПЕРІЕРГЪ.

Ба! что вижу я! Сатиръ въ шпанахъ и въ кафтанѣ,
Кривы ноги въ сапогахъ его оказуютъ,
И рога, что теперь вскрылъ; такъ изобразуютъ.
Урода наши писцы. Какое то чудо,
Откуда, кто, и куда? Испыташь нехудо.
Позволь мнѣ, буде не въ гнѣвъ, у тебя спроситься,
Кто ты таковъ? Откуда и куда? Мнѣ мнится,
По виду чужестранецъ ты: естьли въ чемъ можно
Услужишь, я весь готовъ къ приказамъ неложно.

САТИРЪ.

Прочь отъ меня неложно мнѣ къ службѣ готовый.
Ты человѣкъ, знаю я; обманъ сей не новый
Въ вашемъ родѣ; обыкли вы всѣ льстишь словами,
И дружбу свою являть устъ лише краями,
Злобны сердцемъ. Оставь мя пожалуй въ покоѣ;
Ни чего не требую . . .

ПЕРІЕРГЪ.

Неправо худое,
Не знавъ меня, обо мнѣ мнѣніе имѣешь.
Когда мысль мою, и нравъ ты уразумѣешь,
Не скажешь, что люди всѣ межь собою сходны.
Я самъ знаю, что весьма въ нашемъ родѣ плодны
Недостатки, и много есть чего гнушаться;
Люблюжь добрыхъ, а злыхъ пщусь людей удаляться.
На любопытство мое откройся, какъ другу,
Узришь, что устны сулю и сердцемъ услугу.

САТИРЪ.

Ничего не требую, въ лѣсъ свой возвращаюсь;
Но удовольствую тя, пока раздѣваюсь.

Ст. 34. *Усты* сулю = устами.

Цѣлый часъ, по милости, что зовете Моды,
Не станетъ весь вздоръ сей снять. Безконечны годы
Жизни вашей чаялъ бы тотъ, кто примѣчаетъ
Сколько въ бездѣлкахъ часовъ человѣкъ теряетъ.
Проводите утро все, тѣло убирая
И волосы на главѣ, столькожь скидавая
Платье уйдетъ времени; хоть брюхо довольно
Можно въ четверть насытить, вамъ мнится неполно
Три часа для ужина, столькожь для обѣда;
Въ бесѣдахъ остатки дня безплодныхъ, сосѣда
Съ вредомъ, или въ забавахъ, какъ вы говорите,
Летятъ; буде случитесь одни, ночь всю спите.
Но къ вопросу твоему слово обращаю.
Сатиромъ меня весь строй мой довольно, чаю,
Являетъ. Панъ, славное Пенелопы чадо,
Кой владѣя лѣсами хранитъ купно стадо
Пасомое на лугахъ, и благополучны
Браки дѣлаетъ, первый далъ свирѣли звучны
Пастухамъ, — Царемъ его нашъ родъ почитаетъ.
Веселый съ природы богъ, на всякъ день желаетъ
Новой причины къ смѣху. Наше того дати
Житье не можетъ въ лѣсахъ. Жизнь мы провождати
Обыкли просту весьма: того лишь желаемъ,
Что намъ сродно, лишностей всякихъ отбѣгаемъ.
Тогоради Панъ обыкъ чрезъ всяки три лѣта
Разсылать нѣсколько насъ во всѣ края свѣта,
Всякаго въ различныя мѣста, въ разны грады.
Межь людьми мы живучи, дѣйствія, обряды,
И нравъ примѣчаемъ всѣхъ; къ немужь возвращаясь,
Сказуемъ, — онъ слушаетъ съ смѣху надсажаясь.
Минулось ужь два года, какъ Царскую волю

Ст. 43. *Довольно* = удовлетворительно.
Ст. 44 *Неполно* = недовольно.

Исполнять мнѣ череда пришла: въ мою долю
Палъ сей городъ, гдѣ дожить третій годъ нѣтъ силы.

Периергъ.

Обычай столько тебѣ сдѣлалъ лѣса милы.

Сатиръ.

Не лѣсъ миль, ваше житье мнѣ несносно стало.

Периергъ.

Какъ же можешь исполнить во время такъ мало
Указъ Царевъ? Набралъ ли извѣстій довольно,
Чтобъ его увеселить? Мнѣ мнится, неполно
Сна лѣтъ, чтобъ человѣка вызнать, хоть отчасти:
Столь многовидны его суть нравы и страсти.

Сатиръ.

Вызнать васъ, намѣренье въ умъ мнѣ не входило:
Смѣха причину набрать дѣло мое было,
Въ чемъ довольно преуспѣть и мѣсяца много.
Во всѣхъ почти вашихъ нѣтъ поступкахъ иного.
Куда ни вскинешь глаза, нельзя не смѣяться...
Знаю, трудно тебѣ въ томъ со мной соглашаться;
Цвѣты вещей каковы собой, тотъ неволенъ
Видѣть, но желты всѣ мнитъ, кто желтухой боленъ.
Такъ впоенное съ млекомъ мнѣніе неправо
И повадка не даетъ вамъ разсуждать здраво
О состояньи своемъ, о своихъ поступкахъ,
Хоть вы столь близки къ себѣ, что нѣтъ нужды въ трубкахъ.

Ст. 85. *Вліянное съ млекомъ.* Горацій также причиною нравовъ ставитъ воспитаніе:

Quo semel est imbuta recens, servabit odorem olla diu. — Чѣмъ новый сосудъ нальёшь, тѣмъ долго онъ пахнуть будетъ.

Человѣкъ, кой ссоръ бѣжитъ, снося брань, побои,
И въ помочь свою зоветъ ноги лише двои, —
Благоразсуднымъ у васъ для того бываетъ,
Хоть совѣсть и видъ его трусомъ быть являетъ.
Другой, кой за взглядъ одинъ, за словцо неважно
Ищетъ ссоры и драки, и въ малъ часъ отважно
Не щадитъ и саму жизнь, чтобъ вредить другому, —
Храбрый мужъ зовется въ васъ, хоть по мнѣ такому
Безмозглаго дурака имя лишь пристало.
Стенонъ, когда въ бесѣдѣ вретъ, что въ умъ ни вспало,
Не дастъ покоя на часъ языку болтливу;
Слыша его, колесо мельницы шумливу
Воду двигать мнится ти, въ звучные обраты.
Отъ хохотанья его прясутся палаты.
Рѣчь своя смѣшна, часто и одинъ смѣется;
Руки, такъ какъ и языкъ, куда удается,
Протягаетъ, учтивства и стыда не зная;
Всѣ однако ласково, тщатся, принимая
Стенона къ себѣ привлечь; какъ день не видаютъ,
Сотью спросятъ о немъ, шлютъ, къ себѣ ожидаютъ
Нетерпѣливно его, какъ лучшу забаву, —
Нахала сказуя быть веселаго нраву.
Критонъ цѣлы двадцать лѣтъ надъ книгой трудился,
Въ которой древность коньковъ доказать потщился;
Скончавъ, въ преплетѣ златомъ, глупыхъ по совѣту
Съ похвальною рѣчію приписалъ Дамету,
Который въ малъ часъ прошолъ всю съ края до края,
Одни лишь прилежно въ ней кашки примѣчая.
Кивкомъ главы наградилъ бдѣнія и поты;
Однакъ того Критона, кой столько работы
И столько потратилъ лѣтъ въ дѣлѣ томъ не плодномъ,

Ст. 112. *Коньковъ*, на которыхъ катаются по льду.

Ст. 116. *Кашки* = типографскія заставки, виньетки.

И безумно судью книгъ искалъ въ благородномъ,
Мудрецомъ зовете вы, и чтите Дамета
Искуснымъ защитникомъ наукъ въ ваши лѣта.
Наша братья Сатиры инакъ разсуждаютъ
О вашихъ дѣлахъ; всѣ въ нихъ точно примѣчаютъ
Обстоятельства, быстро и существо само
Проницаютъ. Потому смѣху вину тамо
Находятъ, гдѣ вы глаза пяля, порожните
Мѣшки похвалъ, и еще мало то быть мните.
Я знаю, что тѣхъ однихъ естьлибъ описати
Пану, коимъ рокъ меня привелъ работати
Живя съ вами, былобъ чѣмъ весь годъ забавляться.
Въ многихъ домахъ удалось мнѣ у васъ таскаться,
Каждый мѣсяцъ новаго почти господина
Имѣвъ, чему два мои свойства сутъ причина.
Разговоръ мой такъ, какъ станъ тѣла былъ забавенъ;
Всякому, кто ни встрѣчалъ меня, былъ я нравенъ,
И въ слуги меня тотчасъ охотно примали:
Шуты бо всегда у васъ въ почтеньи бывали.
Но правдолюбивъ кпому; хвалить мнѣ неможно
Что хульно, не какъ вы; мысль обыкъ осторожно
Таить, и за тѣмъ не могъ долго пробыть въ службѣ
Того, кто вызналъ меня: съ правдой вы въ не дружбѣ,

Періергъ.

Естьли безпечальну жизнь ты и лѣсъ твой любишь,
На малъ часъ Паномъ меня почти, — не погубишь
Труда. Спихотворецъ я; пѣсню въ твою славу
Сочиню, иль рѣчь твою, чтобъ людей ко нраву
Привесть честному, предать потомству потщуся.

Сатиръ.

Береги свои стихи, о мздѣ не пекуся
Угождая всякому. Вамъ однимъ пристало

Дѣлать изъ награды все, и за словцо мало
За кивокъ одинъ, за взглядъ потребны конечно
Дары, поклоны, служба, благодарство вѣчно.
Всю повѣсть мою тебѣ сказать трудно бремя;
Часть скажу, сколько къ тому позволитъ мнѣ время.
Когда Панъ насъ учредилъ уже всѣхъ къ походу,
Всѣхъ въ платье насъ нарядилъ различнаго роду,
И прилежно кудрями прикрылъ наши роги,
Какъ обычай и у васъ, сапогами ноги.
Съ слезами въ глазахъ, въ сердцѣ съ несноснымъ я болемъ
Вышедъ изъ лѣса, спѣшилъ вдругъ горой и полемъ.
Прибылъ я въ городъ вашъ въ день нѣкій знаменитый.
Пришедъ къ воротамъ нашелъ, что спитъ какъ убитый
Мужикъ съ ружьемъ, который, какъ потомъ провѣдалъ,
Поставленъ былъ входъ стеречь. Еще не обѣдалъ
Тогда народъ, и солнце полкруга небесна
Не пробѣгло, а почти ужь улица тѣсна
Была отъ лежащихъ тѣлъ. Узрѣвъ то разъ первой,
Чаялъ, что моръ у васъ былъ; да не пахло стервой,
И видѣлъ, что прочіе тѣхъ не отбѣгали
Тѣлъ люди, и многіе изъ нихъ подымали
Руки, ины головы тяжки и румяны.
Не давала слабость ногъ встать; словомъ всѣ пьяны.
Пьяны тѣ, кои лежатъ, прочи нетрезвѣе,
Не обильнѣе умомъ, — ногами сильнѣе.
Безразсудно часть бѣжитъ, а куда, не знаетъ;
Въ сластолюбныхъ танцахъ часть навозъ размешаетъ,
И прохожихъ мараетъ грязью, упадая,
Сами мерзски: другіе весь стыдъ забывая,
Тѣлу полну власть даютъ предъ стыдливымъ поломъ
И тщатся нахалливой рукой, что подоломъ

Ст. 159. *Съ болемъ*. Въ мужескомъ родѣ употребленось Пол. какъ часто встрѣчается у нашего писателя. Tenbòl.

Ст. 155. *Учредилъ* = снарядилъ, приготовилъ.

Скрылъ обычай, обнажить, что̀ и удается.
Шатаясь долго одинъ, напослѣдокъ бьется,
Бахусомъ отягощенъ, въ стѣну головою,
И кровью ее кропитъ, и въ смѣхъ надъ собою
Приводитъ смотрителей; другой безразсудну
Прю начавъ, съ кѣмъ встрѣтился, сноситъ битву трудну,
И зубы съ виномъ блюетъ изо устъ смердящихъ.
Многихъ вижу внѣ себя двояко слезящихъ
Лишась отца, сродника, что животъ скончали,
Иль лишнимъ хмѣля ядомъ иль остріемъ стали.
Пѣсни безстудны, и шумъ повсюду безстройный,
Что и глухаго ушамъ былибъ безпокойны.
Словомъ, крайній тамъ мятежь, безчинство ужасно;
Народъ весь, какъ безъ ума, казался мнѣ власно.
Когда я умъ углубилъ, о томъ разсуждая,
И вину неистовству такому не зная
Сыскать; приступилъ ко мнѣ старикъ сановитый,
Сѣдою красенъ брадой, брюхомъ знаменитый
Пространнымъ; красно лице жиромъ все оплыло,
Чуть видны подъ лбомъ глаза, и голосъ унылой.
Что ты, дружокъ, думаешь, стоя здѣсь безъ дѣла?
Сказалъ мнѣ. По платью зрю и по строю шѣла,
Что ты къ работѣ угожь; буде ты охоту
Имѣешь служить, я дамъ сносную работу.
Мнѣ нуженъ вѣрный слуга, ты доволенъ мною
Будешь безъ лишнихъ трудовъ; будь лишь чистъ душою.
Но напередъ скажи мнѣ, кто ты, и откуду?
Службы ищу, отвѣчалъ я, и готовъ буду,
Коли угоденъ, тебѣ служить чистымъ сердцемъ.

Ст: 185. *Смотрителей* = зрителей.
Ст. 191. *Безстудны* = безстыдныя.
Ст. 193. *Мятежъ* = смятеніе, безпорядокъ.
Ст. 194. *Власно* = точно. Съ Пол. Właśnie.

Дѣду слѣдуя, отецъ мой торговалъ перцемъ,
И богатствомъ сильнымъ былъ въ ближнемъ градѣ знатенъ,
Почтенный всѣмъ жителямъ купецъ и пріятенъ.
И я бы перецъ еще продавалъ, жирѣя
Съ лакомства другихъ, естьлибъ о щастьи радѣя
Моемъ, не потерялъ онъ свое безразсудно.
Въ старости уже своей вздумалъ онъ быть студно
Съ такимъ богатствомъ меня посадскимъ оставить;
Дворянско имя любовь славы мнѣ досшавить
Взбудила его. Итакъ торгъ кинувъ, отдался
Въ ватаги господскія, гдѣ весь промотался
Въ пирахъ, въ дарахъ, и за паръ потерялъ жаркое.
Умеръ самъ нищь, и мнѣ далъ наслѣдство такое,
Какъ ты видишь, что службой принужденъ кормиться,
И сверхъ того собственной нищеты стыдиться.
Выслушавъ меня пошелъ онъ, и за собою
Мнѣ велѣлъ итти, горесть щедрою рукою
Мою облегчить хотѣвъ. Когда шли мы къ дому,
Осмѣлился я спросить у него такому
Во градѣ пьянству вину. Старикъ со слезами
Вздохнувъ отвѣчалъ: Дитя! не дивись межь нами
Безпорядку такову; свѣтъ уже сѣдъ таетъ,
Къ концу приближаяся. Злой нравъ истребляетъ
Добрую склонность людей, кои сладку чаютъ
Чашу, что чувствамъ манитъ, хоть въ ней ядъ глотаютъ.
Не довольныжь злобны быть и такимъ являться,
Злость подъ добродѣтели видомъ укрыть тщатся,
И ту виною своимъ злочинствамъ быть нудятъ,
Какъ хлѣбомъ умерщвляютъ тѣ, что рыбу удятъ.
Предки наши, кои жизнь и святу и честну

Ст. 216. *Студно* = стыдно.
Ст. 231. *Свѣтъ уже сѣдъ таетъ* = Свѣтъ уже постарѣвъ, лишается силъ своихъ. †

Сами ведя, и другихъ на спѣзю небесну
Наставить крайне пеклись, съ прочими уставы
Учредили хвальными къ разширенью славы
Всевышняго посвятить нѣкіе дни года,
Въ кои оставя всю мысль житейску и рода
Того труды, кои намъ и нашимъ ненужны,
Воздержались отъ злыхъ дѣлъ, межь собою дружны.
Всякъ человѣкъ въ оны дни долженъ упражняться
Въ дѣлѣ Божіемъ, и пѣть хвалу Богу тщаться
Всякъ обязанъ безъ пола разности и чина:
Такъ святой уставъ ты зришь, чему сталъ причина.
Точно исполняется одна часть закона;
Всяку работу кинетъ отъ вечерня звона
И тотъ самый, чья жена и малые дѣти
Наги уже вмѣстѣ съ нимъ должны гладъ терпѣти.
Впрочемъ церковь иль пуста, иль полна однѣми,
Кои казаться пришли, иль видѣться съ тѣми,
Которыхъ индѣ нельзя видѣть столь свободно.
Молитвы, что попъ ворчитъ, спѣша сумозбродно,
И не зная, что поётъ, чуть кто примѣчаетъ.
Весь день въ безчестныхъ потомъ злочинствахъ летаетъ:
Празность приводитъ въ умъ то, что вѣкъ бы не вспало
Намъ въ трудахъ, и нудитъ къ злу какъ коня въ бѣгъ жало.
Сегодня одинъ изъ тѣхъ дней, святъ Николаю,
Для чего весь городъ пьянъ отъ края до краю.
Пока старикъ продолжалъ рѣчь свою умильно,
По двумъ причинамъ боговъ прославлялъ я сильно:
Первая, что въ стропотномъ и столь злобномъ градѣ
Добрый, какъ казался, мужъ встрѣлся мнѣ къ отрадѣ;
Другая, что изъяснилъ онъ мнѣ, что конечно
Я бы угадать не могъ. Хоть бы мозгъ свой вѣчно

Ст. 262. *Жало* = шпора. †

Крушишь, никогда бы въ умъ не могло мнѣ впасти,
Что въ угодность весь народъ безразсудной страсти
Мнился Бога чтишь, виномъ наполняя брюхо,
И шалѣя въ лѣности. Когда Пану въ ухо
Вѣсть та дойдетъ, знаю я, какъ онъ надсѣдаться
Съ смѣху будетъ; да и я принужденъ былъ жаться,
Часто сморкать, и губы искусать до крови,
Видя, что морщишь старикъ начиналъ ужь брови.
Былъ онъ цѣловальникъ, — сынъ портнаго съ природы
И въ домѣ стряпчаго проживъ млады годы,
Плута чинъ несъ на себѣ по праву наслѣдства,
По должности, по данну воспитанью съ дѣтства, —
Искуснѣйшій въ городѣ. Одно за мной дѣло
Въ службѣ его было лить воду въ вино цѣло.
Какъ скоро бочка съ виномъ стала порожниться,
Нужно было за водой на рѣку тащиться.
Впрочемъ упрени, часовъ, обѣдни, вечерни
Вѣкъ свой онъ не пропущалъ; ни слѣдуя черни
Праздникъ въ пьянствѣ провождалъ, но продавалъ въ будни
Воду, что въ вино вливалъ въ праздникъ по полудни.
Нѣсколько разъ ужь я ту должность исправляя,
Гнулъ спину и руки тёръ; хотѣлъ знать, какая
Причина, что весь народъ воду покупаетъ?
Куда ты глупъ! онъ сказалъ; вѣдь народъ не знаетъ,
Что воду я въ бочки лью, и вино приходитъ
А не воду покупать, кто въ кружало входитъ.
Вино, являя на всѣхъ скотскіе признаки,
Влечетъ, инакъ бы не зрѣлъ въ домѣ ни собаки.
Услышавъ то, хохотать я сталъ изъ всей мочи,
И старикъ буры на мя распяливши очи,
Чему смѣешься? спросилъ; на что отвѣчаю:

Ст. 275. *И шалѣя* = и безумствуя. Съ Пол. Ст. 296. *Кружало* = кабакъ. Szał, szaleć.

Незадолго прежь сего ты самъ, какъ я чаю,
Съ слезами въ глазахъ тужилъ, что народа нравы
Кончиной свѣта грозятъ, что святы уставы
Въ зло употребляются, и ругаясь пьянству,
Изъяснилъ слѣдства того вредныя гражданству;
А ты же причину зла множишь самъ безстудно:
Дрова метая въ огонь пожаръ гасить трудно.
Слезы, сожалѣніе, хоть бы непритворны,
Къ исправленію людей средства непроворны.
Противиться долженъ злу, отнять всю причину,
И корень самый изсѣчь, кто того кончину
Видѣть хочешь; безъ того весь свой трудъ погубитъ:
Вино долженъ перевесть, кто пьяныхъ не любитъ.
А ты вино продая, пьяныхъ осуждаешь.
Кпому же вседневно ты народъ весь прельщаешь,
Кой, душѣ вѣря твоей, цѣной покупаетъ
Съ виномъ воду, что съ рѣки даромъ достать знаетъ;
А ты, богомольный мужъ, въ праздникъ по уставу
Молишься, посвятивъ тотъ день въ Божію славу.
Изъ чистыхъ устенъ Тому молитвы лишь внятны;
Больше тѣхъ добры дѣла Ему суть пріятны.
Сколько часто ни молись, Онъ твои обманы
Видитъ, и дастъ тяжкія за то тебѣ раны.
Видно, отвѣчалъ старикъ, что умъ твой по тѣлу
Грубъ, и не въ людяхъ ты росъ; такъ ты врёшь не къ дѣлу.
Кромѣ того, что товаръ дорогъ мнѣ приходитъ
Въ лавку, — сколько, знаешьли, въ подаркахъ исходитъ
Судьѣ, дьяку, и писцу, кои пишутъ, правятъ
И крѣпятъ указы мнѣ? И сколько заставятъ
Башмаковъ однихъ избить, пока тѣ достану?

Ст. 313. *Погубитъ* = потеряетъ.
Ст. 316. *Прельщаешь*=обманываешь.
Ст. 321. *Тому* = Ему т. е. Богу.
Ст. 331. *Ть* = ихъ, т. е. указы.

Сколькожь даромъ испою Сенькѣ да Ивану,
Ходакамъ и ихъ слугамъ, что и спятъ съ стаканомъ?
Неужьтожь мнѣ Богъ велитъ торговать съ изъяномъ?
Вымолвивъ, тотчасъ меня сбилъ съ двора, молебенъ
Обѣщався пѣть, чтобъ Богъ, каковъ мнѣ потребенъ,
Умъ даровалъ, языка отнявъ половину.
Сосѣдъ нашъ былъ знатному слуга господину,
Къ которому въ тотъ же день я приставалъ слугою.
Дворецкаго правилъ чинъ съ такоюжь душою,
Какъ прежній хозяинъ мой кладывалъ поклоны.
Знатный его господинъ дворянства законы
И знатность рода храня, вѣкъ не суетился
Знать, что въ домѣ дѣлалось; въ забавахъ лишь тщился
И въ уборахъ провождать дни, мѣсяцы, годы,
Ему оставя верстать съ расходомъ приходы.
Богатъ подданныхъ числомъ и богатъ землёю,
Должниковъ всегда водилъ толпу за собою.
Я господской глупости вначалѣ смѣялся,
Пока бо́льшую въ слугѣ глупость быть дознался.
Недоволенъ, что деньги шли чрезъ его руки,
И что изъ сокровищь часть, безъ опасства муки,
Могъ большую проводить въ свой карманъ искусно
(Хозяинъ самъ росписи честь думалъ быть гнусно);
Недоволенъ, что жена, и дѣти, и внуки
Въ парчѣ ходятъ: домъ въ Москвѣ, домъ гдѣ бы опъ скуки
За городомъ погулять, и оба пышнѣе,
И что не въ долгъ строены, хозяйскихъ прочнѣе;
Несчетныхъ и малую богатствъ его долю
Спрятавъ въ свой сундукъ, пустить не хочетъ на волю;
Беретъ въ домъ всякій припасъ нужный господину
Иль дорого, или въ долгъ; большужь половину

Ст. 332. *Испою* = употреблю для питья. Ст. 354. *Честь* = читать.
Ст. 348. *Должниковъ* = Заимодавцевъ.

Безвѣстно переносилъ въ домъ свой, и оттуду
Въ лавку, гдѣ куплень припасъ. На всякій день груду
Мяса съ поварни, стклянокъ изъ погреба кучи,
Изъ амбаровъ хлѣбъ такимъ образомъ, какъ тучи
Морскія воды въ морѣ, кругомъ водитъ тщился.
Къ сему дѣлу съ прочими я ему годился;
Но вѣкъ его не могли плутни утаиться
(Постигнетъ злодѣевъ казнь, хоть хрома тащится):
Пойманъ въ кражѣ, обнаженъ богатствъ похищенныхъ,
И видѣлъ я ужь съ сумой дѣтей разоренныхъ,
Какъ хлѣба просятъ они въ лоскутахъ обшитыхъ.
Я одинъ изъ числа слугъ его съ двора сбитыхъ
Къ Хирону, такъ знатнаго звали господина,
Въ домъ принятъ, что былъ я той премѣны причина.
Бездѣтенъ и безъ жены, съ деревню палаты
Хиронъ имѣлъ, и еще мнились тѣсноваты.
Хоть платьемъ цѣлые три набиты чуланы,
На всякій день новые шилъ себѣ кафтаны.
Пространный столъ, что семьѣ поповской съѣсть трудно,
Въ тридцать блюдъ, еще ему мнилось ѣство скудно.
Народъ весь зная того въ государствѣ силу,
По утру сквозь тѣсныя передни насилу
Къ нему кто доступалъ. Просьбы и поклоны
Какъ Юпитеръ принималъ, и кивкомъ на оны
Однимъ весь отвѣтъ давалъ, иль власть свою чая
Тѣмъ являть, или, какъ мню, говорить не зная;
Отродокъ бо глупости гордость есть конечно.
И подлинно Хиронъ мой завирался вѣчно,

Ст. 370. *Постигнетъ злодѣевъ казнь, хоть хрома тащится.*

У Горація въ 3 кн. Ода II.

Raro antecedentem scelestum
Deseruit pede pœna claudo.

Рѣдко упускаетъ злодѣя медлящая кара. Пэна, Pœna, богиня наказанія, хромая, выражала долготерпѣніе боговъ у древнихъ.

Ст. 371. *Обнаженъ* = лишенъ.

Не смысля бѣдный двухъ словъ сказать къ дѣлу складно.
Однакожь толпа льстецовъ, кои изъ рукъ жадно
Рвали сытные куски, и бо́льшихъ желали,
Лишь отворитъ ротъ, глаза распяливъ зѣвали;
Всяку рѣчь, сколь ни глупа, хвалить надсажались;
Смутны по его лицу, или улыбались.
Готовы, естьлибъ то онъ сказать былъ намѣренъ,
Признать, что сажа бѣла и снѣгъ собой черенъ.
Былаль смѣху, самъ суди, довольна причина,
Примѣчая иль гостей, или господина?
Но сей бо́льшу подалъ мнѣ, когда въ крашко время
Плѣшиво щастье ему показало темя.
Хиронъ, кой дворецкаго своего недавно
За кражу зло наказалъ, желая жить славно,
И мало зная свои сберегать доходы,
Чужимъ добромъ дополнялъ лишніе расходы:
Ввѣренну Царску казну грабилъ, полнъ надежды,
Что онъ лишь уменъ одинъ, прочіежъ невѣжды,
Распознавать дѣлъ его или не умѣютъ,
Иль силы его страшась, объявлять не смѣютъ.
Ѣздокъ, кой въ землѣ ему прежде неизвѣстной,
Видитъ на пути своемъ лѣсъ вкругъ себя тѣсной,
Рѣки, болота, горы и страшны стремнины,
И оставя битый путь, спѣшитъ въ пути ины,
И заблуждается тамъ, гдѣ меньше онъ чаетъ
Трудностей, и наконецъ погибель встрѣчаетъ:
Такъ въ теченіи житья, гдѣ предлежатъ многи
Бѣдства и страхъ, гибнетъ тотъ конечно, кто ноги
Сведетъ съ пути, на коемъ разставила вехи
Добродѣтель, сгладивъ всѣ опасны помѣхи.
Хиронъ оную презрѣлъ, и казнь зла наспѣла;
Вдругъ съ богатствомъ вся его слава улетѣла,

Ст. 419. *Вехи* = граничные, подорожные столбы.

И какъ прежде презиралъ весь свѣтъ подъ собою,
Такъ предъ всѣми ползалъ ужь низокъ, головою
Землю бья, и подлыми поступки безстудно
Ища милости у всѣхъ. Слаба душа трудно
Средину можетъ держать. Въ свѣтлый день гордится
Чрезчуръ, — и подла чрезчуръ, какъ небо затмится.
Изъ друговъ Хирону былъ Менандръ всѣхъ любѣе,
Не для того, что ему мнился всѣхъ умнѣе,
И зналъ лучшіе во всемъ подавать совѣты,
Но къ любовницамъ носилъ письма и отвѣты,
И ночныя устроялъ всѣ его забавы.
Дворянинъ былъ, не холопъ, — хоть не имѣлъ славы,
И по должности своей тѣмъ быть не стыдился,
Доволенъ, что всякъ къ нему съ подаркомъ тащился,
Кто у Хирона достать милость былъ намѣренъ.
Такъ честь презирается, когда неумѣренъ
Имѣнія властвуетъ гладъ въ корыстныхъ грудяхъ.
Сколькомужь Менандръ (рѣдко бо злонравіе въ людяхъ
Найдешь безъ пары одно), сколь лакомствомъ гнусенъ,
Столь неблагодаренъ былъ. Хирономъ искусенъ
Пользоваться въ щастіи того, какъ настала
Премѣна, какъ бы съ нимъ вѣкъ дружба не бывала;
Бѣжалъ его все забывъ добро и заслуги,
Какъ обыкли вы бѣжать липчивы недуги.
Онъ Хирона больше всѣхъ укорялъ за глупость,
За гордость, и — кой ему не свой порокъ — скупость,
Обнародивъ все, что тотъ объявлялъ за тайну
Какъ другу, а тѣмъ его велъ въ погибель крайну:
Поступокъ гнушенія не меньше, нежь смѣха
Достойный. Всѣхъ благихъ дѣлъ главная помѣха
Неблагодарство вредитъ тому, кто являетъ,

Ст. 439. *Имѣнія* = стяжанія.

А для него и тому, кто претерпѣваетъ.
Скоро утомляются добро дѣлать люди,
Сколь награжденье, что ждутъ, велико ни буди;
Судижь, когда въ Менандрѣ сходнымъ примѣчаютъ,
Что виноградъ насадивъ, терніе ращаютъ?
Не имѣютъ ли со всѣмъ заткнуть свои уши
К плачу бѣдныхъ, чьи къ деньгамъ ненасытны души.
Менандровъ я бывъ слуга, ему утаити
Не хотѣлъ, сколь нравъ его мнѣ казался быти
Вреденъ ему и другимъ. Но рѣчь презирая
Мою, не знаешь, сказалъ, ты въ людяхъ какая
Дорога къ щастью ведетъ. Естьли хвалить буду
Хирона, или бѣды за то не избуду
Иль тѣхъ дружбы, что его на мѣсто засѣли,
Вѣкъ не добьюсь. Хирона уже улетѣли
Свѣтлые дни; нечего отъ него ужь ждати;
Выжавъ сокъ весь, лимонъ мы обыкли бросати.
И нехудо разсуждалъ. Съ такими рѣчами,
Съ такимъ поступкомъ Менандръ полными руками
Встрѣченъ отъ наслѣдника Хироновой власти,
Кой слушалъ его хулы, какъ бы самъ вѣкъ пасти
Не могъ, ни моглабъ быть рѣчь Менандра подобна
И о немъ; столь мысль людей прельщаться удобна.
Сей новый Менандровъ другъ Ксенонъ назывался,
Коему и власть и чинъ высокій достался
Въ двадцать лѣтъ, юность когда и въ уздѣ ретива.
Сего уже разнуздавъ Богиня плѣшива,
Ты самъ суди, какъ съ одной рыскалъ на другую
Пропасть, потерявъ со всѣмъ дорогу прямую.
Часто смотря на него надсажался съ смѣху,
Хоть меня шутомъ Менандръ ему далъ въ утѣху.
Не умѣренъ въ похоти, самолюбивъ, тщетной

Ст. 476. *Прельщаться* = заблуждаться, обманываться.

Славы рабъ, а больше тѣмъ невѣжда примѣтной.
На ловлѣ съ младенчества воспитанъ съ псарями,
Вѣкъ ничему не учась, смѣлыми словами
И дерзкимъ лицемъ о всемъ хотѣлъ разсуждати
490. (Какъ бы знанье съ властію раздѣльно бывати
Не могло), всѣмъ свой совѣтъ онъ предпочитая,
И почтенныхъ сѣдиной молчать заставляя,
Хотя искусъ требуетъ и труды и лѣта.

Периергъ.

Довольно объ немъ; одна та его примѣта
495. Дуракомъ кажетъ. Свое кто вѣкъ почитаетъ
Мнѣніе лучшимъ, въ томъ лбу смыслъ не обитаетъ.
Скажи, гдѣ по немъ служилъ, и что ты примѣтилъ?

Сатиръ.

Какъ отъ Ксенона отсталъ, Милонъ меня встрѣтилъ,
Неубогій гражданинъ, кой знался со мною,
500. Когда еще я вино разводилъ съ водою.
Наскучило уже мнѣ жить въ господскомъ домѣ,
Гдѣ щастье людей растетъ на слабой соломѣ,
И гдѣ долженъ всякій день быть досадъ свидѣтель,
Которыя безвинна терпитъ добродѣтель,
505. Гдѣ безъ шуму и безъ лжи часъ нельзя пробыти;
Тѣмъ Милону радъ я былъ, и въ службу вступити
Его столь скорѣй спѣшилъ, что мужъ онъ казался
Всему свѣту тихъ и святъ: да въ сѣть я попался.
Прожилъ я съ нимъ пять недѣль, одинъ во всѣмъ домѣ.
510. Слуга худо кормленный, и спя на соломѣ.
Дѣвка въ поварнѣ одна; я съ утра до ночи
Пятерымъ хозяевамъ служа со всей мочи
Надсажался; и снесъ бы трудъ, естьлибъ стерпѣти

Ст. 495. *Искусъ* = опытность.

Могъ стропотный семьи нравъ; но жена и дѣти,
И самъ Милонъ часъ пробыть безъ шуму не сильны,
И столь яры у себя, сколь въ людяхъ умильны.
Мала вещь, мало словцо имъ причина ссоры,
И крикъ межь собой несутъ что дрожатъ подпоры
И стѣны дома. Добро, естьлибъ межь собою
Ссорясь, въ трудахъ дали мнѣ нѣсколько покою.
Но та бѣда, ссоры ихъ всегда такъ кончались,
Что тучи надъ головой моей разрывались:
Какъ бы долженъ за всю ихъ шалость отвѣчати
Я одинъ, и вины ихъ казнь претерпѣваши.
Однажды въ избу я вшедъ, нашелъ всю въ соборѣ
Семью, горитъ куча свѣчь, попъ въ святомъ уборѣ.
Сказалъ въ себѣ: Господа собрались молиться,
Посмотрю, страху тутъ нѣтъ, чтобъ могли браниться.
Но въ тотъ самый часъ одинъ изъ дѣтей, не знаю,
За чемъ пошедъ, матерній платокъ, кой при краю
Лежалъ стола, уронилъ. Буря тотчасъ встала;
Отецъ сперва, потомъ мать волноваться стала,
И молитвы, и кресты, и земны поклоны
Различно сына ругать не даютъ препоны.
Винный извиняется, братья заступаютъ
Ворча, слово за слово ссору подымаютъ,
Шумъ и громъ: ужь не слыхать ни чтенья ни пѣву.
Попъ, видя, что ужь пришло дѣло не къ издѣву,
Спѣшитъ утолять огонь. Ему подражая
И я прошу перестать, вину представляя
Распри маловажну быть, и что тутъ къ молитвѣ,
Гдѣ любовь нужна, сошлись, не къ брани и битвѣ:
Но вдругъ вижу, что свѣчи и книги летаютъ;
На попѣ ужь борода и кудри пылаютъ,
И пуша кричитъ, бѣжитъ въ ризахъ изъ палаты.

Ст. 523. *Шалость* = дурачество, безуміе. Съ Польск. szał.

Ст. 538. *Не къ издѣву* = не къ шуткѣ.

Хозяинъ за мой совѣтъ мнѣ вмѣсто уплаты
Налоемъ въ спину стрѣльнулъ; я съ лестницъ скатился;
Не знаю, какъ только цѣлъ внизу очутился.
Спадшіе кудри мои тотчасъ схвативъ, роги
Прикрылъ, и ударился бозъ оглядки въ ноги.
Слѣдовалъ я въ домъ поповъ, былъ ему слугою.
Да что рѣчь распространять втуне предъ тобою
То сего, то другаго ставя господина?
Куда ни вскинь, я сказалъ, глазъ, вездѣ причина
Смѣху довольна у васъ. Одинъ безразсудно
Мечетъ горстью полною то, что отецъ трудно
Досталъ богатство ему, и поздо ужь плачетъ
Недостатки чувствуя. Другой крѣпко прячетъ
Кучу денегъ, и надъ ней съ гладу помираетъ;
Что нивложитъ кусокъ въ ротъ, то цѣну считаетъ.
Какъ въ красавицу, иной влюбившися въ славу,
И покой, и всякій страхъ презрѣвши, въ кроваву
Бѣжитъ битву, гдѣ иль глазъ оставитъ иль ногу;
Кривъ и хромъ, топчетъ еще и къ смерти дорогу
Веселъ, что печатныя собою онъ вѣсти
Наполнивъ, по смерти жить будетъ вѣковъ съ двѣсти.
Хвально идетъ, кто спѣшитъ къ должности усердо,
И кто за отечество жизнь полагаетъ твердо:
Память его честна быть въ вѣки заслужила.
Но о комъ я говорю, не та его сила
Въ бой тянетъ: съ ума сошедъ голой славы ищетъ
Безплодно, и безъ узды конь ретивый рыщетъ.
Старикъ безъ зубъ жаркую и возраста въ цвѣтѣ
Жену взявши, коей ужь сосѣдъ на примѣтѣ
Прежде свадьбы, гнусная причина бываетъ,
Что старика пальцомъ всякъ казавъ осмѣваетъ,
Что чужіе звать его будутъ отцомъ дѣти.
Другой удаляяся браку, любви въ сѣти

Не умнѣе впупался, завсегда вздыхаетъ,
Ночь цѣлую не спитъ, съ глазъ, съ ума не спускаетъ
Причину язвы своей, веселъ, скорбенъ сряду:
Зависитъ покой его отъ словца, отъ взгляду.
Сѣдые кудри свои холитъ, вьетъ и мажетъ,
Цвѣтными до пятъ себя тесьмами развяжетъ,
Пѣсни пишетъ и поетъ; сгорбясь танцы водитъ;
Въ дарахъ не одинъ мѣшокъ въ недѣлю исходитъ.
Ирисъ туже сотерымъ любовь сулитъ вѣрну;
Умильно на сотерыхъ зеницу та черну
Хитро вскинетъ, и крайкомъ устъ пріулыбнется:
Всѣ видятъ обманъ, одинъ онъ какъ мышка гнется
Въ когтяхъ кошки, но себѣ льститъ, собой доволенъ.
Макринъ весь желтъ, ужь оплылъ, водяною боленъ,
Все утро безъ отдыха съ врачами проводитъ,
Куча зелій ему въ ротъ разныхъ что день входитъ,
Лишней ѣствы, воздуха остраго боится:
Но повсядневно Макринъ мертво пьянъ ложится.
Молодчикъ собой богатъ съ богатымъ приданымъ
Беретъ бабу въ сорокъ лѣтъ, и та несказаннымъ
Самовластіемъ его и домъ его правитъ,
И часто молчатъ, дрожатъ предъ собой заставитъ.
Единородный отцу сынъ, кой ожидаетъ
Наслѣдства обильнаго, покой презираетъ,
И съ зарею вставъ, бѣжитъ развозить поклоны,
Господину и слугѣ обще снося оны,
Чтобъ могъ письменъ нѣсколько къ своему прибавить
Имени, и шапку снять предъ собой заставить
Подлый народъ; частожь вѣкъ пищетою надежды
Кормится. Иной любя блистанье одежды,
Тягчитъ всегда плоть свою вредительнымъ златомъ,

Ст. 585. *Сгорбясь танцы водитъ*, и пр. — Авторъ намѣкаетъ на Государственнаго Канцлера Графа Остермана. (Бантышъ-Каменскій.)

Ст. 594. *Что день* = каждый день Съ Польск. codzien.

Чая, что глупецъ не глупъ ужь въ платьѣ богатомъ.
Мѣщанинъ весь въ золотѣ съ двора не съѣжжаетъ
Безъ цуга, и толпу слугъ за собой таскаетъ
Разшитыхъ шесемками по цвѣтамъ печати,
Что прежь сего вывѣска была больше кстати.
Въ огромномъ домѣ, и полъ и стѣны золотитъ;
За роспись пустыхъ именъ кучу денегъ плотитъ;
Ложныхъ предковъ всѣ дѣла исчислять не слаба
Его память; дуется, пока треснетъ жаба.
Болваномъ Макаръ вчера казался народу,
Годенъ лишь дрова рубить или таскать воду;
О безуміи его худая шла повѣсть,
Углемъ чернымъ всякъ пятналъ его плоху совѣсть.
Улыбнулося томужь щастіе Макару,
И сегодня временщикъ: ужь онъ всѣмъ подъ пару
Честнымъ, знатнымъ, искуснымъ дюдямъ становится;
Всякъ уму на перерывъ чудному дивится,
Сколько пользы отъ него царство ждать имѣетъ.
Поправить взглядомъ однимъ все легко умѣетъ,
Чѣмъ бывшій глупецъ предъ нимъ народъ весь озлобилъ;
Богъ въ благополучіе ваше его собилъ.
Зависить мучитъ между тѣмъ многихъ, коимъ мнится
Себѣ то пристойнѣе мѣсто, и прудится
Не одинъ Макара сбить изъ чужаго мѣста.
Царско ухо всякому завидна невѣста,
Пенелопой кажется, женихи толпою
За ней бѣгутъ, и купить ея хошь душою
Склонность ради всѣ. Макаръ скоро поскользнулся
На льду скользкомъ; день его свѣтлый столь минулся

Ст. 618. *Дуется пока лопнетъ жаба.* — Примѣненіе Езоповой басни: Быкъ и Лягушка. Жаба вмѣсто лягушки; съ Польск. Żaba.

Ст. 619. *Болваномъ Макаръ вчера казался народу* и пр. Русская пословица: *Вчера Макаръ гряды копалъ, а нынѣ Макаръ въ Воеводы попалъ.*

Ст. 630. *Собилъ* = готовилъ.

Спѣшно, сколь спѣшно насталъ; въ прежню вдругорь
сходишъ
Глупость свою, и съ стыдомъ въ печали проводишъ
Достальную бѣдно жизнь между соболями.
Кои на мѣсто его спѣшатъ, ждутъ и сами
Того же року себѣ; однакожь пехаетъ
Другъ друга, и напрерывъ туда поспѣшаетъ.
Видѣлъ я столѣтняго старика въ постели,
Въ которомъ лѣта весь видъ человѣка съѣли,
И на трупъ больше похожь; на бороду плюетъ,
Однакожь дряхлой рукой и въ очкахъ рисуетъ.
Что такое? Вѣдь не гробъ, что бы ему кстати;
Съ огородомъ пышный домъ, гдѣбъ въ лѣто гуляти.
А другой видя, что смерть грозитъ ужь косою,
Не мысля, что сдѣлаться имѣетъ съ душою,
Хоть чуть видятъ слабые бумагу ужь взгляды,
Начнетъ писать похоронъ своихъ всѣ обряды,
Сколько Архипастырей, поповъ, и причету
Предъ гробомъ церковнаго, и сколько по счету
Пойдетъ за гробомъ родни съ горькими слезами.
Съ какими и сколькими провожать свѣчами,
Гдѣ зарыть, и какой гробъ, лампаду златую
Свѣсить, или сребряну, и надпись какую
Сочинить, чтобъ всякому давалъ знать слогъ внятный,
Что лежащій подъ ней прахъ былъ господинъ знатный.
Несчетныхъ страстей рабы отъ дѣтства до гроба
Гордость, зависть мучитъ васъ, лакомство и злоба,
Съ самолюбіемъ вещей тщетныхъ гнусна воля;
Къ свободѣ охотники, впилась въ васъ неволя.
Такъ какъ легкое перо, коимъ вѣтръ играетъ,
Летуча и различна мысль ваша бываетъ.
То богатства ищете, то деньги мѣшаютъ,

То грустно быть одному, то люди скучаютъ.
Не знаете сами, что хотѣть; теперь тое
Хвалите, потóмъ сіе, съ мѣста на другое
Перебѣгая мѣсто; и что паче дивно,
Вдругъ одно желаніе другому противно.
Малый въ лѣто муравей потѣетъ, томится,
Зерно за зерномъ таща, и наполнять пищится
Свой амбаръ. Когда же міръ унывать безплоденъ
Мразами начнетъ, съ гнѣзда станетъ не исходенъ,
Въ зиму наслаждаяся тѣмъ, что нажилъ лѣтомъ.
А вы, что мнитесь ума озаренны свѣтомъ,
Въ темнотѣ вѣкъ бродите; не въ время прилежны,
Въ ненужномъ потѣете, а въ потребномъ лежни.
Коротокъ жизни предѣлъ, велики затѣи,
Своей сами тишинѣ глупые злодѣи,
Состояніемъ своимъ всегда недовольны.
Купецъ, у кого амбаръ и сундуки полны
Богатствъ всякихъ, и можетъ жить себѣ въ покоѣ
И въ довольствѣ, вотъ не спитъ и мыслитъ иное,
Думая, какъ бы ему сдѣлаться судьею:
Куда де хорошо быть въ людяхъ головою.
И чтятъ тебя и даютъ; постою не знаешь;

Ст. 675. *Малый въ лѣто муравей* и проч.

У Горація, Кн. 1, Сат. I, ст. 33.

Parvula (nam exemplo est magni formica laboris)
Ore trahit, quodcunque potest, atque addit acervo,
Quem struit, haud ignara ac non incauta futuri,
Quæ simul inversum contristat aquarius annum,
Non usquam prorepit, et illis utitur ante
Quæsitis sapiens. †

Примѣромъ трудолюбія служитъ намъ малый муравей, который тащитъ все, что можетъ, въ ту кучу, которую строитъ. Никогда не бываетъ онъ беспечнымъ и нерачительнымъ о будущемъ, и когда зима возмутитъ ручей, онъ не ползетъ къ нему, но благоразумно наслаждается тѣмъ, что собралъ прежде.

Ст. 683. *Коротокъ жизни предѣлъ, велики затѣи.* У Горація: Ars longa — vita brevis.

Наука долга — жизнь коротка.

Многоль, малоль для себя всегда собираешь.
Спавъ судьею, ужь кущу не мало завидитъ,
Когда по нещастію пусто въ мѣшкѣ видитъ,
И слыша просителей у дверей вздыхати,
Долженъ встать не выспавшись съ теплыя кровати.
Боже мой! говоритъ онъ, что̀ я не посадскій?
Чортъ бы взялъ и чинъ и честь, въ коихъ животъ адскій.
Пахарь соху ведучи, иль оброкъ считая:
Не однажды привздохнетъ, слезы отирая:
За что, де, меня Творецъ не сдѣлалъ солдатомъ?
Не ходилъ бы въ сѣрякѣ, но въ платьѣ богатомъ,
Зналъ бы лишь одно свое ружье, да капрала,
На правежѣ бы нога моя не стояла.
Для менябъ свинья моя только поросилась,
Съ коровы мнѣбъ молоко, мнѣбъ куря носилась;
А то все прикащицѣ, спряпчицѣ, Княгинѣ
Понеси въ поклонъ, а самъ жирѣй на мякинѣ.
Пришелъ поборъ, пахаря вписали въ солдаты,
Не однажды дымныя вспомнитъ ужь полати,
Проклинаетъ жизнь свою въ зеленомъ кафтанѣ,
Десятью заплачетъ въ день по сѣромъ жупанѣ.
Толь не житье было мнѣ, говоритъ, въ крестьянствѣ?
Правда, тогда не ходилъ я въ такомъ убранствѣ;
Да лѣтомъ въ подклѣтѣ я, на печи зимою
Сыпа́лъ, въ дождикъ изъ избы я вонъ ни ногою;
Заплачу подушное, оброкъ господину,
Какуюжь больше найду я тужить причину?
Щей горшокъ, да самъ большой, хозяинъ я дома,
Хлѣба у меня чрезъ годъ, а скотамъ солома.
Дальна ѣзда мнѣ была съѣздить въ торгъ для соли,

Ст. 704. *Направежъ* = на мірскомъ судѣ, на сходкѣ.

Ст. 715. *Въ подклѣтъ* = въ чуланѣ, въ сѣнцахъ.

Ст. 720. *Чрезъ годъ* = на цѣлый годъ. Съ Польск. *przez cały rok.*

Иль въ праздникъ пойти въ село, и то съ доброй воли:
А теперь чортъ не житье, волочись по свѣту,
Все бы рубашка бѣла, а вымыть чѣмъ нѣту;
Ходи въ шпанахъ, возися за ружьемъ поспрѣлымъ,
И гдѣ до смерти всѣхъ бьютъ, надобно быть смѣлымъ.
Ни выспаться нѣкогда, часто нѣтъ, что̀ кушать;
Наряжать мнѣ все собой, а сотерыхъ слушать.
Чернецъ тотъ, кой день назадъ чрезмѣрну охоту
Имѣлъ ходить въ клобукѣ, и всяку работу
Къ церкви легку сказывалъ, прося со слезами,
Чтобъ и онъ съ небесными былъ въ счетѣ чинами,
Сегодня не то поетъ, радъ бы скинуть рясу,
Скучили ужь сухари, полетѣлъ бы къ мясу:
Радъ къ чорту въ товарищи, лишь бы бѣльцомъ быти,
Нѣтъ мочи ужь Ангеломъ въ слабомъ тѣлѣ слыти.
Въ долгой рѣчи малую страстей вашихъ долю,
Исчелъ я тебѣ, твою исполняя волю.
Совершенно описать, смысленныя твари
Сколь глупы, смѣшны собой, смотрѣны безъ хари, —
Года мало. Повѣрь мнѣ, довольно съ собою
Несу, долго чѣмъ смѣшить Царя и съ Ордою.

Ст. 728. *Наряжать* = исправлять, распоряжать собою.

Ст. 736. *Нѣтъ мочи ужь ангеломъ*, Отъ 686 по сей стихъ мысль заимствована у Горація:

O fortunati mercatores, gravis annis
Miles ait, multo jam fractus membra labore;
Contra mercator, navem jactantibus austris.
Militia est potior. Quid enim? Concurritur: horæ
Momento cita mors venit, aut victoria læta.
Agricolam laudat juris legumque peritus. †

Воинъ восклицаетъ: Щастливая жизнь торговцевъ! а я круглый годъ осужденъ тяжкими трудами изнурять тѣло; купецъ, напротивъ, волнуемый на кораблѣ вѣтрами, предпочитаетъ состояніе воина своему: Что̀ ему? говоритъ онъ, на войнѣ или мгновенно смерть постигнетъ, или наступитъ радостная побѣда. Правовѣдецъ хвалитъ жизнь земледѣльца.

Ст, 740. *Смотрѣны безъ хари* = безъ маски, т. е. безъ пристрастія. †

Да солнце ужь начало за гору скрываться;
Я раздѣпъ, прощай, пора мнѣ съ тобой разстаться.
Рѣчь мою про себя крой, буде въ ней какую
Пользу чаешь; не ищи употреблять тую
Къ исправленію людей: мала къ тому сила
Наша съ тобой; исправитъ горбатыхъ могила.

САТИРА VI.

1. Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ доволенъ
Въ тишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ воленъ
Мыслей, что мучатъ другихъ, и топчетъ надежну
Стезю добродѣтели къ концу неизбѣжну.
5. Небольшой домъ на своемъ построенный полѣ
Даетъ нужное моей умѣренной волѣ,
Нескудный, нелишній кормъ, и средню забаву,
Гдѣбъ съ другомъ честнымъ я могъ, по моему нраву
Выбраннымъ, въ лишны часы прогнать скуки бремя,
10. Гдѣбъ отъ шуму отдаленъ прочее все время
Провождать межь мертвыми Греки и Латины,
Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины,
И учась знать образцомъ другихъ, что полезно,

Примѣчанія.

писана въ 1738 году.

Ст. 5. *Небольшой домъ* и пр.

У Горація, кн. 2 Сат. VI.

Hoc erat in votis : modus agri non ita magnus,
Hortus ubi, et tecto vicinus jugis aque fons,
Et paulum sylvæ super his foret. †

Вотъ мое желаніе : умѣренное, небольшое поле, на немъ садъ, въ тѣни котораго неизсякаемый ручей, и притомъ небольшая роща.

Ст. 12. *Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины.*

У Виргилія : Felix, qui potuit rerum cognoscere causas.

Блаженъ, кто могъ познать причины вещей.

Что вредно въ нравахъ, что въ нихъ гнусноль илѣ любезно.
То одно желанія мои составляетъ.
Богатсшво, высокой чинъ, что въ очахъ блистаетъ
Предъ неискусной толпой, многія печали
Наноситъ и ищущимъ, и шѣмъ, что достали.
Ктобъ не смѣялся тому, кой стежку жестоку
Топчетъ, лезя весь въ поту на гору высоку,
Коей вершина остра такъ, что осторожно
Сколь стопы ни утверждать, съ покоемъ не можно
Устоять, и всякій вѣтръ, кой дышетъ опасный,
Порываетъ бѣднаго въ стремнины ужасны?
Любочестный однакъ мужъ на него походитъ.
Рѣдко щастье на своихъ крылахъ кого взводитъ
На высоку вдругъ степе́нь, и естьли бываетъ
Столько ласково къ кому, долго въ томъ не знаетъ
Устоять, но въ малый часъ толчкомъ его спи́хнетъ
Однимъ, и стремглавъ летя не одинъ членъ свихнетъ;
А безъ помощи того шруды безконечны
Нужны, и терпѣніе — хотъ плоды не вѣчны.
Съ пѣтухами пробудясь, нужно потащиться
Изъ дому въ домъ на поклонъ, въ передняхъ помиться
Полдни торчать на ногахъ съ холопы въ бесѣдѣ,
Ни сморкнуть, ни кашлянуть смѣя. По обѣдѣ
Таже жизнь до вечера; ночь вся безпокойно
Пройдетъ, думая, къ кому поутру пристойно

Ст. 17. *Предъ неискусной толпой*= невѣжественной.

Ст. 36. *Ни сморкнуть, ни кашлянуть смѣя.*

Эти стихи напоминаютъ IV сатиру Ренье.

Faire la cour aux grands, et dans leurs antichambres
Le chapeau dans la main, nous tenir sur nos membres,
Sans oser ni cracher, ni tousser, ni s'asseoir,
Et nous couchant au jour, leur donner le bon soir. †

† Ухаживать за вельможами и стоять у нихъ въ прихожихъ съ шляпою въ рукахъ, не смѣть ни плюнуть, ни кашлянуть, ни сѣсть, и идя со днемъ спать, желать имъ доброй ночи.

Еще бѣжашь, передъ кѣмъ гнушь шею и спину,
Что слугѣ въ подарокъ, что понесть господину.
Нужно часто полыгать, небылицѣ вѣрить,
Что одною скорлупой можно море смѣрить;
Господскую сносить спесь, признавать, что родомъ
Моложе Владиміра однимъ только годомъ,
Хошь ты помнишь, какъ отецъ носилъ кафтанъ сѣрой;
Кривую жену его называть Венерой,
И въ шальныхъ дѣтяхъ хвалить остроту природну;
Не зѣвать, когда онъ самъ несешъ сумасбродну.
Нужно благодѣтелемъ звать того, другого,
Отъ кого вѣкъ не видалъ добра никакого,
И безъ шапки провожать на морозѣ въ сани,
Хошь въ оную не складешь за плечьми слугъ брани.
Нужно еще одолѣть и препятства многи,
Что зависть кладетъ на всякъ часъ тебѣ подъ ноги:
Всѣжь тѣ труды наконецъ въ надеждѣ оставятъ,
Иль въ удачу тебѣ чинъ маленькій доставятъ.
Тогда должность поведетъ тебя въ поле вялить,
Увѣчиться, и противъ смерти груди пялить;
Иль съ перомъ въ рукахъ сносить шумъ и смрадъ приказный,
Боясь всегда не проспать часъ къ дѣламъ указный,
И съ страхомъ всегда крѣпить судны приговоры,
Чтобъ тебя не довели съ сильнѣйшимъ до ссоры;
Или шорчать при Дворѣ съ ушра до полночи
Съ отвѣсомъ въ рукахъ, и сплошь напяливши очи,
Чтобъ съ веревки не скользнуть; а между тѣмъ свищетъ
Славолюбіе въ ушахъ, что кто славы ищетъ,
На первой степени тошъ остаться стыдится;

Ст. 57. *Вялить* = дряхлѣть.

Ст. 64. *Съ отвѣсомъ въ рукахъ.* Придворные здѣсь уподобляются тѣмъ, кои по веревкѣ плящутъ, держа въ рукахъ шестъ вмѣсто отвѣса и, непрестанно смотря на ноги и веревку, чтобъ не свернуться. Барковъ.

И такъ повторяя трудъ, лѣтъ съ тридцать нуришься,
Лѣтъ съ тридцать бѣдную жизнь станешь продолжати,
Чтобъ къ цѣли твоей возмогъ весь дряхлъ добѣжати.
Вотъ ужь достигъ, Царскую лишь власть надъ собою
Знаешь; человѣческъ родъ весь ужь подъ тобою
Какъ червякъ ползетъ, однимъ взглядомъ ты наводишь
Мрачну печаль, и однимъ радости свѣтъ вводишь.
Всѣ тебя, какъ бы божка кадить и чтить тщатся,
Всѣ больше, нежь чучела вороны, боятся.
Искусство само твой домъ создало пространный,
Гдѣ все, что Италія, Франція и странный
Китайскъ умъ произвели, зрящихъ удивляетъ.
Всякій членъ твой въ золотѣ и въ камняхъ блистаетъ,
Которы шлетъ Индія и Перу обильны,
Такъ что лучей отъ тебя глаза снесть не сильны.
Спишь въ золотѣ, золото на золотѣ всходитъ
Тебѣ на столъ, и холопъ твой въ золотѣ ходитъ,
И самъ Аполлонъ, тебя какъ въ улицѣ видитъ,
Свитѣ твоей и возку твоему завидитъ.
Ужьли покоенъ? Никакъ! Покой отнимаетъ
Домъ пышный, и сладкій сонъ съ глазъ прочь отбѣгаетъ,
Кто на нѣжной подъ парчей постелѣ ложится.
Сильна тревога въ сердцахъ богатыхъ таится;
Не столько волнуется море, когда съ сама
Дна движетъ воды его зло буря упряма.
Зависть шепчетъ, буде въ слухъ говорить не смѣетъ,

Ст. 87. *Покой отнимаетъ.*

У Сенеки:

Aurea rumpunt tecta quietem,
Vigiles que trahit purpura noctes.
O si pateant pectora dîtum!
Quantum intus sublimis agit
Fortuna metus! Brutia choro
Pulsante nitior unda est. †

Покрытыя золотомъ багряницы нарушаютъ спокойствіе и ночи превращаютъ въ бдѣніе. О если взглянуть въ сердце богача! Сколько возбуждаетъ богатство внутренняго страха! Такъ волны чѣмъ болѣе искрятся, тѣмъ сильнѣе мятутся.

Безпрестанно на тебя, и хоть одолѣетъ
Десятью достоинство твое, погибаешь
Наконецъ, хотя вины самъ своей не знаешь.
Съ властію славы любовь въ тебѣ возрастая
Крушитъ тя, гдѣ твой предѣлъ уставить не зная;
Меньшежь пользуетъ, нежь пѣснь сладкая глухому,
И нежели паренье падагрой больному.
Вышня честь сокровище тому несказанно,
Кого надежда и страхъ мучатъ безпрестанно.
Еще, естьлибъ наша жизнь на два, на три вѣки,
Тянулась, не столько бы глупы человѣки
Казалися, мнѣнію служа безразсудну,
Меньшу въ пользу большія времени часть трудну
Снося, и довольно дней поправить имѣя
Себя, когда прежнія прожили шалѣя.
Да лихъ человѣкъ родясь, имѣетъ насилу
Время оглядѣться вкругъ, и полезть въ могилу,
И столь коротку жизнь еще ущербляютъ
Младенчество, старость, болѣзнь; а дни такъ летаютъ
Что напрасно будетъ ждать себѣ ихъ возврату.
Чтожь столь тяжкій сноситъ трудъ за столь малу плату
Я имѣю, и терять золотое время,
Отставляя изъ дня въ день злонравія сѣмя
Изъ сердца искоренять? Пропадутъ степе́ни

Ст. 95. *Достоинство* = въ имен. пад.

Ст. 100. *И нежели паренье подагрой больному.*

У Горація:

Qui cupit aut metuit, juvat illum sic domus, aut res,
Ut lippum pictæ tabulæ, fomenta podagram,
Auriculas citharæ collecta sorde dolentes. †

См. пер. Кантемира посланій Горація, Кн. I, Послан. 2, ст. 61 — 64.

Ст. 109. *Да лихъ человѣкъ родясь*, и проч.

У Поппе, въ Опытѣ о человѣкѣ:

.... Life can little more supply
Than just to look about us, and to die.

Жизнь немного болѣе продолжается, нежели сколько потребно для того чтобы осмотрѣться — и умереть.

Пышны и сокровища, какъ за пусты тѣни
Басенный песъ опустилъ изъ зубъ кусокъ мяса.
Добродѣтель лучшая есть наша украса;
Тишина ума при ней, и своя мнѣ воля
Всего драгоцѣннѣе. Кому богатствъ доля
Пала и славы, тѣхъ трехъ благъ долженъ лишиться,
Хоть бы крайней гибели и могъ ущититься.
Глупо изъ младенства мы обыкли бояться
Пищеты, презрѣнія, и тѣ всего мнятся
Зла горчае; для того бѣжимъ мы въ другую
Крайность, а должнобъ въ вещахъ знать мѣру прямую.
Всяко однакожь предѣлъ свой дѣло имѣетъ;
Кто прейдетъ, кто не дойдетъ, подобно шалѣетъ.
Грѣшитъ пѣстунъ Нероновъ, что тѣмы накопляетъ
Сокровищъ съ бѣдствомъ житья, да и тотъ, кто чаетъ
Въ бочкѣ имя мудреца достать, часто голодъ,
И мразъ терпя, не уменъ: въ шестьдесятъ лѣтъ молодъ,
Еще дитя, подъ началъ отдать можно дядькѣ,
И сѣчь лозой, чтобъ не былъ склоненъ къ злой повадкѣ.
Силвій масло продая не хуже кормился,
И отъ досадъ нищеты не хуже щипился
Малымъ мѣшкомъ, нежь теперь, какъ всѣ края свѣта
Сквозь огнь, сквозь мразъ пробѣжавъ, и изнуривъ лѣта
Въ безпокойствѣ, стали быть сундуки, палаты
Огромны, сокровищу его тѣсновашы.
Можешь безъ скудости жить, богатствъ не имѣя

Ст. 129. *Всяко однакожъ предѣлъ свой дѣло имѣетъ.*

У Горація, кн. I. Сат. I.

Est modus in rebus, sunt certi denique fines,
Quos ultra citraque nequit consistere rectum. †

Есть извѣстный законъ вещей, извѣстные предѣлы, за черту которыхъ перейти нельзя.

Ст. 130. *Подобно* = одинаково.

Ст. 131. *Грѣшитъ пѣстунъ Нероновъ*, и пр.

Сенека былъ очень богатъ. Ювеналъ называетъ его: Prædives Seneca, — пребогатый Сенека.

Лишнихъ, и въ тихомъ углу покоенъ сѣдѣя
Можешь славу получить, хоть бы за собою
Полкъ людей ты не водилъ, хоть бы предъ тобою
Народъ шапки не снималъ, хоть бы ты таскался
Пѣшъ, и одинъ бы слуга тебя лишь боялся.
Мудрая малымъ прожить природа насъ учитъ
Въ довольствѣ, коль лакомство разумъ нашъ не мучитъ.
Достать не трудно доходъ не великъ и сходенъ
Съ состояніемъ твоимъ; а потóмъ свободенъ
Отъ прихотной зависти тамъ остановися.
Степенямъ блистающихъ именъ не дивися
И богатствъ большихъ; живи тихъ, ища, что̀ честно,
Что̀ и тебѣ и другимъ пользуетъ нелестно
Къ нравовъ исправленію. Слава твоя вѣчно
Между добрыми людьми жить будетъ конечно.
Да хоть бы невѣдомъ дни скончалъ, и по смерти
Свѣту остался забытъ; силенъ ты былъ стерти
Зубъ зависти, ни трудовъ твоихъ мзда пропала:
Добрымъ бывъ, собою мзда есть ужѐ не мала.

САТИРА VII

КЪ КНЯЗЮ

НИКИТѢ ЮРЬЕВИЧУ ТРУБЕЦКОМУ.

1. Естьлибъ я видя кого, что съ рукъ неспускаетъ
Часовникъ, и пятью въ день въ церковь побываетъ,
Постится, кладетъ свѣчи и не спитъ съ женою,
Хотъ отнявъ у бѣднаго ту, что за душою
5. Одну рубашку имѣлъ, нагимъ ходитъ нудитъ;
Естьлибъ я видя сказалъ: Дружокъ, умъ твой блудитъ;
Тѣмъ путемъ не войдешь въ рай, и буде радѣешь
Душу спасть, отдай назадъ, чѣмъ худо владѣешь.
Вспылавъ ревность наградитъ мою симъ отвѣтомъ:
10. Напрасно, молокососъ, суешься съ совѣтомъ.
И дѣло онъ говоритъ; еще я тридцатый
Не видѣлъ возврать зимы, еще черноватый
Ни одинъ на головѣ волосъ не сѣдѣетъ;
Мнѣ ли въ такомъ возрастѣ поправлять довлѣетъ

Примѣчанія.

Эта Сатира писана въ 1739 году, во время пребыванія Кантемира Посломъ въ Парижѣ. .

Ст. 14. *Довлѣетъ* = слѣдуетъ, приличествуетъ.

Сѣдыхъ, пожилыхъ людей, кои чтутъ съ очками,
И чуть три зуба сберечь могли за губами;
Кои помнятъ моръ въ Москвѣ, и какъ сего года,
Дѣла Чигиринскаго сказуютъ похода?
Напрасно охрипъ бы я, доводя доводомъ,
Что умъ въ людяхъ не растетъ мѣсяцомъ и годомъ
Что хотя искусъ даетъ разуму подпору,
И искусъ можно достать только въ поздну пору;
Однакъ какъ время того, кто не примѣчаетъ
Причины дѣлъ, учинить искуснымъ не знаетъ,
Такъ прилежность сильна дать искусъ въ малы лѣта.
Презрѣнны слова мои будутъ безъ отвѣта,
И свѣтъ почти весь упрямъ, всегда вѣритъ станетъ,
Что старикъ трехъ молодыхъ разумомъ потянетъ.
Не одно то мнѣніе съ здравымъ несогласно
Видимъ смыслу втверженно; вспрѣчаемъ всечасно
Подобны и злѣйшія. Одни тѣхъ держаться
Любятъ, кои нужны быть и законны мнятся;
Обманъ тѣ свой чувствовать грубый не умѣютъ:
Другіе, хоть знаютъ вредъ, бороться не смѣютъ
Съ упрямою волею, котора ихъ нудитъ
Предъизбрать то, что смыслъ здравой вредно судитъ.
Какъ о причинѣ того спросить у народа,
Скажетъ, что съ зачатія нашего природа
Слабу душу намъ дала, и къ обману склонну,
И подчиненну страстямъ, и что ту законну
Надъ нами природы власть одолѣть неможно.
Испытать ли истину онъ въ томъ осторожно?
Не знаю, Никита другъ; то одно я знаю,
Что если я добрую, лѣнивъ, запускаю

Ст. 18. *Дѣла Чигиринскаго похода.* Походъ противъ Турокъ въ 1676 г.
Ст. 21. *Искусъ* = опытность.
Ст. 24. *Искуснымъ* = опытнымъ.
Ст. 33. *Ту* = они.

Землю свою, — обростетъ худою травою;
Естьли прилежно вспашу̀, довольно покрою
Навозомъ песчаную, жирнѣе ужь станетъ,
И довольный плодъ отъ ней тотъ трудъ мой достанетъ.
Каковóбъ отъ природы сердце намъ ни пало.
Есть, есть время нѣкое, въ кое злу не мало
Склонность уймемъ, буде всю истребить не можемъ,
И утвердиться въ добрѣ доброму поможемъ.
Врамя то суть первыя младенчества лѣта.
Чутко ухо, зорокъ глазъ новый житель свѣта
Пялитъ, всяка вещь ему примѣтна, все ново
Будучи, все съ жадностью сердце въ немъ готово
Принять : что туда вскользнетъ, скоро вкоренится,
Буде руки приложить повадка потщится :
На веревкѣ силою повадки танцуемъ.
Бóльшу часть всего того, что въ насъ приписуемъ
Природѣ, естьли хотимъ изслѣдовать зрѣло,
Найдемъ воспитанія одного быть дѣло.
И зналъ то мудрымъ умомъ Монархъ одаренный,
ПЕТРЪ Отецъ нашъ, никакимъ трудомъ утомленный,
Когда труды его намъ въ пользу были нужны.
Училища основалъ, гдѣ промыслъ услужный
Въ пути добродѣтелей имѣлъ бы наставить
Младенцевъ, осмѣлился и престолъ оставить
И покой ; Самъ странствовалъ, чтобъ отечество знало
Примѣръ въ чужихъ братъ краяхъ въ томъ, что не бывало
Прежде въ Москвѣ, сличные человѣку нравы
И искуства. Былъ тотъ трудъ корень нашей славы;
Мужи вышли годные къ мирнымъ и военнымъ
Дѣламъ, внукамъ памятны нашимъ отдаленнымъ.

Ст. 58. *Повадка* = привычка.

Ст. 64. *Никакимъ трудомъ утомленный.* Слав., по-русски слѣдуетъ сказать : неутомленный.

Ст. 68. *Младенцевъ.* — Кажется юношей.

Ст. 71. *Сличные* = приличные; съ Польск. młodzieniec.

Но скоро полезныя презрѣнны бываютъ
Дѣла, кои лакомымъ чувствамъ не ласкаютъ.
Кучу къ кучѣ прикопитъ, домъ построитъ пышный,
Развести садъ и заводъ, разчистить лѣсъ лишній,
Дѣтямъ ужь богатое оставитъ наслѣдство
Печемся, попѣемъ въ томъ: каковожь ихъ дѣтство
Проходитъ, рѣдко на умъ двумъ или тремъ всходитъ;
И у кого не одна въ бездѣлкахъ исходитъ
Тысяча, малѣйшаго расхода жалѣетъ
Къ наставленію дѣтей; когда же шалѣетъ
Сынъ въ возрастъ пришедъ, отецъ тужитъ и стыдится.
Напрасно вину свалитъ съ плечъ своихъ онъ тщится:
Богатства сыну копилъ, презрѣлъ въ сердце нравы
Добры всѣянь. Богатъ сынъ будетъ, но безъ славы
Проживетъ, мало любимъ, и свѣту презрѣнный,
Буде въ петлю не вбѣжитъ, плутъ ужь совершенный.
Главно воспитанія въ томъ состоитъ дѣло,
Чтобъ сердце, страсти изгнавъ, младенческо, зрѣло
Въ добрыхъ нравахъ утвердить; чтобъ чрезъ то полезенъ
Сынъ твой былъ отечеству, межь людьми любезенъ
И всегда желателенъ: къ тому всѣ науки
Концу, и искуства всѣ должны подать руки.
Судъ трудный мудро рѣшить, исчислять приходы
Пространна царства, сравнить съ оными расходы
Однимъ почти почеркомъ; въ безднахъ безопасный
Водныхъ предъизбирать путь, гдѣ бури ужасны;
Небесъ числить всякаго удобно свѣтила
Путь и бѣглость и того сколь велика сила
Надъ другимъ; въ твари всему знать истну причину,
Мудрымъ зваться дастъ тебѣ, и можетъ быть къ чину
Высшему покажетъ слѣдъ; народъ будетъ цѣлый

Ст. 84. *Шалѣетъ* = безумствуетъ. Ст. 103. *Истну причину* = истинную, подлинную причину.

Искуснымъ вождемъ тя звашь, зря царства предѣлы
Тобою расширены, и вражія рати
И городы стерты въ прахъ. Но буде уняти
Не знаешь ярость твою, буде непріятенъ
Къ тебѣ доступъ, и тебѣ плачь бѣдныхъ не внятенъ;
Ежели волю твою не правитъ смыслъ правый:
Словомъ, ежели твои развратны суть нравы,
Дивиться станетъ тебѣ, но любить не станетъ,
Хвалы твои изъ его устъ нужда потянетъ.
Пользы своей лишь въ тебѣ искать онъ потщится,
Гнушаясь тобой; и той готовъ отщетиться,
Толькобъ тебя свалить съ плечь. Слава увядаетъ
Твоя въ малъ часъ; позабытъ человѣкъ бываетъ,
Скоро ненавидимый, и мало жалѣетъ
Кто объ немъ, когда ему черный день приспѣетъ.
Добродѣтель лишь одна можетъ намъ доставить
Покойну совѣсть, предѣлъ прихотямъ уставить,
Повадить тихо смотрѣть щастья грудь и спину,
И неизбѣжную ждать безстрашно кончину.
Добродѣтель по тому юнымъ неотмѣнно
Паче всего долгъ внушать, пока совершенно
Вкоренится, притомъ умъ изощрять въ пристойныхъ
Имъ и другихъ знаніяхъ; такъ въ дѣтяхъ достойныхъ,
Къ всѣмъ чинамъ, отечеству дашь даръ многоцѣнный.
Естьлибъ изъ двухъ нуженъ былъ выборъ неотмѣнный,
Съ чистою совѣстію умъ избралъ бы простый,
И оставилъ бы я съ злымъ сердцемъ разумъ острый.
Ввѣрилъ бы я все добро тому, кто съ чужого
Стыдится жирѣть добра, хоть онъ немного
Счету знаетъ, и рубитъ число долженъ въ палку;

Ст. 135. *Рубить число долженъ въ палку.* Простонародный способъ счисленія. Наши крестьяне ведутъ расходы свои посредствомъ палочекъ, на коихъ зарубаютъ вмѣсто десятковъ крестики, а вмѣсто единицъ простыя черты. Такія палочки называются у нихъ *бирками*.

А грошь не далъ бы беречь другому, что въ свалку
Одну свернувъ глотаетъ домъ, и лѣсъ, и пашни,
Хоть числитъ онъ лучше всей Сухаревой башни.
Завсегда дѣтямъ твердя строгіе уставы
Наскучишь; истребишь въ нихъ всяку любовь славы,
Естьли часто предъ людьми обличать ихъ станешь:
Дай имъ время и играть; самъ себя обманешь,
Буде станешь торопить лишно спѣша дѣло;
На единѣ исправлять можешь ты ихъ спѣло.
Ласковость больше въ одинъ часъ дѣтей исправитъ
Нежь суровость въ цѣлый годъ; кто часто заставитъ
Дрожать сына предъ собой, хвальну въ немъ загладитъ
Смѣлость, и безвременно торопѣть повадитъ.
Щастливъ, кто надеждою похвалъ взбудить знаетъ
Младенца; много къ тому примѣръ пособляетъ:
Относятъ къ сердцу глаза вѣсть уха скорѣе.
Примѣръ наставленія всякаго сильнѣе:
Онъ и скотовъ слѣдовать родителямъ учитъ.
Орлій яшенецъ быстръ летитъ, щенокъ гончій мучитъ
Курицъ въ дворѣ, лобъ со лбомъ козлята сшибаютъ;
Утята лишь изъ яйца выдутъ, плавать знаютъ.
Не смыслъ учитъ, ни совѣтъ; того не имѣютъ,
Сего нельзя имъ подать: подражать умѣютъ.
Изъ двухъ братьевъ выросшихъ подъ тѣмижь глазами,
И коихъ тотъ же крушилъ учитель лозами,
Одинъ добродѣтелей хвалную дорогу
Топчетъ, ни надежда свесть съ нея, ни страхъ ногу
Его не могли, въ своей должности онъ вѣренъ

Ст. 138. *Лучше всей Сухаревой башни.* Въ зданіи Сухаревой башни въ Москвѣ, помѣщалось тогда училище мореплаванія.

Ст. 141 *Обличать* = исправлять Такъ у Соломона: *Обличай премудра и премудрій будетъ.*

Ст. 145. *Спѣло* = успѣшно.

И прилеженъ, ласковъ, тихъ, и въ словахъ умѣренъ,
Ничьей бѣдности смотрѣть сухими глазами
Не можетъ, сердцемъ даетъ, что даетъ руками.
Другой гордостью надутъ, ярости полонъ, нещаденъ,
Готовъ и отца продать, къ большимъ мѣшкамъ жаденъ,
Казну крадетъ царскую, и тѣмъ сломя шею,
Весь ужь сѣдъ въ петлю бѣжитъ, въ казнь должну злодѣю.

Въ томъ по щастью добрые примѣры скрѣпили
Совѣтъ; въ семъ примѣры злы оный истребили.
Естьлибъ я сыновнюю имѣлъ унять скупость,
Описавъ злонравія, и гнусность, и глупость,
Смотри, сказалъ бы ему, сколь Игнатій бѣденъ
Надъ кучею злата: сухъ, печаленъ, и блѣденъ
Всякій часъ мучитъ себя. Мнишь ли ты щастливу
Жизнь въ обильствѣ такову? Естьлибъ чрезчуръ тщиву
Руку его, усмотрѣлъ, пальцомъ указалъ бы
Тюрьму, гдѣ сидитъ Клеархъ, и всю расказалъ бы

Ст. 173. *Естьлибъ я сыновнюю*, и пр. У Горація, Сат. IV, кн. I.

Insuevit pater optimus hoc me,
Ut fugerem, exemplis vitiorum quæque notando.
Cum me hortaretur, parce frugaliter, atque
Viverem uti contentus eo, quod mi ipse parasset:
Non ne vides, Albi ut male vivat filius? Utque
Barrus inops? Magnum documentum, ne patriam rem
Perdere quis velit; a turpi meretricis amore
Cum deterreret: Sectani dissimilis sis.
Ne sequerer mœchas, concessa cum Venere uti
Possem; deprensi non bella est fama Treboni,
Aiebat. †

Тотъ, по моему мнѣнію, хорошій отецъ, кто показываетъ примѣръ къ избѣжанію порочныхъ, который убѣждаетъ довольствоваться малымъ и умѣреннымъ, что самъ себѣ приготовилъ, и говоритъ сыну: не видишь развѣ какъ худо живетъ сынъ Альбія, или бѣдный Барръ? — Который примѣромъ склоняетъ сына не терять отцовскаго достоянія; который убѣждаетъ не быть подобнымъ Сектану, не слѣдовать за блудницею, прервать связи съ Венерою, не соревновать худой славѣ Требонія.

Потомъ жизнь Клеархову, чрезъ мѣру прохладну.
Естьлибъ къ подлой похоти видѣлъ склонность жадну,
Привелъ бы его смотрѣть Мелита въ постели,
И гнусны чирьи, что весь носъ его объѣли.
Кормилицу, дядьку, слугъ, бесѣду, сколь можно,
Лучшую бы сыну я избралъ осторожно.
Не одни тѣ растятъ насъ, коимъ наше дѣтство
Ввѣрено; со всѣхъ сторонъ находитъ посредство
Вскользнуться внутрь сердца нравъ: все, что окружаетъ
Младенца, произвести въ немъ нравъ помогаетъ.
Такъ недовольно одно изрядное семя
Дать изрядный цвѣтъ иль плодъ: нужно къ тому время
Умѣренно и красно, безъ мразу, безъ зною,
Безъ вихревъ; нужна земля жирна и водою
Нужно въ пору поливать, и тихо и въ мѣру;
Семя безъ всего того прельститъ твою вѣру.
Филѝнъ выросъ пьяница; пьяница былъ сродникъ,
Кой вскормилъ. Миртилъ б.....нъ, дядька его с..... къ
У Савки вѣкъ на губахъ правда не садится,
И вретъ, что наумъ взошло, что въ ночь ни приснится;
Помнимъ бабушки его басни безконечны,
Кои намъ жужжалъ ея языкъ скоротечный.
Силвія круглую грудь рѣдко покрываетъ,
Смѣшкомъ сладкимъ всякому льститъ, очкомъ мигаетъ,
Бѣлится, румянится, мушекъ съ двадцать носитъ:
Силвія легко даетъ кто чего ни проситъ,
Бояся досаднаго въ отказѣ отвѣта;
Такова и мапушка была въ ея лѣта.
Обычно цвѣтъ чистоты первый увядаетъ
Опрока въ объятіяхъ рабыни; и знаетъ,
Унесши младенецъ что̀, небомъ и землёю
Оплыгаться предъ отцемъ, наставленъ слугою.

Ст. 196. *Прельститъ* = обманетъ.

Слуги язва суть дѣтей; родителей злѣе
Всѣхъ примѣръ. Часто дѣти были бы честнѣе,
Естьлибъ и мать и отецъ предъ младенцемъ знали
Собой владѣть, и языкъ свой въ уздѣ держали.
Правдой и неправдою мнѣ копится куча
Денегъ, и степень достать высоку, жизнь муча,
Нужусь; полвѣка во снѣ, въ пирахъ провождаю,
Въ сластяхъ всякихъ по уши себя погружаю;
Однихъ щастливыми я зову лишь обильныхъ,
И сотью по въ часъ твердя, завидую сильныхъ
Своевольству я людей, и дружбу ихъ тщуся
Всячески снискать себѣ, убогимъ смѣюся:
А однакожь требую, чтобъ сынъ мой доволенъ
Былъ малымъ, чтобъ смиренъ былъ и собою воленъ
Зналъ обуздать похоти, и съ одними знался
Благонравными, и тѣмъ подражать лишь тщался.
По водѣ тогда мои вотще пишутъ вилы.
Домашній, показанный часто примѣръ, силы
Будетъ важной, и идти станетъ сынъ тропою,
Котору протоптану видитъ предъ собою.

И съ какимъ лицемъ журить сына ты посмѣешь,
Когда своимъ наставлять его не умѣешь
Примѣромъ? Когда въ тебѣ видитъ то всечасно,
Что̀ винишь, и ищетъ онъ, что хвалишь, напрасно?
Естьли молодаго мать рака обличаетъ
Кривой ходъ; »Прямо сама поди, отвѣчаетъ,
»Я за тобой поплыву, и подражать стану.«

Ст. 229. *По водѣ тогда мои* и пр. Стар. пословица *вилами по водѣ писать* †.

Ст. 237. *Если молодаго мать рака обличаетъ* и пр. У Бурса:

Ma mère nous nous ressemblons,
J'ai pris pour façon de vivre,
La façon dont vous vivez:
Allez droit, si vous pouvez,
Je tâcherai de vous suivre.

Мы походимъ другъ на друга, матушка; твой примѣръ выбралъ я для жизни: иди прямо сама, а я подражать тебѣ постараюсь.

240. Не льзяль добрымъ быть? Будь золъ, дѣтямъ не къ изъяну;
Лучшеже отъ всякаго убѣгать порока.
Естьли не льзя, скрой его отъ младенца ока.
Когда гостя ждешь къ себѣ, одинъ очищаетъ
Слуга твой дворъ и крыльцо, другой подметаетъ
245. И убираетъ весь домъ, третій третъ посуду:
Ты самъ вездѣ суешься, обѣгаешь всюду,
Кричишь, безпокоишься, боясь чтобъ не встрѣтилъ
Глазъ гостевъ малѣйшій соръ, чтобъ онъ не примѣтилъ
Малѣйшу нечистоту; а ты же не тщишься
250. Поберечь младенцевъ глазъ, ему не стыдишься
Открыть твою срамоту. Гостя ближе дѣти,
Бо́льшу бе́режь ты для нихъ долженъ бы имѣти.
Не одинъ острый судья, знаю, зубы скалитъ,
Злобно улыбаяся, станетъ, и бровь пялитъ,
255. И качая головой, слово молвитъ важно:
Смотри, нашъ молокососъ, какія отважно
Сказки намъ разказуетъ, и времени цѣну
Малу ставя, скучитъ намъ, леня горохъ въ стѣну.
Незнамо съ чего начавъ, нравовъ ужь толкуетъ
260. Вину, воспитанію склонность приписуетъ

Ст. 240. *Нельзяль добрымъ быть?* = Если нельзя быть добрымъ.

Ст. 245. *Когда гостя ждешь къ себѣ*, и пр.

У Ювенала, Сат. XIV, ст. 59:

Hospite venturo, cessabit nemo tuorum:
Verre pavimentum: nitidas ostende columnas,
Arida cum tota descendat aranea tela:
Hic lavet argentum; vasa aspera tergat alter:
Vox domini furit instantis, virgamque tenentis.
Ergo miser trepidas, ne stercore fœda canino
Atria dipliceant oculis venientis amici,
Ne perfusa luto sit porticus. †

Предъ приходомъ гостя всѣ безпрестанно въ домѣ твоемъ трудятся: метутъ полъ, очищаютъ столбы и сметаютъ паутину. Тотъ моетъ серебро, другой чиститъ вазу: голосъ хозяина не умолкаетъ и лоза не опускается. Такъ, бѣдный, боишься, чтобъ въ сѣняхъ нечистота отъ собакъ не оскорбила взора ожидаемаго пріятеля, чтобъ не былъ грязенъ входъ.

Ст. 252. *Бережь* = осторожность.

Ст. 255. *Острый судья* = критикъ. †

Ст. 260. *Вину* = причину

Нашу, уча, какъ растишь дѣпей: однимъ словомъ,
Продерзость та родилась въ мозгу нездоровомъ.
Никита другъ! можетъ быть слово то разсудно
Явится тѣмъ, кои жизнь чая время скудно,
Лучше любятъ осудить вдругъ, что съ ихъ не сходно
Мыслью, нежель выслушать доводы свободно.
Тѣхъ я людей увѣрять ни ищу, ни годенъ,
Да всякъ открывать свое мнѣніе свободенъ,
Естьли не вредно оно, и законовъ сила
Чтительна, нужду молчать въ томъ не наложила.
Пусть не чтетъ, кто мои мнитъ мнѣнія неправы;
Досуженъ стишки пишу для твоей забавы.
Ты лишь меня извини, что одно я дѣло
Начавъ, рѣчью отскочилъ на другое смѣло.
Порядокъ скученъ вездѣ, и нѣсколько труденъ:
Блистаетъ въ сумятицѣ умокъ въ чину скуденъ,
И естьлибъ намъ требовать, чтобъ дѣло за дѣломъ
Разсуждать, и нескончавъ одно, въ недозрѣломъ
Разговорѣ не ввернуть некстати другое,
Въ цѣлой піолпѣ говорить чуть станутъ ли двое.

Ст. 270. *Чтительна* = достойная почтенія.
Ст. 276. *Въ чину* = въ порядкѣ.

Перифр. Умъ, скудный при обыкновенномъ порядкѣ вещей, бываетъ блистательнымъ въ безпорядкѣ.

САТИРА VIII.

Щастливъ тотъ, кто на одной ногѣ стоя двѣсти
Стиховъ пишетъ въ часъ одинъ, и что день полдесяти
Измараетъ: не смотря на то, какъ ни пишетъ,
Мало суетясь, какой вѣтръ на дворѣ дышетъ.
Меня рокъ мой осудилъ писать осторожно,
И писать съ трудомъ стихи, кои бы честь можно.

Когда за перо примусь, совѣсть испытаю,
Не съ страсти ли я какой творцемъ стать желаю?
Не похвалъ ли, коихъ жду отъ тѣхъ трудовъ, жадность,
Не гнѣвъ ли, не зависть ли, иль къ ближнимъ нещадность
Волю ту влагаетъ въ умъ? Сколь бы ни честное
Собою дѣйство было, но можетъ быть злое,
Когда намѣреніе и поводъ неправы.

Естьли совѣсть не ворчитъ, людей уже нравы
Предъ себя въ смотръ выведу, и чѣмъ лучше знаю,
Тѣмъ яснѣе отъ вреда пользу различаю,
Готовя однимъ хвалу, другимъ смѣхъ беззлобный.

Избравъ силамъ моимъ трудъ равный и способный,
Пущу перо, но въ уздѣ; херить не лѣнюся;

Примѣчанія.

Писана въ Парижѣ въ концѣ 1739 г.

Ст. 1 *Щастливъ тотъ, кто на одной ногѣ стоя двѣсти стиховъ пишетъ въ часъ одинъ.*

У Горація, Сат. IV ст. 10.

. . . . . in hora sæpe ducentos,
Ut magnum, versus dictabat, stans pede in uno.

Стоя на одной ногѣ диктовалъ въ одинъ часъ двѣстѣ стиховъ.

Ст. 6 *Честь* = читать.

Ст. 19 *Херить*=марать, почеркивать.

Многоль, малоль напишу стишковъ, не пекуся,
Но смотрю, чтобъ здравому смыслу рѣчь служила,
Не нужда мѣры слова безпутно лепила;
Чтобъ всякое на своемъ мѣстѣ стоя слово,
Не слабо казалося, ни столь лишно ново,
Чтобъ въ безплодномъ звукѣ умъ не могъ понять дѣло.
Во всемъ между тѣмъ смотрю, не чрезчуръ ли смѣло,
Не досадна ли кому рѣчь, что съ пера сплыла,
Стрегучись, чтобъ хуля злы нравы не открыла
Злонравнаго ясная чрезмѣру примѣта.
Видалъ ли искуснаго когда рудомета,
Кой тучну руку сѣчетъ больному въ отраду?
И обвязавъ оную, долго, часто, сряду
Напряженну щупаетъ жилу сверху, сбоку,
И сталь впустивъ смотритъ, чтобъ не весьма глубоку,
Ни узку, ни широку растворить въ ней рану,
Чтобъ не проткнуть, чтобъ подъ ней не нанесть изъяну.
Того осторожности точно подражаю,
И когда стихи пишу, мню, что кровь пущаю.
Кончавъ дѣло, надолго тепрадь въ ящикъ спрячу.
Пилю и чищу потомъ, и хотя истрачу
Бо́льшу часть прежнихъ трудовъ, новыхъ не жалѣю;
Со всѣмъ тѣмъ стихи свои я казать не смѣю.
Стыдливымъ, боязливымъ, и всегда собою
Недовольнымъ быть—во мнѣ природы рукою
Вписанно, иль отческимъ совѣтомъ изъ дѣтства.
Здравый смыслъ часто притомъ и труды и бѣдства
Внушалъ мнѣ, естьлибъ я сталъ смѣлъ, и стыдъ отставилъ;
Съ тѣхъ поръ слѣдовалъ туда, куда онъ направилъ.
Вѣрилъ всегда, что лице, на коемъ садится
Часто красный цвѣтъ стыда, вдвое становится
Красивѣе, и даетъ знаки неоспорны

Ст. 30 *Рудомета*—кровопускателя.

Внутреннія доброты; что языкъ проворный,
Когда бѣжитъ безъ узды, долженъ спотыкаться;
Что смѣлость только тогда хвальна можетъ звaться,
Когда пропивляемся нашей злобной волѣ,
Иль законно рвемъ вѣнцы изъ рукъ враговъ въ полѣ;
Когда клеветниковъ ложь гнусну обличаемъ,
Иль невинность слабую право защищаемъ;
Что кто выше всѣхъ себя цѣня повышаетъ,
Достойнымъ похвалъ себя самъ не почитаетъ.
Теперь тѣ свойства мои чувствую умиленъ,
Сколь вредны мнѣ, и ужѐ избыть ихъ не силенъ.
Вредны не въ одномъ лишь томъ, что мѣшаютъ смѣло
Стихи писать и казать, и, какъ многи, дѣло
Свое въ люди выводить, самъ то выхваляя.
Часто щастливый случай, кой у пальцовъ края
Моихъ лежалъ, упустилъ, не посмѣвъ вжать въ руку;
Часто безконечныхъ вракъ тяжку снесъ я скуку
Потѣя, сжимаяся, бывъ нѣмѣе клуши,
Стыдясь сказать: пощади, дружокъ, мои уши.
Между тѣмъ другой, — кому боги благосклонны
Дали мѣдное лице, дабы всѣ законны
Стыда чувства презирать не рдясь, не блѣднѣя, —
У всякихъ стучитъ дверей, предъ всякимъ и шея
И спина гнется его; въ отказѣ зазора
Не знаетъ, скучая всѣмъ дерзокъ безъ разбора.
Сотью програнъ, сотью онъ возвратится сряду,
Ни слугъ, ни господскую помня онъ досаду.
И такъ съ степе́ни въ степе́нь щастье его взноситъ:
Чтобъ избыть его, даютъ ему, что ни проситъ.
Пока я даромъ пять лѣтъ вздыхая испрачу
При красавицахъ,—одинъ смѣлому удачу
День доставитъ, и его надежду вѣнчаетъ.

Ст. 73 *Не рдясь* = не краснѣя. и проч. Непомня ни оскорблена слугъ, ни обиду Господь.
См. 78. *Ни слугъ, ни господскую,*

*

Заслуги свои, родъ, умъ, съ устъ онъ не спускаетъ,
Чужія щиплетъ дѣла, о всемъ дерзко судитъ,
Себя слушатъ, и нѣмѣтъ всѣхъ въ бесѣдѣ нудитъ,—
И дивится наконецъ себѣ заставляетъ.
Рѣдко кто рѣчи людей право вѣситъ знаетъ,
И склоненъ, испытавъ словъ силу всѣхъ подробно,
Судитъ потомъ: каковъ мозгъ, кой родитъ удобно
Могъ тѣ слова? Бо́льша часть по числу словъ мѣритъ
Въ насъ разумъ, и глупцами молчаливыхъ вѣритъ.
Часто слышу рѣчь его: Аристъ мужикъ честный,
Тихъ, учтивъ, и можетъ быть другу другъ нелестный;
Да въ часъ слова у него не можно добиться,
Сотью жёвана изъ устъ рѣчь его тащится
И не долга и тиха; вѣкъ я съ нимъ зѣваю,
И по тому разума въ немъ не признаваю.
Древле добродѣтели средину держали
Между двухъ краевъ, гдѣ злы нравы засѣдали;
Въ наши вѣки тотъ уже́ чинъ дѣлъ опмѣнился.
Кто умѣренный доходъ имѣя, не пщился,
Правдой и неправдою золота примѣтны
Копя кучи, накопитъ богатсва несчетны, —
Лѣнивецъ онъ, и живетъ въ презрѣніи скудно.
Кто къ дѣлу лишь говоритъ въ мѣру и разсудно,—
Угрюмъ, скучливъ. Кто свои дѣла смысломъ правитъ,
Малодушенъ, надъ собой смѣяться заставитъ.
Го́нимъ за славой путемъ, дерзки и безстыдны,
На коемъ славы слѣды нимало не видны,
И кажемся нагонять сами себѣ любы.

Ст. 92 *И глупцами молчаливыхъ вѣритъ*=и глупцами почитаетъ молчаливыхъ.

Ст. 105. *И живетъ въ презрѣніи скудно.*

У Ювенала, Сат. III.

Nil habet infelix paupertas durius in se, Quaem quod ridiculos homines facit.

Самое ужасное свойство бѣдности есть то, что она дѣлаетъ людей презрѣнными [смѣшными.].

Ст. 111. *И кажемся нагонять*, и пр.

И по самолюбію нашему, кажется что детигаемъ.

Когда облакъ съ нашихъ мы прогонимъ глазъ грубый,
И нашъ увидимъ обманъ, кой въ пропасть насъ вводитъ?
Ужьли для насъ истины солнце ужь не всходитъ?
Напрасно мы льстимъ себѣ. Сколь намъ ни любезенъ,
Сколь ни нравенъ порокъ нашъ мнится и полезенъ,
Хулы достоинъ всегда, и достоинъ смѣха;
Долго въ немъ ожидать неможно успѣха.
Слѣдуетъ тому всегда зазоръ, страхъ и скука;
Долга малой сладости и тяжка есть мука.
Что пользуетъ множество людей безразсудно
Привесть въ удивленіе, когда въ одномъ трудно
Часъ они могутъ стоять, и что теперь хвалятъ,
Величаютъ, спустя часъ хулятъ ужь и малятъ?
Когда честный, мудрый мужъ, сколь часто случится
Ему на насъ вскинуть глазъ, отъ дѣлъ нашихъ рдится?
Словомъ: добродѣтели кто измѣнилъ истой,
Пусть не приближается къ престолу, нечистой,
На коемъ лучшій ея другъ насъ управляетъ.
Нераздѣльна отъ нея АННА въ лице знаетъ
Вѣрныхъ добродѣтели слугъ, и имъ обильны
Дары сыплетъ; лучей снесть глазъ Ея несильны
Злонравные, коихъ вся надежда въ обманѣ,
Какъ рукъ Ея перуна Скиѳы, Агаряне.

Ст. 131 *Тьмъ*=имъ.

Ст. 132 *Лучей снесть глазъ Ея*, и проч. Злонравные не въ состояніи перенести лучей Ея глазъ, такъ какъ Скиѳы и Агаряне должны уступить Ея оружію.

ОДЫ, БАСНИ,

ПИСЬМА И ЭПИГРАММЫ.

ОДА I

1. Тщетную мудрость міра вы оставьте,
Злы Богоборцы! Обративъ кормило,
Корабль свой къ брегу истины направьте:
Теченье ваше досель блудно было.
5. Признайте Бога, Иже управляетъ
Тварь всю Своими созданну руками.
Той простеръ небо: да въ немъ намъ сіяетъ
Далъ солнце, свѣта источникъ, съ звѣздами.
Той луну, солнца лучи преломляти
10. Научивъ, темный шаръ свѣтить заставилъ:
Имъ зрятся чудны сіи протекати
Тѣлеса воздухъ, и въ нихъ Той уставилъ
Теченій мѣру, порядокъ и время,

Примѣчанія.

Въ прежнихъ изданіяхъ эти піэсы названы пѣснями. Мы называемъ ихъ одами, ибо изъ содержанія и формы ихъ видно какъ близко Кантемиръ подражалъ въ нихъ одамъ Горація. — Поэтъ назвалъ ихъ пѣснями по старинному нашему переводу ᾠδή — пѣснь; такъ въ церковныхъ нашихъ книгахъ слово τριῴδιον переведено *тріпѣснецъ*.

Мысль этой оды заимствована изъ Горація Кн. I, Ода XXXIV.

Parcus Deorum cultor et infrequens,
Insanien tis dum sapientiæ
Consultus erro, nunc retrorsum
Vela dare, atque iterare cursus
Cogor relictos.

Заблуждаясь въ безумной мудрости, я, злой богобореցъ, долженъ нынѣ обратить вѣтрила и птти снова оставленнымъ мною путемъ

Ст. 5. *Иже* = который.

Ст. 7. *Той* = тотъ, онъ, т. е. Богъ.

И такъ увѣсилъ всѣ махины части,
Что нигдѣ лишна легкость, нигдѣ бремя;
Другъ друга держатъ, и не могутъ пасти.
Его же словомъ въ воздушномъ пространствѣ,
Какъ мячикъ легкій, такъ земля катится;
Въ травъ же зеленомъ и дубравъ убранствѣ
Тутъ гора, тамо долина гордится.
Той изъ источникъ извелъ быстры рѣки,
И пескомъ слабымъ велѣлъ сохранять
Морямъ свирѣпымъ свой предѣлъ вовѣки,
И вѣтрамъ легкимъ далъ съ шумомъ дышати.
Разны животныхъ оживилъ Онъ роды;
Часть перомъ легкимъ въ воздухъ шѣла бремя
Удобно взноситъ, часть же сѣчетъ воды,
Ползетъ иль ходитъ грубѣйшее племя.
Съ малой частицы мы блата сплетенны
Тогожь въ плоть нашу всесильными персты,
И устенъ духомъ Его оживленны;
Онъ намъ къ понятію далъ разумъ отверстый.
Той черный облакъ жаркимъ раздѣляя
Перуномъ, громко гремя устрашаетъ
Землю и воды, и дальнѣйша края
Темнаго царства быстръ звукъ достизаетъ.
Низитъ высокихъ, низкихъ возвышаетъ;
Тутъ даетъ, что тамъ восхотѣлъ отъяти.
Горамъ коснувся дымѣтъ понуждаетъ:
Маніемъ міръ весь силенъ потрясати.

Ст. 22 . . . . . *велѣлъ сохранять Морямъ свирѣпымъ свой предѣлъ* Въ Св. Писаніи Господь говоритъ морю: Сѣмо дойдеши и не прейдеши.

Ст. 29 *Блата*, = грязи, бренія.

Ст. 37. *Низитъ высокихъ, низкихъ возвышаетъ.* Пѣснь Богородицы: Низложи сильныя со престолъ и смиренныя вознесе.

Ст. 39. *Горамъ коснувся дымятъ понуждаетъ.* У Давида, пс. 120. Касаяйся горамъ и дымятся.

ОДА II

1. Видишь, Никита, какъ крылато племя
Ни землю пашетъ, ни жнетъ, ниже сѣетъ;
Отъ руки вышней однакъ въ свое время
Пищу довольну, жизнь продлишь, имѣетъ.

* * *

5. Лилеи въ полѣ, какъ зришь, многоцвѣтной
Ни прядетъ, ни тчетъ Царь мудрый Сіона;
Однако въ славѣ своей, столь примѣтной
Не имѣлъ одежды.—Ты голосъ закона,

* * *

Въ сердцахъ природа кой отъ вѣкъ вложила,
10. И Богъ во плоти подтвердилъ, внушая,
Что́ честно, благо,—пусть того лишь сила
Тобой владѣетъ, злости убѣгая.

* * *

О прочемъ помыслъ Отцу Всемогущу
Оставь, который съ облакъ устремляетъ
15. Перуны грозны и бурю ревущу;

Примѣчанія.

Основная мысль этой оды заимствована изъ Св. Евангелія: Матѳея гл. 6, ст. 28, и Луки глава 12, ст. 27, и изъ Горація кн. 1 Ода IX ad Thaliarchum

См. 7. *Примѣтной*—достойной, блистательной. Съ Пол. przymiota.

Тучу въ пріятно ведро обращаетъ.

* *
*

Что̀ завтра будетъ, искать не крушися;
Всякъ настоящій день даръ бышь считая,
Себѣ полезенъ и инымъ потщися
Учинить, вышне наслѣдство жадая.

* *
*

Властелинъ міра нужду твою знаетъ;
Не лишитъ пищи, не лишитъ одежды;
Кто Того волю смиренъ исполняетъ
Не отщетится своей въ немъ надежды.

Ст. 17. *Что̀ завтра будетъ, искать некрушися*, и пр.

У Горація кн. I, Ода IX, ст. 13 и др.

Quid sit futurum cras, fuge quærere; et,
Quem sors dierum cumque dabit, lucro
Appone;

Не ищи узнавать что будетъ завтра, и что бы тебѣ ни далъ день, считай за прибыль.

Ст. 20 *Жадая* = желая, съ Пол. żądać.

Ст. 24 *Не отщетится* = не отречется, не отдалится.

ОДА III

1. Того вы мужа, что пріятна зрите
Лицемъ, что въ сладкихъ словахъ, клянясь небомъ,
Дружбу сулитъ вамъ, вы друзья, бѣгите!
Ядъ подъ мягкимъ хлѣбомъ.

* * *

5. Естьли бы сердце того видѣть можно,
Виднобъ сколь злобна мысль, хоть мнятся правы
Того поступки, и сколь осторожно
Свои таитъ нравы.

* * *

Помочи въ нуждахъ отъ него не ждите,
10. Одному только онъ себѣ радѣетъ;
Обязать службой себѣ не ищите,
Забывать умѣетъ.

* * *

Что̀ у другаго въ рукахъ ни увидитъ
Лишно чрезмѣрно въ рукахъ тѣхъ быть чаетъ,

Примѣчаніе:

Писано въ 1735 году.

Ст. 3 и 4. . . . *Бѣгите! Ядъ подъ мягкимъ хлѣбомъ.*

У Виргилія:

. . . Fugite, o pueri! frigidus latet anguis in herba. †

Бѣгите, юноши, хладный змѣй лежитъ въ травѣ.

И неспокойнымъ сердцемъ то завидитъ;
Все себѣ желаетъ.

* * *

Когда вредитъ кто, кому лише сможетъ,
Вредитъ безъ всякой бѣдному причины;
Сильно въ нещастье впадшему поможетъ
Доспичь злой кончины.

* * *

Ни старость честна, ниже святость сана,
Ни слабость пола языкъ обуздати
Его не можетъ; вся суть имъ попрана;
Всѣхъ обыклъ пятнати.

* * *

Кому свое съ нимъ щастіе благое
Не дало знаться, тотъ хулъ убѣгаетъ.
Божіе имя щадитъ онъ святое,
Что Бога не знаетъ.

* * *

О Царю небесъ! Иже управляешь
Тварь всю Твоими созданну руками,
Почто въ немъ наши язвы продолжаешь?
Просимъ со слезами.

* * *

Пусти нань быстры съ облакъ Твои стрѣлы,
Законоломцамъ скованны въ погибель,
И человѣческъ радостенъ родъ цѣлый
Узритъ его гибиль.

Ст. 27 и 28. *Божіе имя щадитъ онъ святое, что Бога незнаетъ.*

Подражаніе этой эпитафіи Аретину:

Qui giace, Aretin, poeta tosco;
Disse di tutti mal for che di Christo
Scusandosi con dir nol nosco.

Здѣсь лежитъ Аретинъ, Тоскан-
скій стихотворецъ,
Который всѣхъ злословилъ, кромѣ
Христа,
Тѣмъ извиняяся, что его не знаетъ

Ст. 33. *Нань* = на него.

Deacidified using the Bookkeeper proces
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologie
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATIO
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

APR 77

BOUND BY HNM

LIBRARY OF CONGRESS
0002524342O